ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры

2015 № 3 (141)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2015 № 3 (141)

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1920 г.

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1995 г.

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. А. Кокшаров, ректор УрФУ, председатель совета

Д. В. Бугров, директор Института гуманитарных наук и искусств УрФУ

М. Б. Хомяков, директор Института социальных и политических наук УрФУ

В. В. Алексеев, акад. РАН

А. Е. Аникин, чл.-корр. РАН

В. А. Виноградов, чл.-корр. РАН

А. В. Головнев, чл.-корр. РАН

С. В. Голынец, акад. РАХ

К. Н. Любутин, проф. УрФУ

А. В. Перцев, проф. УрФУ

Ю. С. Пивоваров, акад. РАН

А. В. Черноухов, проф. УрФУ

Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)

Д. Беннер, проф. (Германия)

Дж. Боулт, проф. (США)

П. Бушкович, проф. (США)

М. Гудерцо, проф. (Италия)

Л. Инчуань, проф. (Тайвань)

Н. Коллман, проф. (США)

Дж. Майклсон, проф. (США)

А. Мустайоки, проф. (Финляндия)

Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)

М. Перри, проф. (Великобритания)

Х. Рюсс, проф. (Германия)

Г. Саймонс, проф. (Швеция)

К. Хьюитт, проф. (Великобритания)

А. Федотов, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

В. М. Амиров, канд. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

Члены редколлегии

Б. Н. Лозовский, докт. филол. наук, доц.

М. М. Ковалева, докт. филол. наук, проф.

В. Ф. Олешко, докт. филос. наук, проф.

И. В. Зиновьев, докт. филос. наук, доц.

Э. В. Чепкина, докт. филол. наук, доц.

Л. Л. Рыбцова, докт. социол. наук, проф.

А. П. Чудинов, докт. филол. наук, проф.

Т. А. Галеева, канд. искусствоведения, доц.

Т. Ю. Быстрова, докт. филос. наук, доц.

И. Б. Бритвина, докт. социол. наук, доц.

В. В. Запарий, докт. ист. наук, проф.

Г. Е. Зборовский, докт. филос. наук, проф.

Р. Коул, проф. (США)

В. Батмаз, проф. (Турция)

Лей Юцзе, проф. (Китай)

© Уральский федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИБУНА УЧЕНОГО

Зборовский Г. Е. Плюрализм методологических подходов как проблема научного исследования 6

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Баканов Р. П. Профессионализм журналиста в дискурсе современных федеральных СМИ 16

Бакштановский В. И., Богданова М. В. Этика безнадежной решимости — актуальная ценность современной журналистики? 23

Бойчук А. Н. Этапы развития телевидения в Каменске-Уральском (1990–2014 гг.) ... 28

Быков А. Ю. Формирование представлений о свободе слова: опыт журналистского образования в США 37

Сарасов Е. А. Законодательное обеспечение права человека на информацию и социальные компьютерные сети 45

Сумская А. С. Монетизация ТВ-форматов: индустриальный подход 52

Ткаченко Л. А. Специфика православной журналистики и новые тенденции в развитии системы епархиальных СМИ 59

Франтасова А. М. Дискурсивные практики печатной рекламы гостиничных услуг 64

ПСИХОЛОГИЯ

Пермякова М. Е., Ершова И. А. Субъективное ощущение счастья у верующих и атеистов 69

Королева Ю. А. Социально-психологическая компетентность в структуре жизнеспособности личности 79

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мясникова Л. А., Дроздова А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневности в современном гуманитарном знании 86

Старостова Л. Э. Прагматический подход к моделированию территориальной идентичности: социокультурный аспект 95

Головнева Е. В. Региональная идентичность в культуре постмодерна 105

Кириллова Н. Б., Улитина Н. М. Истоки экзистенциализма в творчестве М. Ю. Лермонтова: культурологический аспект 112

Степанова Т. М., Степанов А. В. Иконика. Мотивирующие факторы иконической деятельности: собирательство, разнообразие, новизна 125

Сурков А. В. Искусство фотографии. Амбивалентность цифровой фиксации 135

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Томильцев А. В., Мальцев А. В. Стандартизация содержания образования на основе составления структурно-логической схемы (карты знаний) 141

Проценко Л. Г. Стратегии исследования неформальных научных сообществ: «невидимые колледжи» *vs* научные школы 153

Залесский М. Л., Макарова Д. В., Залесская А. М. Роль студенческого самоуправления в формировании профессиональных компетенций выпускника университета предпринимательского типа 163

Фахрутдинова А. В. Современное понимание гражданского воспитания учащихся: содержательный аспект 170

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Исхаков Р. Л., Карамов Н. С., Нурмаметов Р. Р. Российские мусульмане: к вопросу об этноконфессиональной идентификации 175

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Емельянов Б. В. Философия специального хранения: факты и комментарии.....188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная конференция «Исторический опыт и проблемы современности», посвященная 70-летию Великой Победы (*В. В. Запарий*)..... 196

Summary 199

УДК 001.8 + 001.4 + 16 + 378

Г. Е. Зборовский

ПЛЮРАЛИЗМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ КАК ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье доказывается необходимость применения при проведении теоретического и эмпирического исследования не одного-двух, а целого ряда методологических подходов — как предметных (дисциплинарных), так и межпредметных (междисциплинарных). Особое внимание уделено использованию в последние годы в социально-гуманитарных исследованиях естественно-научных подходов — при условии их методологической целесообразности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: плюрализм; методологические подходы; количественные и качественные подходы; дисциплинарные (предметные) подходы; междисциплинарные подходы; естественно-научные подходы.

Актуальность и постановка проблемы. Проведение любого научного исследования всегда базируется на использовании определенных методологических подходов. Однако обсуждение этого вопроса на страницах изданий (как монографических, так и периодических) и диссертационных работ зачастую превращается в пустую формальность. Обычно перечисляются традиционно применяемые теоретические и эмпирические подходы, что сопровождается в ряде случаев ссылками на работы известных ученых в конкретной отрасли научного знания и перечень созданных ими концепций и теорий. После соблюдения этого методологического ритуала автор считает свою миссию выполненной и приступает к непосредственному анализу своей проблемы.

Между тем работа над определением подходов к проведению собственного научного исследования может принести немало пользы, если к ней отнестись с соответствующим пониманием и уважением. Мы имеем в виду учет одного

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

© Зборовский Г. Е., 2015

из требований научного исследования — осмысленного и обоснованного выбора методологических подходов к нему на основе использования принципа их плюрализма.

Целью статьи является рассмотрение проблемы плюрализма научных подходов в рамках подготовки и проведения социологического исследования. Отметим сразу, что многое из сказанного далее вполне может быть применено и в иных видах социально-гуманитарного исследования, связанного с научным изучением конкретных общественных проблем. Известно, что социологическое исследование по самой разнообразной тематике (как теоретическое, так и эмпирическое) можно проводить, используя различные пути, — в зависимости от его объекта и предмета, цели, задач и гипотез, работы с накопленной ранее информацией и т. д. Существует ряд способов проведения такого исследования, которые целесообразно рассматривать как определенный алгоритм его подготовки и осуществления.

Принцип плюрализма подходов как составная часть методологии и программы социологического эмпирического и теоретического исследования. Со времен первой Чикагской социологической школы (1920-е гг.) этот алгоритм принято называть программой социологического эмпирического исследования, включающей в себя принцип плюрализма подходов в изучении конкретных проблем. Согласно этому принципу, доказывается возможность попеременного либо одновременного использования количественных и качественных стратегий и, в их рамках, соответствующих методологических и методических подходов. Как пишет В. В. Семенова, «методологическое преимущество сочетания двух подходов (качественных и количественных. — *Г. З.*) состоит в том, что одни и те же социальные объекты рассматриваются с разных позиций. ...Сущность такого совмещения состоит в комбинировании "подхода, ориентированного на изучение переменных", и "подхода, ориентированного на человека"» [10, *93*]. По существу, речь идет о своеобразном принципе дополнительности как факторе смешанной исследовательской стратегии, когда одни подходы — количественные дополняют и усиливают другие — качественные (или наоборот). Следовательно, уже в эмпирическом исследовании становится возможным использование принципа плюрализма подходов.

Многие положения методологии (и программы как ее составной части) эмпирического исследования вполне пригодны для осуществления и теоретического исследования. Но специфика последнего требует несколько иного алгоритма. В принципе он существует, и в самом общем виде может быть сведен к системе (методологии и методике) любого теоретического социально-гуманитарного, в том числе социологического, исследования.

Теоретическое исследование включает в себя разработку комплекса идей, взглядов, представлений, направленных на анализ и решение конкретных научных проблем, истолкование и объяснение каких-либо социальных явлений и процессов. Признаками такого исследования являются: использование взаимосвязанных суждений, представлений, понятий, гипотез; наличие способа объяснения целого класса объектов; система доказательств, выводов; создание теории (концепции);

связь (и взаимосвязь) с другими рядоположенными теоретическими исследованиями по рассматриваемой проблеме.

Теоретическое исследование воплощает определенную программу, которая обусловливает его целостность как единой системы знания. Это исследование включает в себя такие компоненты, как: 1) исходная теоретическая основа, включающая множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов, в совокупности описывающих идеализированный объект теории; 2) исходная эмпирическая основа, включающая множество зафиксированных в данной области знания фактов, требующих теоретического объяснения; 3) логика исследования — множество допустимых в его рамках правил логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в исследовании утверждений с их доказательствами, составляющими основной массив теоретического знания.

Методологически центральную роль в теоретическом исследовании играет лежащий в его основе идеализированный объект — теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализаций [11, *676–677*]. Эта модель строится на основе определенной научной парадигмы (или нескольких парадигм). Ее (модели) создание предполагает использование целого ряда методологических подходов на основе перехода от одного к другому. Это означает, что возникает необходимость учета и применения принципа их плюрализма. Рассмотрим названный принцип, его реализацию в рамках социологического теоретического исследования.

Специфика такого исследования предполагает ориентацию социологов на анализ социальных структур, общностей как больших социальных групп, систем и процессов, в них происходящих. Социальные общности, выступающие объектом макросоциологического теоретического исследования, — это не только цивилизация в целом и наиболее крупные ее социальные образования, включающие реальные виды обществ и их взаимодействия, но и реально существующие, теоретически и эмпирически фиксируемые, относительно единые и самостоятельные взаимосвязи (совокупности) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Эти социальные общности характеризуются рядом признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [4, *110*].

Макросоциологическое исследование не требует детального рассмотрения конкретных проблем и ситуаций, возникающих в социальных общностях, а нацеливает на их комплексный охват, предполагает наличие широкого взгляда на них, позволяющего включить эти локальные процессы, проблемы и ситуации в общетеоретический контекст анализа. Теоретическое социологическое исследование объясняет социальную реальность сквозь призму общих и специфических тенденций ее функционирования и развития, ориентирует на выявление

механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни, позволяет осуществить анализ социального развития, в том числе сквозь призму преодоления возникающих конфликтов.

Однако социологические теоретические исследования касаются не только общества и его структур (включая социальные общности). В неменьшей степени они охватывают жизнь человека и его поведение, соотношение человеческого действия и социальной структуры.

Любое социологическое теоретическое исследование включает в свою структуру понятия, суждения, переменные и формы [8, *567*]. Понятия описывают качественное своеобразие изучаемых явлений, суждения отражают закономерные связи в исследуемой области явлений и процессов, переменные (различного уровня общности и зависимости) выражают степень изменения определенного свойства или признака, форма есть логическое структурирование полученных знаний.

Описанный выше путь теоретического исследования является многократно апробированным, традиционным. Иногда социологи идут по нему осознанно, акцентируя внимание на каждом его этапе, стараясь ничего не упустить и не пропустить. Вместе с тем нередко они не обращают специального внимания на последовательное прохождение этих этапов, поскольку алгоритм исследования оказывается прочно усвоенным и вошедшим, что называется, в «кровь и плоть» научной деятельности.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое оказывается упущенным в процессе этой деятельности. Речь идет о невыраженном стремлении (или даже о его полном отсутствии) исследователей к выбору не одного, а нескольких методологических подходов для рассмотрения интересующей их проблемы. Другими словами, упускается возможность использования принципа плюрализма применяемых методологических подходов.

Такая возможность нам представляется крайне важной для проведения теоретического социологического исследования. С этой целью научно оправданным является использование как конкретных дисциплинарных (предметных), так и междисциплинарных (межпредметных) методологических подходов. Собственно, сам социологический анализ конкретной проблемы и является одним из предметных подходов к ее исследованию. В таком же качестве могут выступать философский, экономический, исторический, психологический и иные подходы, тесно сопряженные с социологическим анализом. Взятые в единстве применительно к изучению какой-либо проблемы, они могут придать ее исследованию многоаспектный, разносторонний и глубокий характер.

С этой точки зрения еще более важным является использование междисциплинарных методологических подходов. К их числу мы отнесем в первую очередь системный, институциональный, общностный, деятельностный, социокультурный, пространственно-временной, аксиологический и другие подходы. Особо следует сказать о набирающем в последние годы уверенные обороты ресурсном подходе.

По нашему мнению, использование целого ряда научных подходов в социологическом исследовании есть не что иное, как проявление социологического

плюрализма. Сегодня подобная постановка вопроса вряд ли вызовет какую-либо дискуссию, но еще некоторое время назад, в середине 1990-х гг., она была предметом серьезных споров. Правда, они разгорелись не вокруг применения различных дисциплинарных и междисциплинарных подходов к изучению какой-то одной проблемы (плюрализм подходов), а в связи с использованием для этого ряда парадигм и теорий. В этом отношении представляет интерес дискуссия между М. Н. Руткевичем (сторонником «марксистско-ленинского» монизма и борцом против социологического плюрализма) и В. А. Ядовым (сторонником социологического плюрализма), которая имела место на страницах «Социологического журнала» в 1996 г. [9, 12].

Предметом для дискуссии послужила небольшая, но крайне важная в методологическом отношении статья В. А. Ядова, вышедшая годом раньше [13]. В ней он доказывал возможность и даже необходимость при исследовании той или иной социологической проблемы, того или иного социального феномена использовать не одну, а несколько парадигм, разных теоретических подходов для того, чтобы осуществить различные интерпретации тех или иных социальных фактов. По мнению Ядова, это будет способствовать более глубокому их объяснению. Согласно его позиции, наличие ряда теоретических моделей, выступающих как опорные конструкции для исследования, крайне важно для социальных наук. Последовательно переходя от одной к другой объяснительной модели, мы получаем возможность увидеть анализируемый феномен (проблему) под новым углом зрения.

С точки зрения Руткевича, подход Ядова есть не что иное, как эклектика, смешивание того, что не подлежит соединению и тем более совместному использованию. Ядов же отстаивает, с нашей точки зрения, совершенно обоснованно, необходимость теоретического плюрализма. Упоминая и характеризуя эту дискуссию, не следует забывать, что она имела место в 1990-е гг., в период активизации социологической гласности и складывания, формирования в обществе нового социологического мышления.

После выхода в свет упомянутой статьи В. А. Ядова мы попытались использовать предложенный им принцип плюрализма в анализе образования как социального феномена с позиций ряда парадигм и теорий: обмена, конфликта, структурного функционализма и др. Это позволило получить ощутимую прибавку знания о реальных проблемах образования и его концепциях — как в отечественной, так и в зарубежной социологии [5].

При рассмотрении социологического плюрализма как принципа теоретической социологии большой интерес представляет точка зрения на него А. Г. Здравомыслова. Он пишет, что «признание теоретического плюрализма в социологической теории есть прежде всего результат признания “многослойности” социальной реальности» [6, *282*]. Тем самым он призывает социологов в процессе анализа тех или иных парадигм, теорий, концепций обращаться к выявлению связи между ними и теми реальными социальными фактами, событиями, процессами, которые они отражают и в концентрированном виде выражают. Это важно для того, чтобы анализ принципа плюрализма не превращался в теоретическую «игру», «плетение» научных, может быть, даже наукообразных «кружев».

Плюрализм подходов в социологии как научная, практическая и общественно-политическая проблема. Здесь следует отметить одно весьма значимое обстоятельство: чем более разнообразной, многослойной и мозаичной становится социальная реальность, тем более заметным оказывается плюрализм ее интерпретаций. Одним из ярких доказательств этой связи стало появление в нашей стране в течение последних 15–20 лет большого количества достаточно разных теорий переходного периода, модернизации, трансформации общества и т. д. Многослойность, мозаичность, плюрализм социальной реальности вызывает ее различные интерпретации и стимулирует тем самым резкое возрастание смыслообразующих возможностей социологических трактовок.

В связи с этим вновь процитируем А. Г. Здравомыслова, который писал, что «этот теоретический плюрализм проистекает из многообразия интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе и из многообразия "партийных" точек зрения. Во всяком случае, российскому социологу приходится учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолевать их в своей исследовательской практике или по меньшей мере демонстрировать стремление к преодолению узкопартийных взглядов, в сколь бы прогрессистскую и принципиальную идеологию они не облекались. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания» [6, *284*].

Выясняется, что проблема социологического плюрализма — это не только внутренняя проблема науки, но в определенных обстоятельствах она может вызывать широкий общественный, политический и властный интерес. Чтобы осмыслить эту ситуацию, следует отметить несколько разновидностей плюрализма в социологии. Одна из них — это теоретический плюрализм в его, так сказать, чистом, рафинированном виде. Речь идет о концепциях, теориях, парадигмах, имеющих сугубо научный характер, обращенных в сферу эпистемологии, методологии, логики научного исследования и т. д. и не выходящих напрямую на социальную и политическую проблематику, на отношения социологии и ее конкретных представителей с властными структурами. Другая разновидность плюрализма в социологии связана с ее политическими, идеологическими, религиозными векторами и соответствующей практической направленностью интересов.

Иногда эти разновидности могут, так или иначе, пересекаться в деятельности социологов. И тогда мы можем обнаружить, что одни виды плюрализма не вызывают реакции властных структур, тогда как другие, наоборот, привлекают слишком пристальное их внимание, доходящее до готовности принять репрессивные меры против тех или иных социологических структур или отдельных социологов, не согласных с какими-либо политическими решениями власти.

Возьмем в качестве примера деятельность социологов Левада-центра. Когда они разрабатывают методологические и методические проблемы эмпирических исследований, это никого не волнует, кроме специалистов, работающих в данной области социологической науки. Но как только публикуются результаты исследований, которые показывают нелицеприятные для власти социальные факты (например, заметное падение рейтинга Президента страны в определенные периоды

времени, негативное отношение в обществе к законодательным инициативам депутатов Госдумы РФ), так сразу же ставится вопрос о применении в отношении социологов ФЗ № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Как известно, этот закон позволяет считать научную деятельность в социологии разновидностью политической, а некоммерческие (неправительственные) организации, ее осуществляющие, рассматривать в качестве иностранных агентов.

Вывод, который можно сделать, состоит в том, что в конечном итоге плюрализм подходов в социологии становится не только методологической, но и практической проблемой деятельности исследователей. Наличие такого аспекта проблемы лишний раз свидетельствует о том, что социологическое поле и поле политики оказываются не просто рядом, а частично «покрывают» друг друга, даже взаимопроникают и заставляют еще раз задуматься над тем, каким образом социологам можно участвовать в создании в России гражданского общества.

Соотношение различных методологических подходов в социологии. Рассматривая плюрализм научных подходов в социологическом исследовании, отметим, что речь не идет о том, нужно или не нужно, важно или не важно, целесообразно или нет применять те или иные дисциплинарные (философский, экономический, исторический, психологический, правовой и др.) либо междисциплинарные (системный, институциональный, деятельностный, общностный, социокультурный, пространственно-временной, ресурсный и др.) подходы. Конечно, нужно, важно и целесообразно. Вопрос состоит в определении возможности делать это в рамках исследования какой-то одной, конкретной, четко сформулированной проблемы или какого-то одного конкретного объекта (процесса). Главное — как определить, какие подходы могут или даже должны быть применены в предпринимаемом исследовании. Выявление таких подходов зависит от характера проблемы, уровня ее методологической и методической разработанности, цели и задач исследования, предполагаемых результатов и ряда других обстоятельств. Не последнюю роль могут играть и личные пристрастия и интересы автора.

Существенное значение приобретает понимание того, как соотносятся между собой дисциплинарные (предметные) и междисциплинарные (межпредметные) подходы, какие из последних оптимально соответствуют тем или иным конкретным научно-предметным подходам, а какие — нет. В этом плане интерес может представить конструирование своеобразной матрицы (схемы) обоих видов подходов — дисциплинарных и междисциплинарных, локализованных на горизонтальном и вертикальном уровнях, на перекрестье которых обнаруживаются их (подходов) связи, сочетания и совмещения. Создание такой матрицы в ее графическом виде есть, по существу, результат индивидуальных представлений социологов, деятельности их научного сознания относительно самих подходов, их типологии, группировки, классификации, выявления связей и взаимодействий между ними.

В процессе использования того или иного предметного (дисциплинарного) подхода могут быть «задействованы» любые из междисциплинарных подходов.

Это — теоретическое допущение. Его реализация возможна лишь тогда, когда исследователь стремится выявить перспективы применения каждого из них для того, чтобы получить как можно более полную и адекватную картину изучаемого феномена либо рассматриваемой проблемы.

Сама схема (матрица) подходов, конструируемая исследователем, позволяет увидеть, что социологический подход рассматривается как один из рядоположенных дисциплинарных (предметных) подходов, наряду с философским, экономическим, историческим, психологическим и другими подходами. Важно отметить, что он с ними взаимодействует. Благодаря этому взаимодействию рождается иной тип социологического знания, обогащенного философским, историческим, экономическим, психологическим знанием. Подобная ситуация становится базовой для возникновения интегрального знания. Можно попытаться сформулировать набор требований к полноте социологического знания по той или иной проблеме с учетом смежных подходов. Вместе с тем, как и все дисциплинарные подходы, социологический взаимодействует с междисциплинарными (межпредметными) подходами: системным, институциональным, деятельностным, социокультурным, пространственно-временным, общностным, ресурсным и т. д.

Рассмотрим в качестве примера исследование социального феномена волонтерства, представляющего сегодня достаточно сложную и актуальную научную проблему. Из литературы хорошо известно, что волонтерство является объектом изучения ряда конкретных наук и, стало быть, включено в предметное поле многих дисциплинарных подходов. Им интересуются экономисты, психологи, управленцы, правоведы, педагоги, специалисты в области социальной работы и социальной защиты населения, исследователи некоммерческих (неправительственных) организаций и др.

Но, в силу нашей профессиональной принадлежности к социологической науке, мы обратимся в первую очередь к социологическому аспекту поставленной проблемы. Еще до недавнего времени в рамках социологического исследования волонтерства его рассматривали как исключительно или преимущественно общественное движение. Использование же ряда методологических, междисциплинарных подходов (институционального, общностного, деятельностного, системного, аксиологического, социокультурного) позволило охарактеризовать его как социальный институт, социальную общность, социокультурный феномен, рассмотреть деятельность волонтеров как особый вид социальной активности и т. д., что существенно обогатило теорию волонтерства [см. подробнее об этом: 7, *110–119*].

Проблема плюрализма научных подходов в социально-гуманитарном, более конкретно — социологическом исследовании получает в последние годы новый импульс для своего рассмотрения в результате усиливающегося взаимодействия социологии с естественно-научными подходами и достижениями естественно-научного знания. Позитивистская ориентация социологической науки с самого начала ее возникновения (в первой половине XIX в.) была основной. Одной из доминирующих она осталась и сегодня, что было бы невозможно без стремления социологии (и в целом социально-гуманитарной науки) к тесной связи

с естественно-научными подходами. Плюрализм методологических подходов в научном социально-гуманитарном исследовании становится реальностью во многом благодаря этой связи.

Вновь обратимся к конкретному опыту социологического изучения одной проблемы, ставшего возможным благодаря использованию принципа плюрализма подходов, на сей раз естественно-научных. Речь идет о разработке социологических представлений о нелинейных социальных явлениях и процессах на рубеже XX–XXI вв., они формировались благодаря мощному импульсу, который шел от теорий и концепций, сложившихся в естествознании во второй половине прошлого столетия. Работы выдающихся ученых (Дж. Чу, Д. Бома, И. Пригожина, Г. Хакена и многих других) имели важное значение не только для естествознания, но и для социальных наук, поскольку коренным образом изменили представления о мире, частью которого выступают социальные явления [см. подробнее об этом: 1, *103–110*; 2].

Рост интереса к «нелинейной» проблематике вызван не только тенденциями развития и достижениями самой науки, но, прежде всего, усилением нелинейности окружающей среды, особенно социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, социальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений. Объяснительные схемы естественных и социогуманитарных наук подготовили адекватное восприятие и понимание этого процесса в научном сообществе. Но они также дают знание того, как можно управлять нелинейными процессами в реальной социальной практике и регулировать поведение различных социальных субъектов в условиях нелинейной динамики социальной системы.

Рассмотренная трактовка нелинейности социальных процессов сквозь призму естественно-научных подходов показывает возможность и продуктивность применения естественно-научной методологии в исследованиях разных проблем, в том числе такой, как социальное время, его динамика и влияние на темпоральные стратегии поведения социальных общностей и их социальное самочувствие [3, *63–73*]. На основе этой методологии и ее сочетания с социологическим подходом формируется проблематика нелинейного социального времени, вытекающих отсюда противоречий, связанных с переходом от линейного к нелинейному темпоральному режиму жизнедеятельности людей.

Ориентация социологии на использование естественно-научных методов, достижения естественных наук позволила ей сформулировать новый взгляд на общество как турбулентный социум, который лишен предсказуемых изменений. Их разнонаправленность, многоуровневые темпоритмы, с трудом поддающиеся систематизации структуры социальных пространств, иными словами — сложнейший пространственно-временной континуум этого турбулентного социума обусловливает сегодня необходимость активизации его исследования, с одной стороны, и делает этот процесс неизмеримо более сложным, с другой.

Подводя краткий итог, отметим, что мы стремились показать значение проблемы плюрализма методологических подходов в научном исследовании, а также возможности и перспективы, которые сулит их использование в анализе

конкретных проблем. Задача исследователей, по нашему мнению, состоит в том, чтобы не проходить мимо таких возможностей и не упускать шанса методологического усиления научных разработок.

1. *Амбарова П. А.* Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2. С. 103–110.

2. *Амбарова П. А.* Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей : монография. Екатеринбург, 2015. 252 с.

3. *Амбарова П. А., Зборовский Г. Е.* Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 63–73.

4. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности : монография. Екатеринбург, 2009. 304 с.

5. *Зборовский Г. Е.* Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург, 2000. 301 с.

6. *Здравомыслов А. Г.* Поле социологии в современном мире. М., 2010. 410 с.

7. *Певная М. В.* Волонтерство как социологическая проблема // Социол. исслед. 2013. № 2. С. 110–119.

8. Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. 672 с.

9. *Руткевич М. Н.* О диалектике и эклектике в теоретической социологии // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 82–89.

10. *Семенова В. В.* Социальная динамика поколений. М., 2009. 271 с.

11. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 836 с.

12. *Ядов В. А.* Реплика уважаемому оппоненту // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 89–92.

13. *Ядов В. А.* Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социол. журн. 1995. № 2. С. 70–72.

Статья поступила в редакцию 6.04.2015 г.

УДК 070:654 + 316.77

Р. П. Баканов

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЖУРНАЛИСТА В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ

В статье предпринята попытка осмысления того, как в «повестке дня» современных федеральных печатных СМИ актуализируются и обсуждаются профессиональные качества журналиста. Выявлено, что разговор об этом происходит нечасто и только по информационным поводам. Также показана роль медийной критики как направления, призванного способствовать становлению и поддержанию общественного диалога о стандартах современной журналистики, уровне допустимого и недопустимого в ней.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналист; медийная критика; профессиональная этика; профессионализм журналиста; оценка; качество; дискуссия.

На наш взгляд, усиливающееся информационное противостояние, выполнение работниками СМИ разного рода заказов на производство нужных власти или бизнес-элите смыслов постепенно нивелируют представления о роли журналиста в обществе. Кем он сейчас является для своей аудитории: беспристрастным информатором или тонким манипулятором общественным сознанием? Примеры, когда ради того, чтобы первым сообщить о случившемся, репортерам приходится публиковать непроверенную информацию, а иногда и придумывать то, чего не было, должны стать поводом для общественных дискуссий о качестве распространяемой инфомации и стандартах журналистской работы.

Конечно, задачей прессы в первую очередь должно быть объективное информирование аудитории о социальных проблемах современного общества. Поэтому необходимо систематическое изучение профессионально-этических стандартов поведения журналистов в дискурсе современной прессы с точки зрения их критического анализа. Мы полагаем, что в настоящее время важна регулярная

БАКАНОВ Роман Петрович — кандидат филологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой телевещания и телепроизводства Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: rbakanov@yandex.ru).

© Баканов Р. П., 2015

публичная объективная рефлексия деятельности журналиста с профессиональной точки зрения: как он работает, соблюдает ли профессиональную этику, чем руководствуется в выборе моделей поведения и т. д. К обсуждению качества творческой деятельности работников СМИ необходимо привлекать и обычных потребителей медийной продукции. Нужен честный и заинтересованный диалог между авторами медиатекстов и их аудиторией в массовой, а не только отраслевой прессе.

Думается, что осуществить общественный диалог можно с помощью медийной критики — относительно нового направления в отечественной журналистике, призванного «помочь обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призвано отражать “блеск и нищету” средств массовой информации, оказавшихся в рыночной среде» [4].

Именно медиакритика или телекритика (часть данного направления) должны усилить свою роль в качестве формы публичной и объективной экспертизы качества практической деятельности журналиста (включая современные понимания стандартов его поведения на мероприятиях и в эфирных студиях) и распространяемой им информации. Как заметил в одной из статей профессор В. Олешко, «контент, содержание газет, журналов, электронных массмедиа, Интернета — вот что должнó и дóлжно стать предметом вдумчивого анализа каждого из нас и всех вместе» [13, *27*].

О необходимости регулярного анализа контента СМИ писали Н. Василенко [1, *36*], В. Дьяченко [3, *38*], Г. Кузнецов [6, *133*], С. Муратов [7, *236*], В. Саппак [15, *179*] и др. Речь об этом ведется еще с начала 1960-х гг. прошлого века, но значительных успехов в решении данного вопроса, на наш взгляд, пока сделано не было. Статьи, содержащие критический взгляд на современный телеконтент, публикуются регулярно, но какова их эффективность? В силах ли критики противостоять словом и аргументацией медийным менеджерам, которые успех любого проекта измеряют только величиной рейтинга? На наш взгляд, в современных условиях — нет. Экономический фактор побеждает морально-этический. Также необходимо изучить проблему публичного осмысления профессиональных качеств журналиста, стандартов его поведения, в том числе в зависимости от того, в СМИ какого формата он работает.

Мы считаем, что медийная критика в настоящее время должна стать своего рода ориентиром как для журналистов, так и для их аудитории. Для работников СМИ она должна стать ориентиром творческим: аналитикам следует проводить регулярную экспертизу качества распространяемого контента и подсказывать практикам, что интересно в настоящее время аудитории, какие форматы будут востребованы ею с точки зрения не только потенциальной коммерческой выгоды, но и формирования эстетического вкуса обычных граждан. Здесь от критиков требуются объективные, основанные на результатах социологических исследований знания медийных запросов аудитории.

В отношении обычных граждан медиакритика должна реализовать свою просветительскую функцию (А. Короченский), призванную формировать в обществе

медийную культуру, «отражающуюся в отношении публики к печатной и электронной прессе, в степени развитости у аудитории навыков самостоятельного разбора и оценки содержания СМИ» [4]. Именно в этом мы видим социальную ориентированность данного направления журналистики, помогающей общественности включиться в заинтересованный публичный диалог о качестве предлагаемой аудитории информации и о профессионализме современного журналиста.

С критериями профессионализма журналиста тоже не все однозначно. В настоящее время перед журналистским сообществом стоит задача выработки современных критериев профессионализма современного работника СМИ. Единых критериев нет. Например, для ежедневного издания показателем профессионализма может быть умение оперативно писать заметки и репортажи о событиях, для аналитического — владение аналитическим инструментарием, умение сопоставлять факты и делать выводы. Корреспондент массового СМИ, который собирается писать о жизни эстрадных звезд, вряд ли сможет добиться успеха без личного знакомства с ними или их агентами.

Думается, что медийная критика может и должна помочь обществу в формировании единых критериев профессионализма журналиста. Они необходимы хотя бы потому, что позволят критикам установить в своей деятельности «правила игры», на которые будут ориентироваться и журналисты. Пока же между практиками и критиками существует некоторая напряженность в отношениях и антагонизм, о чем свидетельствует, например, «Открытое письмо-роман телекритикам» А. Цекало [16] или интервью телеведущего В. Соловьева [2].

Помимо этого мы считаем, что именно медиакритики, на примере установленных критериев профессионализма журналистов, должны ориентровать аудиторию СМИ на дальнейшее самостоятельное критическое осмысление потребляемого медийного контента. Чтобы изучить, каким образом в дискурсе современной федеральной прессы актуализируется проблема соблюдения журналистами критериев профессионализма, необходимо эти критерии обозначить. На наш взгляд, следует исходить из должностных обязанностей творческих сотрудников. К примеру, корреспондента редакции печатного СМИ или информационной телепередачи можно оценить с точки зрения оперативности, объективности подачи информации, глубины раскрытия темы; ведущего ток-шоу — с точки зрения его объективности, отсутствия принадлежности к политическим партиям, умения слушать собеседников и дать им высказаться в равной мере, способности вести дискуссию, не навязывая своей точки зрения, и т. д. Если мы разбираем деятельность журналиста-аналитика, то важно опираться на его способности работать с аналитическим инструментарием, умение сопоставлять факты, выявлять новые тенденции и т. п.

Мы полагаем, что в настоящее время критерии профессионализма журналиста рассматриваются не столько в творческом, сколько в экономическом (если можешь приносить рекламные деньги от высокого рейтинга проекта, то ты — профессионал) и даже в политическом контекстах. Принимая во внимание эти контексты, все же сосредоточимся на творческом восприятии критериев и рассмотрим, как они представлены в дискурсе современных федеральных газет.

Наше исследование было основано на изучении «повестки дня» 14 федеральных общественно-политических печатных СМИ за 2013–2014 гг. Это такие издания, как: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Ведомости», «Время новостей», «Известия», «КоммерсантЪ», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Российская газета», «Труд» и «Собеседник».

Мы выяснили, что в шести из указанных выше изданий («Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Время новостей», «Ведомости», «Известия» и «Собеседник») о профессиональных качествах журналиста речь не шла вообще. Медийной критики как направления за хронологический период исследования выявлено не было. В остальных восьми газетах работу журналистов обсуждали эпизодически и исключительно в рамках выступлений телевизионных критиков. Как мы увидели из контента СМИ, не во всех изданиях перед обозревателями стояла задача дать экспертизу качества работы тележурналистов. К примеру, в еженедельной рубрике «Телепузик недели», что публиковалась по пятницам в «Независимой газете», под телекритикой подразумевался пересказ эпатажного поведения гостей вечерних ток-шоу (политиков или звезд эстрады). Обсуждение профессиональных качеств ведущих данных передач не проводилось.

Из 783 статей, опубликованных в 2013–2014 гг. и содержащих критику телевизионных передач, разговор о профессионализме журналистов заходил только в 274 работах. Чаще других на эту тему рассуждали телекритики «Новой газеты» И. Петровская и С. Тарощина. Изучив публикации этих авторов и других телекритиков, мы установили, что анализу подвергалась творческая деятельность только журналистов федеральных телекомпаний. Возможно, так произошло потому, что столичные авторы, несмотря на развитие Интернета, не видели регионального телеконтента. Думается, что работа творческих студий в провинции также нуждается в объективных оценках.

Проблема профессионализма журналиста в дискурсе федеральных газет обсуждалась эпизодически и только на примерах сотрудников федеральных телекомпаний. Работа корреспондентов и обозревателей печати и интернет-изданий осталась без оценки.

Тема профессионализма/непрофессионализма телевизионных журналистов освещалась в федеральных изданиях главным образом через проблему *морально-этического* выбора тех или иных моделей поведения корреспондентов информационных редакций, ведущих популярных ток-шоу («Пусть говорят», «Прямой эфир», «Говорим и показываем» и др.), а также отдельных специальных проектов, направленных, как правило, на выявление и дискредитацию политических противников власти. Критики оставили без внимания деятельность журналистов редакций печатных СМИ и радиостанций. Конечно, по сравнению с ведущими телепередач они менее известны аудитории, но также ответственны перед ней за качество распространяемой информации и свое поведение в открытом медийном пространстве.

Телекритики обсуждали качество работы тележурналистов исключительно по конкретным информационным поводам — выходам их передач в эфир. Например, глумление (на взгляд обозревателя «Новой газеты» И. Петровской) ведущего

программы «Специальный корреспондент» А. Мамонтова над памятью ушедшего из жизни Б. Березовского [9, *18*]; нарушение журналистской этики ведущим ток-шоу «Прямой эфир» М. Зеленским [10, *18*]; пропаганда либеральных ценностей в авторской программе П. Шеремета [11, *10*]. Примеры можно продолжать. Как авторы вели себя вне эфира (что писали в соцсетях, какие давали интервью) — эта сторона их жизни освещалась крайне редко. Почти все публикации содержали отрицательную оценку исследуемых моделей поведения журналистов.

Изучение контента СМИ показало, что у телевизионных критиков не было единого подхода к пониманию профессионализма журналистов. Критерии оценки их творчества отличались в зависимости от принадлежности издания к конкретному медийному холдингу, а также от субъективных представлений обозревателей о плохом и хорошем. Например, авторы публикаций в «Литературной газете» часто оценивали работу журналистов и/или телеведущих с точки зрения их любви к России. Несколько лет назад постоянной критике подвергался В. Познер за то, что он имеет паспорт гражданина США и свои телепроекты («Одноэтажная Америка», «Тур де Франс» и др.) превратил в пропаганду западных ценностей [5, *10*]. Вообще, как мы выявили, телекритики данного издания субъективно поделили всех известных телеведущих на «западников», т. е. пропагандирующих зарубежный образ жизни на отечественном телевидении (например, Н. Сванидзе, П. Шеремет и др.), — их всегда критиковали [12, *10*]), и «россиян» — тех, кто несмотря ни на что верит в свою страну и готов всегда защищать ее интересы, превратившись из журналиста в пропагандиста. Деятельность этих людей (А. Караулова, Д. Киселева, С. Кургиняна и некоторых других) оценивалась только с положительной стороны [14, *10*].

Осознанное введение аудитории в заблуждение — вот наиболее частая претензия телекритиков к корреспондентам информационных передач и ведущим ток-шоу. Чтобы закрепить данную проблему в «повестке дня» «Новой газеты» и постараться организовать ее обсуждение, И. Петровская применяла прием пересказа сюжетных линий передач, стремясь на конкретных примерах показать факты нарушения профессиональной этики журналиста. Другие авторы — С. Беднов («Труд»), Ю. Богомолов («Российская газета»), А. Мельман («Московский комсомолец»), А. Кондрашов («Литературная газета»), П. Садков («Комсомольская правда»), С. Тарощина («Новая газета») — ограничивались констатацией случаев нарушений этики журналиста и собственным отношением к ним.

Профессионализм журналистов основных федеральных телеканалов актуализировался в «повестке дня» газет также через выбор новостей. Например, для И. Петровской, С. Тарощиной, А. Мельмана было важно, чтобы в информационной картине дня освещалась деятельность оппозиции, а не только членов партии «Единая Россия». Для обозревателей А. Кондрашова, С. Беднова, П. Садкова рассказ о мероприятиях оппозиции роли не играл. Для этих авторов важным было, чтобы новости подавались доступно для массового зрителя, освещали не только столичные события, но и жизнь всех российских регионов.

Анализ публикаций И. Петровской позволил нам сделать вывод, что для нее соблюдение этических норм — важный показатель профессионализма

журналиста. В каждой второй своей статье она акцентировала внимание читателей на необходимость уважительного отношения корреспондентов к своим собеседникам. В феврале 2013 г., проанализировав очередной пример нарушения этики на телеэкране, И. Петровская сделала обобщение, которое, на наш взгляд, можно назвать диагнозом современному коммерческому телевидению: «Разрешено плевать в душу, разрешено копаться в чужом грязном белье, а если его нет, подкидывать свое, разрешено топтать грязными сапогами чужую жизнь и смерть» [9, *18*]. Мы полагаем, что обозначенные в цитате факты нарушений этических норм для телекритика являются показателем непрофессионализма работников телеканалов.

Через полтора месяца после этой статьи И. Петровская в заметке уточнила, *что* на современном телевидении понимается под профессионализмом журналиста: «Один публикует беседу с человеком, который просил ее не публиковать, но взял да помер — и долой все договоренности. Даешь сенсацию! Другой вообще не понятно с какого перепугу предает огласке то, что для записи и чужих ушей не предназначалось. Третьи аплодируют “безумству храбрых”. И все это не просто личная безответственность отдельных “коллег”, но и какая-то невероятная подстава всего журналистского цеха, у которого и так-то репутация хуже некуда» [8]. В своих работах она постоянно защищала интересы аудитории и экспертов от нечистоплотности некоторых журналистов федерального ТВ.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, несмотря на то, что актуализация вопроса о профессионализме журналистов в федеральной печати происходила в рамках телевизионной критики, аналитики интерпретировали деятельность творческих сотрудников, исходя из собственных представлений о критериях профессионализма журналистов. Публичного обсуждения критериев профессионализма в прессе как критиками и практиками, так и представителями аудитории СМИ нами не выявлено. Вместо этого акцент был сделан на интерпретацию того, что зритель видел на экране, суть проблемы критики редко стремились постичь. Возможно, причиной стало то, что редакции выделяли мало места на газетных полосах для выступлений телекритиков (в среднем не более 120 строк в неделю). Разбор передач осуществлялся регулярно, но в нем не было системности, не отражались острота мнений и конкретика аргументации.

Во-вторых, отсутствие единых критериев определения профессионализма журналистов, на наш взгляд, не позволило медиакритике осуществить общественный диалог о качестве современного контента СМИ. Поверхностность анализа текстов обусловила нарушение регулятивной и просветительской функций медиакритики (А. Короченский): а) она слабо помогала аудитории в повседневной ориентации в информационных потоках; б) не давала качественных примеров анализа массмедиа, которые бы способствовали выработке у читателей дальнейшей самостятельной стратегии взаимодействия с прессой. Мы считаем, что отсутствие единых критериев определения профессионализма журналиста является основной причиной отсутствия авторитета медийной критики среди практиков. В настоящее время она не дает им ориентиров и стратегий для эффективного творчества.

В-третьих, дальнейшее развитие интернет-технологий приведет к тому, что медиакритиком сможет стать любой человек со своими представлениями о плохом и хорошем. Авторы, публикующиеся много лет в печатных СМИ, на критиков не учились. Они — обычные журналисты, возможно, не имеющие представления о задачах и функциях критики СМИ. В нашей стране пока подготовка медийных критиков не осуществляется (есть лишь отдельные дисциплины на журфаках). Нужен ряд образовательных семинаров для журналистов, на которых бы изучалась практика данного направления в зарубежных странах, лучшие ее отечественные образцы. Необходимо знакомить журналистов с комплексом задач и функций медиакритики, с тем, как они реализуются. В дальнейшем возможно открытие отдельной специализации по подготовке медиакритиков в вузах. Критика, как и журналистика, должна быть профессиональной.

---

1. *Василенко Н.* Пресса и малый экран // Сов. печать. 1966. № 9. С. 36–39.

2. *Довнар В.* Владимир Соловьев: «Кто такие телекритики?» [Электронный ресурс] // Экспресс-новости. 2005. 21 окт. URL: http://www.expressnews.by/1391.html (дата обращения: 9.03.2015).

3. *Дьяченко В.* Охота к научению — признак силы // Журналист. 1967. № 9. С. 38–40.

4. *Короченский А. П.* «Пятая власть?» Феномен медиакритики в контексте информационного рынка [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/f13/rbakanov/index.php?id=5&idm=0&num=23 (дата обращения: 9.03.2015).

5. *Кондрашов А.* Кто изобрел Познера // Лит. газ. 2008. № 10. С. 10.

6. *Кузнецов Г. В.* Так работают журналисты ТВ. М., 2004. 400 с.

7. *Муратов С. А.* ТВ — эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). М., 2001. 240 с.

8. *Петровская И.* Дивные дела творятся в нашей профессии и с нашими коллегами... [Электронный ресурс] // Новая газета. 2013. 4 апр. URL: http://www.novayagazeta.ru/blogs/petrovskaya/57517.html (дата обращения: 9.03.2015).

9. *Петровская И.* И все разрешено // Новая газета. 2013. 15 февр. С. 18.

10. *Петровская И.* Пляски. Мамонтов // Новая газета. 2013. 29 марта. С. 18.

11. *Попов В.* Шеремет против Путина // Лит. газ. 2014. № 10. С. 10.

12. *Пухнавцев О.* ОТР: в остутствии направления // Лит. газ. 2013. № 48. С.10.

13. *Олешко В. Ф.* До первой бури. Региональная журналистика: современные тенденции и вызовы // Журналист. 2013. № 1. С. 27–28.

14. *Орлов С.* Итоги итогам рознь // Лит. газ. 2013. № 10–11. С. 10.

15. *Саппак В.* Телевидение, 1960: из первых наблюдений // Новый мир. 1960. № 10. С. 177–204.

16. *Цекало А.* Отрытое письмо-роман телекритикам [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2009. 14 дек. URL: http://www.kp.ru/daily/24410.5/584330/ (дата обращения: 9.03.2015).

Статья поступила в редакцию 14.03.2015 г.

УДК 174.7 + 070.11

В. И. Бакштановский
М. В. Богданова

ЭТИКА БЕЗНАДЕЖНОЙ РЕШИМОСТИ — АКТУАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ?

Статья посвящена анализу профессионально-нравственной ситуации в журналистском деле и обоснованию одной из актуальных установок этики профессии в ситуации морального кризиса журналистики. Авторы выдвигают и аргументируют тезис о том, что сила профессиональной этики журналиста подкрепляется сегодня потенциалом «этики безнадежной решимости». Этот потенциал заключается в профессионализме, способном удерживать профессионально-этическую идентичность в ситуации негарантированного успеха при служении профессии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: моральная ситуация; профессиональная этика журналиста; профессионально-этическая идентичность; «этика безнадежной решимости».

Заголовок нашей статьи завершен знаком *вопроса*. Вопрошание здесь — один из вариантов *ответа* на обостренную профессионально-нравственную рефлексию трех субъектов современной медиасферы: отечественного журналиста; заинтересованного в результатах профессионально-этического образования журналистов преподавателя; творчески мыслящего исследователя. Может быть, точнее было бы добавить в число субъектов еще и общество.

Вариант своего диагностического ответа мы представили в виде пяти развернутых тезисов: 1) профессионально-нравственная ситуация в журналистике не вдохновляет; 2) ставка на ценности журналиста обсуждается в сообществе чаще в скептических тонах; 3) в журналистском сообществе ставка на ценности журналиста обсуждается и в позитивных тонах; 4) этика журналиста — не бессильное утопическое морализаторство, а внутренняя сила профессии; 5) сила профессиональной этики журналиста подкрепляется сегодня потенциалом «этики безнадежной решимости».

Развернем каждый из них.

1. Профессионально-нравственная ситуация в журналистике не вдохновляет. В конце XX в. и самом начале XXI в. диагностика профессионально-нравственной ситуации в журналистике была весьма критичной. Активно рефлексировалась тема морального кризиса в профессии. Однако обсуждалась позитивная возможность его преодоления. Например, в разделе «Комментарии» Тюменской

БАКШТАНОВСКИЙ Владимир Иосифович — доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета (e-mail: priclet@tsogu.ru).

БОГДАНОВА Марина Владимировна — доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета (e-mail: etika2@tsogu.ru).

© Бакштановский В. И., Богданова М. В., 2015

этической медиаконвенции, созданной в 2001 г., записано: «Признавая нынешнюю ситуацию *крайне сложной,* согласимся ли мы с теми, кто предлагает определять вектор изменений моральной ситуации в обществе и в "цехе" в терминах *катастрофического* ряда? Нет, и далеко не только потому, что с помощью такого диагноза легко оправдывается даже самая циничная профессиональная позиция. Мы полагаем, что речь идет не о катастрофе, но о *трудном рождении нового ценностного мира, новой гражданской и профессиональной самоидентификации*» [1, *404*] .

Кто-то захочет оспорить тезис о том, что сравнение этого диагноза и некоторых характеристик ситуации в отечественной журналистике, представленных в СМИ последних лет, особого морального вдохновения не вызывает? Приведем два диагностических *штриха* к ситуации в СМИ наших дней.

На круглом столе «Свобода слова в России сегодня: как жить, как работать, как остаться верным профессии» (январь 2015, г. Псков) Алексей Симонов сказал: «У нас постепенно профессия отделяется от журналистов, которые становятся техническими работниками, а журналистика поворачивается в сторону инфотейнмента — обслуживания желтоватых вкусов и власти, и публики».

В. Портников, размышляя о том, «что растлевает журналистов», определяет тему своего текста так: «Публичностная деградация». Автор утверждает: «Я помню такое количество коллег порядочными и профессиональными, что если бы отказ от порядочности означал смерть, их телами могла бы наполниться не одна братская могила российской журналистики» [5].

Диагноз излишне публицистичен? Приведем диагностические суждения из исследовательской работы. В монографии Б. Н. Лозовского мы читаем о ситуации в журналистской профессии: «"пиаризация" общественной и государственной жизни — очевидное следствие равнодушия пишущих и снимающих к тому, "чем слово наше отзовется"»; отсутствие в иерархии ценностей социальной позиции журналиста; «размытость профессиональной идентичности, а именно: отсутствие конвенционально принятых стандартов профессионально правильного поведения, кодификации того, что разрешается, а что предосудительно с точки зрения профессионально-этических принципов и норм облегчает "оккупацию" средств массовой информации чуждым им контингентом» [4]. Вывод исследователя: чем менее журналистика институционализирована как профессия — тем более ее представители манипулируемы.

Полагаем возможным заключить, что многие признаки актуальной ситуации в профессии противостоят ценностям профессиональной этики журналиста. Противостоят *системно*. И противостоят не пассивно, но, можно сказать, разрушают этику профессии. В лучшем случае вытесняя ее нормами иных, смежных, профессий — пиара, рекламы, пропаганды, а также бизнеса в целом и медиабизнеса, в худшем — подменяя ее цинизмом, а то и откровенным аморализмом.

Не получается ли, что на практическое влияние профессиональной этики надежды мало, что с верой в нее о ней могут говорить лишь *ригористы*?

2. В профессиональном сообществе ставка на ценности этики журналиста обсуждается чаще всего в скептических тонах. В диск*у*рсе отечественных

журналистов обнаружилась характерная реакция на многообразные попытки разработки этических документов профессии. Фактически новый пункт повестки дня прозвучал на Голицинском семинаре Общественной коллегии по жалобам на прессу в ноябре 2013 г. Несколько его участников предложили заменить в названии (нового) будущего этического документа прилагательное «этический» на прилагательное «профессиональный».

«Любой вариант документа должен исключить из названия термин “этика”», — предложил Леонид Никитинский. Станислав Кучер поддержал его позицию: «Лучше в кодексе говорить не от имени морали, а от имени профессии: “профессионально — непрофессионально”» [3].

Как это предложение объяснить? «Новая беда в жизни журналистской профессии» — так В. И. Бакштановский назвал свое выступление на Голицинском семинаре в ответ на эти предложения. Беда действительно новая, во всяком случае, неожиданная. Журналистам, думающим о кодексе и готовым над ним работать, стало стыдно за прилагательное «этический» в названии кодекса?

Скорее, такое «бегство от морали», от языка морали мотивировано массовым отторжением этого языка — он стал языком ханжества и морализаторства, благодаря ему происходит манипулятивное спекулирование «от имени морали» и т. п. Но ведь профессионализм не нейтрален по отношению к морали. Более того, подлинный язык профессионализма содержит в себе язык профессиональной этики, понятие «профессия» просто не определяется без этической составляющей. Так оправдана ли предложенная маскировка в названии этического документа? Не обернется ли она просто еще одной манипуляцией над СМИ?

3. Ставка на ценности профессиональной этики журналиста обсуждается и в позитивных тонах. В дискурсе отечественных журналистов можно найти не только скепсис относительно профессионально-нравственного содержания современной ситуации. Есть и конструктивные суждения. Например, в текстах будущих преподавателей Школы гражданской журналистики и просто известных журналистов и редакторов СМИ, опубликованных на сайте Colta.ru. [6].

> **Максим Кашулинский, главный редактор Slon.ru:** Ситуация сейчас, может, и не самая благоприятная для журналистики, но я бы предложил думать не о том, что рынок сжимается, а цензура растет, — лучше держать в голове одну простую мысль: профессиональных, грамотных журналистов в России по-прежнему не очень много. Можно идти в профессию с идеей поменять мир, сделать страну лучше и т. п., но в конечном итоге успеха добьются профессионалы.

> **Арина Бородина, телеобозреватель:** Совсем недавно мы говорили с одним известным журналистом о том, есть ли смысл в нашей работе, когда мы не можем влиять на общественное мнение, поскольку практически весь контроль над крупнейшими СМИ в руках государства. На вопрос «А не напрасно ли все это сейчас, когда просвета почти нет?» я написала ему так: влиять мы, конечно, уже не можем, но мы можем предоставить людям альтернативную точку зрения, которая отличается от тех, что звучат почти круглосуточно из государственных СМИ. По нынешним временам писать и рассказывать о том, что люди могут думать иначе, что картина мира вовсе

не всегда такая, — уже немало. И мы оба согласились, что да, нам это важно — рассказывать вопреки. И пока есть возможность и есть площадки, а они все-таки есть, пусть и немного, есть смысл работать журналистом. И, конечно, никто не отменял выбор. Выбор маленький, но он всегда есть. И не надо бояться. Надо начать.

Олег Кашин, журналист: Что касается вопроса, зачем становиться журналистом... Этот вопрос мне не кажется корректным. Зачем становиться врачом в трудные времена эпидемий? Зачем становиться нефтяником в трудные времена падения цен на нефть? Зачем становиться дворником в трудные времена коррупции в ЖКХ? Времена всегда неоднозначные, и «трудное» — очень часто синоним «интересного». Потом пойдут другие времена, и мы еще будем вспоминать о цензуре, подавлении свободной прессы и о вызовах, которые с этим были связаны. Необходимость отвечать на вызовы дает бесценный опыт. Я уверен, что в России будущего конкурентным преимуществом будут обладать именно журналисты с опытом работы «в те годы дальние, глухие», то есть в наши. Врать или голодать — такого выбора пока все-таки нет. Есть выбор «врать или жить без соцпакета», «врать или ездить на общественном транспорте вместо дорогой тачки», «врать или снимать квартиру»: в такой конструкции ваш вопрос делается чуть более простым, и ответ на него тоже простой — врать не надо никогда.

4. Профессиональная этика журналиста — не бессильное морализаторство, а внутренняя сила профессии. Наш диагноз: доминирующий признак профессионально-этической ситуации в современной отечественной журналистике — *де*профессионализация.

Депрофессионализация выражается в том, что, во-первых, фактически легитимировано понижение уровня-планки профессионализма и, во-вторых, морально девальвировано содержание образов-образцов успеха в профессии: то, что еще недавно считалось постыдным, сегодня для многих журналистов становится нормой. И это формирует внутренний конфликт сообщества: профессиональная деятельность — исполнение долга или «деловое предприятие»?

Подчеркнем: в этой статье за рамками обсуждения оставлена проблема *внешних* вызовов идентичности профессии: от государства, медиабизнеса, от аудитории СМИ. Вызова идентичности СМИ при манипулировании ими и со стороны государства, и со стороны медиабизнеса, и со стороны медиааудитории. Особо: вызова идентичности профессии со стороны искушающей своей «простотой» идеи отмены миссии профессии. Можем ли мы сегодня с облегчением вздохнуть, сказав, что агрессивный тезис «*Никакой миссии у журналистики нет, журналистика — это бизнес*» снят с повестки дня?

Важное замечание: в нашем диагнозе речь идет о депрофессионализации не столько в сфере ремесла, сколько в профессии. Разумеется, мы имеем в виду важность этических аспектов технологической, операционной стороны профессионализма. Однако полноценная характеристика профессионализма предполагает не только несводимость его признаков к операциональным качествам, необходимым любому квалифицированному работнику, и не только понимание того, что профессионализм включает (наряду с компетентностью и авторитетом технического плана) моральное содержание, но и апелляцию к миссии профессии, ее социальной ответственности, профессиональному призванию и служению.

«Дух» профессии выражает двойное назначение профессиональной этики: представлять коренные интересы профессии, защищать свободы и достоинство профессионалов; через эффективное осуществление профессией своей миссии проводить интересы общества.

Итак, выявление нравственного содержания профессионализма подразумевает уход от абсолютизации наиболее очевидной по значению операциональной стороны профессионализма и намеренное акцентирование роли его мировоззренческого элемента. Этика — не «довесок» к профессии. Профессионализм уже́ предполагает профессиональную этику [2].

5. Сила профессиональной этики журналиста подкрепляется сегодня еще и потенциалом «этики безнадежной решимости». В понимании природы и роли профессиональной этики журналиста не всегда, точнее, никогда не подчеркивается потенциал установки на *«этику безнадежной решимости»*, явно обращенной к стоицистским ориентирам экзистенциалистской этики.

В этом потенциале — один из востребованных сегодня вариантов вполне определенного ответа на бесконечные колебания журналиста по поводу прагматичности рефлексии о ценностях профессии журналиста в современной отечественной ситуации.

«Этика безнадежной решимости» — перифраз обсуждаемой Э. Ю. Соловьевым «философии безнадежной решимости». Речь идет о моральном выборе человека в ситуации, не дающей надежды на успех его дела. Здесь работает экзистенциалистская (А. Камю) интерпретация мифа о Сизифе, в которой, конечно, содержится не обыденное понимание сизифова труда как труда бессмысленного (вспомним: «артель “Напрасный труд”»). Смысл «труда Сизифа» — исполнение самовозложенного долга в ситуации без явной гарантии успеха.

Применительно к этике профессии метафорой «труд Сизифа» характеризуется профессионализм, способный хранить идентичность, в том числе профессионально-этическую идентичность, в ситуации негарантированного успеха в служении профессии.

Поэтической версией такого смысла служит, на наш взгляд, фрагмент стихотворения Владимира Савельева «Сизифов труд»:

Он катит камень в гору, в гору, в гору
Он этот труд предпочитает спору
О результатах этого труда
Сизифов стиль. Сизифово терпенье
Сизифов труд. Сизифова тропа.

Для кого может «сработать» установка на этику безнадежной решимости? Прежде всего, эта установка может быть значима для тех, кто ориентирован на служение в профессии и не просто не готов отчаиваться в ситуации морального кризиса профессии (при его несомненной связи с внешними обстоятельствами), но стремится сохранить верность этически полноценному профессионализму. Эта установка может быть значима для журналистов, которые видят и принимают

ситуацию в профессии как ситуацию драматичного морального выбора. Для тех журналистов, которые видят в кризисе профессиональной морали свою беду и свою вину. Для тех, кто рассматривает себя в ситуации морального кризиса скорее как жертву власти-бизнеса-аудитории, а не как «получателей выгоды».

Профессиональное сообщество журналистов сегодня периодически рефлексирует этическую проблематику своей деятельности. Мы полагаем уместным предложить сообществу провести дискуссию о необходимости и возможности рассматривать потенциал «этики безнадежной решимости» в качестве одного из факторов *силы* профессиональной этики журналиста.

1. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Моральный выбор журналиста : монография. Тюмень, 2002.

2. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок : монография. Тюмень, 2005.

3. Видеозапись первого семинара Общественной коллегии по жалобам на прессу : [офиц. сайт Обществ. коллегии по жалобам на прессу]. URL: http://www.presscouncil.ru/index.php/proekty/multimedia/3051-videozapisi-pervogo-seminara-obshchestvennoj-kollegii-po-zhalobam-na-pressuetik (дата обращения: 10.04.2015).

4. *Лозовский Б. Н.* Манипулятивные технологии управления средствами массовой информации. Екатеринбург, 2008.

5. *Портников В.* Публичностная деградация [Электронный ресурс]. URL: http://yeghiazaryan.info /vita lij-portnikov-publichnostnaya-degradaciya/#more-21903 (дата обращения: 16.02.2015).

6. Школа гражданской журналистики : [сайт Colta.ru]. URL: http://www.colta.ru /articles/shkola/6402. (дата обращения: 16.01.2015).

Статья поступила в редакцию 15.04.2015 г.

УДК 316.774:654.1(470.54) **А. Н. Бойчук**

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В КАМЕНСКЕ-УРАЛЬСКОМ (1990–2014 гг.)

В статье на материалах прессы и интервью рассматривается развитие телевидения в Каменске-Уральском в 1990–2014 гг. Кроме исторического аспекта, в работе анализируются этапы развития тематики и жанров местных телепередач.

Ключевые слова: Каменск-Уральский; местное телевидение; новости.

Каменск-Уральский — один из старейших промышленных городов Среднего Урала. Он расположен в живописной местности, в 100 км юго-восточнее

БОЙЧУК Антон Николаевич — аспирант кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: anton-boychuk@mail.ru).

© Бойчук А. Н., 2015

областного центра — Екатеринбурга. Современный Каменск-Уральский — это третий по численности населения и индустриальному потенциалу город Свердловской области. В административном отношении он делится на Красногорский и Синарский районы. Его общая площадь составляет 142 кв. км, а число жителей превышает 200 тыс. человек [1, *6, 70*].

В. А. Мякотин в работе, посвященной истории Синарского района, пишет, что в Каменске-Уральском в 1939 г. работники службы радиофикации приобрели оборудование, подключили его к имевшемуся на радиоузле радиоприемнику и таким образом смотрели телевизионные передачи из Москвы. Это было началом телевизионной эры в Каменске-Уральском. Бурное развитие телевидения происходило в 1950-е гг. В 1956 г. в городе насчитывалось более 600 телевизоров. В 1958 г. вступил в строй собственный телевизионный ретранслятор. В 1976 г., к 275-летию Каменска-Уральского, на ретрансляторе была смонтирована аппаратура для приема телевизионных программ в цветном изображении на 5-м канале. С 1979 г., после замены оборудования, город получил возможность смотреть уже две телевизионные программы в цветном изображении [13, *63*].

Исследователь Р. П. Овсепян, описывая историю телевидения, указывает, что в 1990-е гг. в системе телерадиовещания Российской Федерации возникли также негосударственные (альтернативные) организации. Право на ведение телерадиовещания получили более 1200 независимых организаций [15]. В Каменске-Уральском первой попыталась занять нишу негосударственных программ телекомпания «Факт» под руководством А. Поташева [2, *337*].

В 1989 г. в городе насчитывалось более 600 абонентов кабельного телевидения (КТВ) и действовало четыре кабельные студии. Как правило, их «эфир» был наполнен художественными и мультипликационными фильмами, а также музыкальными программами. Чтобы осуществить подключение к КТВ, жильцы дома должны были подать коллективную заявку. В конечном счете появление кабельного телевидения способствовало развитию конкуренции с видеосалонами, которые были распространены в Каменске-Уральском. Но у КТВ было преимущество перед ними: можно было смотреть фильмы дома, а не в малоприспособленном для этих целей помещении видеосалона [6, *2*]. Помимо этого кабельное телевидение давало более высокое качество изображения. Если в 1989 г. видеосалонов было 19, то в 1990 г. их осталось 9. В итоге к началу 1990-х гг. все видеосалоны были вытеснены кабельным телевидением. Именно с этого времени студии кабельного телевидения начинают заполнять свою нишу на городском рынке телевещания. Отметим, что в 1990 г. в Каменске-Уральском существовало три крупных студии кабельного телевидения: совместное предприятие «Факт» (ранее — центр КТВ МЖК); центр КТВ горкома ВЛКСМ и театр «Гонг» [5, *2*]**.** Поэтому соперничество была не только с видеосалонами, но и сами кабельные студии конкурировали друг с другом. В прессе отмечалось, что «конкуренция между студиями неизбежно приводит к улучшению качества программ, звука, изображения и к снижению абонентской платы» [8, *2*].

Ранее было сказано, что программа вещания КТВ состояла в основном из фильмов разной тематики, которые транслировались зрителям посредством

кабельного подключения. Телекомпания «Факт» на ретранслятор поставила видеомагнитофон, и сотрудники начали делать новостные выпуски и показывать фильмы[1], хотя трансляция городских новостей в то время была редким явлением.

Поэтому следующим этапом развития кабельного телевидения стало появление регулярных новостных программ. Такие программы, как мы уже сказали, существовали, но они не удовлетворяли зрительскую аудиторию в силу ряда причин:

— качество программ было очень низким из-за оборудования, которым были оснащены кабельные каналы. Так, в газете «Каменский рабочий» указывалось, что нарекания горожан вызывает плохое качество телевизионного изображения. Люди жалуются на постоянные помехи и на неустойчивость сигнала [3, *1*];

— в городе не был сформирован рекламный рынок, за счет которого телевидение могло бы жить и выпускать качественные проекты;

— на волне криминализации общества предприниматели, как правило, не хотели давать рекламу в СМИ, в частности на телевидении, так как это служило «наводкой» для криминальных структур;

— наблюдалась нехватка профессиональных кадров, которые могли бы способствовать развитию местного телевидения. Например, «Факт», который являлся первой телекомпанией в городе, чтобы решить данную проблему, привлекает к сотрудничеству киностудию «Поиск» при трубном заводе, руководителем которой был С. В. Табатчиков[2].

Постепенно у горожан появилась потребность и в собственном эфирном вещании. В печатных СМИ этот вопрос активно обсуждался: «Городской узел связи совместно с городской студией коммерческого телевидения предлагают просмотр видеопрограмм и новостей по пятому каналу эфирного ТВ. Пока это только идея. Но идея, под которой уже сегодня заложено то, без чего она не сможет реализоваться — техническая возможность». Также подчеркивалось, «что городской узел связи занимается вопросом местного телевещания уже довольно давно, но отсутствие финансовых средств у комитета Гостелерадио и у горисполкома отодвигает развитие нашего ТВ на неопределенный срок... Поэтому предлагаем горожанам помочь самим себе» [4, *3*].

В 1991 г. телевидение Каменска-Уральского столкнулось с серьезными финансовыми и техническими проблемами. Но тем не менее телекомпания «Факт» совместно с узлом связи уже сделала первые попытки создания городской телепрограммы, доступной любому желающему, использовав для этого эфирное время до начала и после окончания второй общесоюзной программы (по разрешению областного комитета по телевидению и радиовещанию). Доходов же от телетрансляции компания практически не получала. Именно по этой причине эфирное вещание «Факта» было временно прекращено. Для заполнения эфира с целью привлечения большей аудитории, кроме выпуска своих собственных программ, нужно было приобретать программы государственных и независимых студий

---

[1] Интервью автора с С. Табатчиковым, руководителем киностудии «Поиск» при Синарском трубном заводе, 22 января 2015 г.

[2] Там же.

страны, различные художественные фильмы. Пресса подчеркивала, что местному телевидению под силу заполнить 10–12 часов эфирного времени разнообразными интересными передачами, но путем оплаты организации местного телевидения из средств самих граждан [17, *2*]. Это вызвало большую полемику среди жителей города. Одни считали, что телеканал должен сам зарабатывать деньги, другие были готовы платить большие суммы денег за трансляции местных телепередач. Так или иначе, большинство жителей высказывались за то, что собственный канал городу необходим [11, *2*].

В начале 1992 г. каждому потенциальному абоненту было предложено заключить договор. Согласно этому договору, телекомпания «Факт» гарантировала регулярную трансляцию местной телепрограммы разнообразного содержания с 1 марта 1992 г., используя эфирное время на 5-м канале (2-я программа ЦТ), а с осени 1992 г. — используя свой отдельный канал. На 5-м канале телекомпания должна была транслировать свои передачи не только рано утром и ночью, но и в самое удобное для просмотра дневное и вечернее время [19, *2*].

В 1993 г. канал прекратил трансляцию многих передач из-за нехватки финансовых ресурсов, износившегося технического оборудования. Горсовет не был заинтересован в финансовой поддержке телеканала. Компания зависела напрямую от спонсоров, которые были у каждой выпускаемой передачи [10, *1*].

Помимо этого жители города были недовольны качеством программ, а также фильмами, которые транслировала компания. В редакции газет приходили письма от телезрителей, которые писали, что «Факту» нельзя давать денег, нужно «прихлопнуть его и немедленно» — как вредоносное предприятие [12, *2*].

Однако качество передач зависит, как известно, не только от финансовой составляющей, но и от творческого коллектива. На телекомпании трудилось всего шесть человек, а количество и качество оборудования оставляло желать лучшего [19, *7*]. При этом телеканал выпускал следующие передачи: «Городские вести», «Для молодоженов», «Вечер театра сатиры», «Гамма-шанс», «Хохот без перерыва», «Город на пути к рынку», «Дамская сумочка», «Телевизионное знакомство», «Клубная гостиная», а также совместные проекты с городскими предприятиями и театрами. Остальное время вещания заполняли художественные и мультипликационные картины[3].

В 1994 г. телекомпания стала выходить на областной уровень. Некоторые сюжеты «Факта» показали на «4 канале»[4]. Вместе с тем следует отметить, что у многих жителей появились свои видеомагнитофоны, а поэтому интерес, первоначально вызванный зарубежными фильмами, которые показывала телекомпания, начал сходить на нет.

Из-за отсутствия финансов, кадров и должного технического оснащения телекомпания не могла развиваться. Одновременно с этим происходит развитие центрального и областного телевидения, на телеэкранах появляется больше качественных и интересных программ. Горожане стали сравнивать местные передачи

---

[3] См. программы телепередач, опубликованные в газете «Каменский рабочий» за 1990 г.

[4] Интервью автора с В. Колмагорцевым, телеведущим на ТВ «Факт». 7 апреля 2015 г.

со столичными, которые превосходили по качеству продукт «Факта», недовольство зрителей усиливалось. В 1998 г. телекомпания прекратила свое вещание.

Но у жителей города осталась потребность в новостной информации. Помимо этого властные структуры хотели общаться с населением в телеэфире. Если на начальном этапе местные власти никак не способствовали развитию телевидения с финансовой точки зрения, то в 1998 г. их интерес к телеэкрану возрастает.

В 1997 г. глава города В. В. Якимов, представители «УАЗ-СУАЛ», ОАО «Синарский трубный завод», ПО «Октябрь» провели встречу: на повестке дня стоял вопрос о создании «рупора» для общения с населением. Помимо «УАЗ-СУАЛ», который вложил финансовые средства в создание телеканала, его учредителями были газеты «Каменский рабочий» и «Компас», но в дальнейшем они не финансировали телеканал. Так на рынке СМИ появляется новая телекомпания «РИМ–ТВ»(ЗАО «Региональная информационная мастерская»)[5].

В 1997 г. компания решала основные вопросы, которые характерны для любого начинающего телевизионного СМИ:

— о местонахождении телеканала;

— наборе сотрудников;

— будущей концепции новостного вещания.

С самого начал сетевым партнером «РИМа» была одна из самых влиятельных и крупных телекомпаний в Свердловской области — «ОТВ». Городскому телеканалу предоставляли полчаса для новостной программы вечером, час — утром, а также каждую неделю отдельно согласовывали выпуск в эфир программы «Визит»[6].

Первоначально телеканал располагался в небольшом помещении актового зале администрации города. Первый генеральный директор В. Жуков, вспоминая рабочий процесс в этом помещении, отметил, что бывали моменты, когда мешали записывать звук посторонние люди[7]. Это, безусловно, создавало определенные неудобства в работе телекомпании. На тот момент в телекомпании работали журналисты Елена Жукова, Елена Шеремет, Елена Гаккель и оператор Николай Сташевский. Компания имела две камеры формата SuperVHS, два видеомагнитофона с мониторами, микшерский пульт и микрофоны. На первом этапе эфир состоял из трех передач: «Кактус», «Панорама», «Визит»[8].

В 2000 г. телекомпания получает новый импульс к развитию благодаря приобретению нового профессионального оборудования (монтажные комплексы, титровальные машины, видеокамеры формата MiniDV) и переезду из администрации города в здание «Содействие», где под телеканал был выделен целый этаж, что позволило расположить здесь монтажную, аппаратную и студию.

В 2007 г. телеканал перестал финансироваться в необходимом объеме, так как перешел в ведение компании «РУСАЛ», а с 1 января 2008 г. финансирование

---

[5] Интервью автора с генеральным директором телекомпании «РИМ–ТВ» С. Бутыриным. 3 декабря 2014 г.

[6] Интервью автора с первым генеральным директором «РИМа» В. Жуковым. 31 марта 2015 г.

[7] Там же.

[8] Интервью автора с С. Бутыриным. 3 декабря 2014 г.

окончательно приостановилось. «РИМ» оказался на пороге закрытия, так как канал не существовал за счет рекламы. В итоге на уровне учредителей компании было принято решение, что телеканал переходит к предпринимателю С. Бутырину. В 2008 г. была подана заявка на получение лицензии на вещание на кабельном канале. Отметим, что в Каменске-Уральском 95 % населения смотрит телевидение посредством кабельного подключения.

Благодаря этому линейка продуктов телеканала заметно расширилась. Появились прямые трансляции спортивных и культурных мероприятий. В 2008 г. «РИМ» впервые провел прямую трансляцию ежегодного городского карнавала с площади Ленинского комсомола. Сейчас на канале работают 4 журналиста и 4 оператора, которые используют 9 современных камер[9].

Следует отметить, что большую роль в становлении и развитии телевидения Каменска-Уральского сыграл рекламный рынок. «Когда приходит рекламодатель, владельцы СМИ предлагают комплекс: газета, радио, телевидение, а когда это только газета, хоть и самая тиражная в городе, приходится задумываться о создании телевидении», — отметил В. Г. Жуков[10].

С развитием рекламного поля в городе связано появление еще одной телекомпании — «Компас-ТВ». Идея создания телеканала принадлежала журналисту В. Устюгову. В 2001 г. была получена лицензия на вещание телепрограммы «Компас-ТВ», и уже в 2002 г. была построена собственная вышка. Сетевым партнером телекомпании до 2004 г. был канал «СТС», затем — «ТНТ», который сотрудничает с каналом до сегодняшнего дня. Учредителям канала является некоммерческое партнерство «Редакция газеты “Новый Компас”» и на него же оформлена лицензия. «ТНТ» предоставляет время вещания: в будни — 7.00 — 9.00, 14.00 — 14.30, 19.30 — 20.00; в выходные — 19.00 — 20.00[11].

Первоначально телеканал имел рекламные блоки, была запущена бегущая строка. Для создания передач был необходим творческий коллектив и новое оборудование, поэтому съемки собственных передач откладывались[12]. Только в июле 2002 г., в День города, началось собственное вещание телекомпании «Компас-ТВ». Был показан городской карнавал[13].

В 2004 г. осенью была создана небольшая редакция, и началось информационное вещание. Появились новости «Время по Компасу», которые шли 30 минут. Транслировались краткие выпуски новостей, программы «Уикенд» (рассказ об интересных людях и событиях), «Путеводитель» (рекламная рубрика), «Тайм-аут» (спортивная хроника) и погода. В 2006 г. появилась передача «Диалог», которая выходила каждую неделю. Когда мэром города стал М. С. Астахов, в прямом эфире стала выходить программа «Диалог с мэром». В дальнейшем появляются интерактивная информационно-развлекательная программа «Музыкальный

[9] Интервью автора с С. Бутыриным. 3 декабря 2014 г.
[10] Интервью автора с В. Жуковым. 31 марта 2015 г.
[11] Интервью автора с директором телекомпании «Компас-ТВ» Ю. Устюговой. 14 декабря 2014 г.
[12] Интервью автора с В. Жуковым. 31 марта 2015 г.
[13] Интервью автора с Ю. Устюговой. 14 декабря 2014 г.

компас», передача «Беседы с психотерапевтом». В записи шли «Моя машина» и «Время Ч», «Путеводитель +» и «Навигатор»[14].

Помимо этого у телекомпании появляется свой собственный кабельный канал. По словам Ю. Устюговой, «поводом для создания послужила перспектива вхождения "ТНТ" в пакет цифрового телевидения, тогда московскому каналу не будут нужны местные партнеры. Но тут появляется другая проблема: наполнение телеканала собственным контентом. Помимо нашего контента, мы закупаем фильмы, программы, познавательные передачи других производителей»[15].

«Канал "Компас-ТВ" технически оснащен современными камерами фирм Sony и Panasonic. На данный момент набирает обороты цифровое телевидение, поэтому компания закупила камеры с возможностью записи HDTV, чтобы перейти безболезненно на цифровой стандарт», — пояснил видеоинженер А. Тумашев[16].

Отметим, что в настоящее время зона уверенного приема сигнала телеканала «Гонг» — Каменск-Уральский и Каменский район [14]; «Компас-ТВ» — Каменск-Уральский, Каменский район, Богданович, Катайск [9]; «РИМ-ТВ» — Каменск-Уральский[17]. Исходя из этих данных, совокупная аудитория каменского телевидения составляет около 200 тыс. человек.

Завершая наш экскурс в историю становления и развития каменского телевидения, обратимся к результатам исследования жанров и тематики передач за этот период. Развитие жанров и тематики телепередач можно условно разделить на три этапа:

1988–1996 гг. Первый этап характеризуется показами художественных и мультипликационных фильмов. В этот период появляется первая информационная передача «Городские вести» на телеканале «Факт», которая подвергалась критике за отсутствие анализа, комментариев и оперативности [12, *2*]. Также канал начинает показ передач «Экономические диалоги» и «Телевизионное знакомство». Появляется первая городская познавательно-развлекательная программа «Дамская сумочка». Основная цель передачи — познакомить жителей с интересными женщинами города, рассказать о кулинарных рецептах, дать полезные советы [16, *2*]. 11 августа 1994 г. выходит информационная передача «Вечор» на «Гонге», ведущей которой стала Татьяна Зимнякова. Следует отметить, что в это время телеканал «Гонг» получает новое телеоборудование, благодаря которому программа «Вечор» стала технически более совершенной [7, *108*]. Данная телепередача вызвала больший зрительский интерес, чем «Городские вести». Можно утверждать, что новая телевизионная техника дала толчок развитию всего телеканала.

1997–2004 гг. Если первый этап характеризуется становлением новостных передач, то на втором этапе жители города могли увидеть передачи в жанре интервью: «Час с мэром» (ТК «Факт»), «Визит» (ТК «РИМ-ТВ»). Появляются новые передачи информационно-развлекательного формата: «Доброе утро, Каменск!» (ТК «РИМ-ТВ»), «Панорама» (ТК «РИМ-ТВ»).

---

[14] Интервью автора с Ю. Устюговой. 14 декабря 2014 г.

[15] Там же.

[16] Интервью автора с видеоинженером телекомпании «Компас-ТВ» А. Тумашевым. 17 февраля 2015 г.

[17] Интервью автора с С. Табатчиковым. 22 января 2015 г.

2005–2014 гг. Третий этап характеризуется активным развитием телепередач. Так, в 2004 г. появляется информационная передача «Время по Компасу». На каменском телевидении более полно и разнообразно освещаются правовые и криминальные новости, в частности, в программах «Время Ч» (ТК «Компас-ТВ»), «ЧП» (ТК «РИМ-ТВ»). Быстрое развитие рекламного рынка способствовало появлению таких потребительских программ, как «Комильфо» (ТК «РИМ-ТВ»), «Навигатор» (ТК «Компас-ТВ»), «Путеводитель+» (ТК «Компас-ТВ»), «Покупай» (ТК «РИМ-ТВ»). Еще одной из составляющих эфира стала городская спортивная хроника, без которой не обходился ни один новостной выпуск. Большую часть эфира стали занимать программы в жанре интервью: «Диалог» (ТК «Компас-ТВ»), «Визит» (ТК «РИМ-ТВ»), «Вопрос — ответ» (ТК «Гонг»). Расширился спектр информационно-развлекательных программ: «УтРИМ вместе» (ТК «РИМ-ТВ), «Желаем счастья!» (ТК «Гонг»), «Мужская территория» (ТК «Гонг»).

Нами также был проведен анализ содержания новостных программ каменского телевидения за период с 1 сентября по 31 декабря 2014 г. Анализ был направлен на выявление основных тем, которые освещали следующие новостные телепрограммы: «Панорама» (ТК «РИМ-ТВ»), «Время по Компасу» (ТК «Компас-ТВ») и «Вечор» (ТК «Гонг»). Опираясь на данные, которые были получены в ходе исследования, можно сделать вывод о том, что социальная сфера в новостях занимает 24 %, культура — 22 %, спорт — 13 %, реклама — 10 %, криминал, ЧП — 8 %, экономика — 7 %, ЖКХ — 5 %, политика — 4 %, образование — 4 %, здравоохранение — 3 %.

Следует подчеркнуть, что в новостях показывают не только местные, но и региональные видеосюжеты, что позволяет горожанам представить полную картину событий, происходящих в регионе. В частности, новостная программа «Панорама» регулярно освещает деятельность губернатора Свердловской области Е. В. Куйвашева. В качестве примеров можно привести репортаж о деловом визите губернатора в Австрию (30.09.2014 г.), а также информационный видеосюжет о поручении губернатора, связанном с энергобезопасностью области (5.12.2014 г.).

Однако местному телевидению с каждым днем становится все сложнее конкурировать с региональным, не говоря уже о федеральном. Жителей небольших городов интересует местные политические, экономические, культурные новости, но получают они их неоперативно. С развитием Интернета эта проблема еще более усугубилась, поскольку оперативность городских информационных сайтов намного выше, чем местного телевидения. Соответственно, интерес горожан к местному телевидению, на наш взгляд, постепенно снижается. С другой стороны, анализ новостных передач показал, что рекламная составляющая занимает в них 10 %. Следовательно, интерес к местному телевидению проявляют коммерческие структуры. Это подтвердил и директор телеканала «РИМ-ТВ» С. Бутырин[18].

В результате изучения различных источников по истории телевидения Каменска-Уральского можно заключить, что на протяжении четверти века местное телевидение заметно трансформировалось. Наиболее характерные проблемы,

[18] Интервью автора с С. Бутыриным. 3 декабря 2014 г.

с которыми сталкивались городские телекомпании, — финансовые, технические и кадровые. Особенно остро они стояли в 1990-е гг. Характеризуя, в частности, кадровые трудности, директор телекомпании «Компас-ТВ» Ю. Устюгова отметила, что «ни одного подготовленного кадра с телевидения к нам не пришло. Все, кто были подготовлены, были подготовлены в рамках нашей телекомпании»[19]. Таким образом, местное телевидение является хорошей стартовой площадкой для начинающих тележурналистов, которые в дальнейшем могут повышать свое мастерство на региональных и федеральных телеканалах.

1. *Артемьев Е. Т.* Каменск-Уральский. Каменск-Уральский, 1993.
2. *Буйносова Н.* На сибирской стороне Камени. Три века Каменска-Уральского. Каменск-Уральский, 2011.
3. *Гаричев В.* Помешайте помехам // Каменский рабочий. 1989. 14 нояб.
4. Городской узел связи. Собственное ТВ // Каменский рабочий. 1990. 20 окт.
5. *Давыдов М.* Видео, телевидео, телевидение // Каменский рабочий. 1990. 27 июля.
6. *Зырянова Н.* Говорит и показывает Каменск-Уральский // Каменский рабочий. 1989. 11 сент.
7. *Ибатулин Т.* Путешествие в неведомое. Каменск-Уральский, 2014.
8. *Колягин И.* Видеобум, бум, бум... // Каменский рабочий. 1990. 25 янв.
9. Компас-ТВ (ТНТ) [Электронный ресурс]. URL: http://kompasmedia.ru/joomla/kompas-tv/kompas-tv-kamensk-uralskiy.html (дата обращения: 04.05.2015).
10. *Кузьмин А.* Кто будет заказывать музыку? // Каменский рабочий. 1993. 19 янв.
11. *Кузьмин А.* Факт, что нужен «Факт» // Каменский рабочий. 1991. 27 нояб.
12. *Лугинина Л.* «Зачем нам нужен “Факт”, коль музыку заказывает враг?» // Каменский рабочий. 1993. 26 февр.
13. *Мякотин В. А.* Синарский район: Вчера. Сегодня. Завтра. 1945–2005. Каменск-Уральский, 2005.
14. Наши программы [Электронный ресурс]. URL: http://gongmedia.ru/tv/progs/ (дата обращения: 04.05.2015).
15. *Овсепян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text/60.htm#з_09 (дата обращения: 04.03.2015).
16. *Поротникова Т.* «Дамская сумочка» в семье Воробьевых // Каменский рабочий. 1990. 27 окт.
17. Сотрудники ТК «Факт». Примет город собственное ТВ? // Каменский рабочий. 1991. 19 окт.
18. ТВ «Факт». Со следующей недели — начнется... // Каменский рабочий. 1992. 18 янв.
19. *Чинарева С.* Отдельный канал для «Факта» // Пламя. 1994. 13 сент.

Статья поступила в редакцию 02.06.2015 г.

[19] Интервью автора с Ю. Устюговой. 14 декабря 2014 г.

УДК 070.13(73) + 378-057.175:070

А. Ю. Быков

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ СЛОВА: ОПЫТ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В США

Анализируются подходы к формированию представлений о свободе слова в школах журналистики Соединенных Штатов Америки. Проблема рассматривается в историческом контексте, особое внимание уделяется современной ситуации в журналистском образовании. Исследуются учебные планы и программы дисциплин, которые связаны с изучением принципов свободы слова.

Ключевые слова: свобода слова; свобода прессы; журналистское образование; школа журналистики; бакалавр; магистерская программа; американские СМИ.

Свобода слова является одним из ключевых принципов американской журналистики. Ее основы были заложены еще в годы принятия Конституции США и становления государственных институтов. Развитие данного концепта на протяжении американской истории оказалось сопряжено с выработкой соответствующей правовой базы, становлением культуры взаимоотношений между властью и средствами массовой информации. Особая роль в утверждении данного принципа отводится системе подготовки будущих журналистов. Данный институт в любой стране, в том числе и в США, выполняет важные образовательные и мировоззренческие функции. В школах журналистики и массовых коммуникаций у слушателей закладываются основы отношения к профессии, представления о базовых профессиональных ценностях, категориях.

В американских журналистских кругах и в образовательном сообществе по этому поводу нередко возникают дискуссии с целью разобраться, насколько приоритетным является для школ журналистики изучение идей свободы слова. Считается, что от этого во многом зависит формирование ценностных ориентиров будущих журналистов, отношение к профессии со стороны общества и, по большому счету, развитие демократических принципов в Америке.

Для изучения проблемы обратимся к истории американского журналистского образования и современной деятельности школ журналистики, а также к анализу учебных планов, программ дисциплин, которые сопряжены с изучением принципов свободы слова. При реализации этих задач будут использованы исторический метод и метод сравнительного анализа.

Журналистское образование в США: история вопроса

Становление журналистского образования в США сопряжено с состязанием разных приоритетов. С одной стороны, утверждалась модель, ориентированная на освоение практических навыков работы в средствах массовой информации,

БЫКОВ Алексей Юрьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: zarsmi@gmail.com).

© Быков А. Ю., 2015

с другой стороны, предпринимались попытки привнести в образовательный процесс теоретические основы. Вполне ожидаемо, что на первых порах все сводилось главным образом к освоению навыков прикладного характера: умению составлять текст и разбираться в типографском деле.

Первые образовательные учреждения для журналистов в США появились в конце XIX столетия. План издателя вашингтонской газеты «United States Telegraph» Даффа Грина от 1834 г. предполагал начинать обучение журналистике подростков с 11–14 лет. Они должны были по восемь часов работать в типографии его газеты и еще пять часов в учебных аудиториях изучать необходимые дисциплины — грамматику, правописание, историю, философию, естественные науки и иностранные языки [2, *90–91*].

До начала XX столетия образовательные инициативы по подготовке журналистов либо не имели серьезного продолжения, либо носили несистемный характер. В известных учебных планах того времени журналистика рассматривалась как прикладная дисциплина, которую нужно было осваивать через практическую работу в типографиях.

Позднее сформировался и иной подход, подразумевающий изучение серьезных теоретических дисциплин и формирование всесторонне развитой личности. Одним из наиболее известных его последователей является Джозеф Пулитцер, пожертвовавший в начале XX в. 2 млн долл. на создание школы журналистики в Колумбийском университете. Он строил планы возведения журналистики «в ранг ученой профессии», внесения в программу подготовки серьезных предметов гуманитарного характера — литературы, истории, социологии и др. [3]. Именно с этого момента в образовательном процессе начинают уделять внимание изучению американских политических традиций, важных для будущих репортеров и редакторов, в том числе и вопросам свободы слова.

С тех пор эти два подхода сосуществуют. Первый, практически ориентированный, университеты реализуют с начала XX столетия. К таким вузам, например, относится Университет Миссури, где готовить работников СМИ начали с 1908 г. Именно здесь сформировался «миссурийский метод» прикладного обучения, когда студенты заняты выпуском газет и журналов, подготовкой телевизионных и радиопрограмм.

Примером другого подхода может быть Университет Висконсина. В 1927 г. по инициативе декана школы журналистики Уиларда Блеера в рамках докторантуры по социологии и политологии здесь была открыта дополнительная специализация по журналистике. Это послужило толчком к развитию систематических исследований в журналистской сфере (читательской аудитории, общественного мнения и т. д.). Дальнейшее развитие коммуникационных исследований, связанное с именами П. Лазарсфельда, Г. Лассуэла, У. Шрамма и др., внесло серьезные коррективы в систему университетской подготовки специалистов в сфере массмедиа. В вузах стали появляться институты и центры коммуникационных исследований (Университет Иллинойса, Стэнфордский университет и др.). Школы журналистики меняют или дополняют свои учебные планы, привнося в них дисциплины теоретического характера, посвященные изучению политических, коммуникационных

процессов и т. д. К середине прошлого столетия в учебных планах крупнейших журналистских школ, существующих в рамках университетов, на курсы по теории коммуникации и иные гуманитарные дисциплины отводилось не меньше времени, чем на подготовку и редактирование информационных материалов [1, *197*]. Это может быть показателем того, что выпускники в рамках базовой гуманитарной подготовки начали получать общие представления об особенностях информационных процессов, о культурных и политических традициях американского общества [5, 6] (в том числе и о принципах свободы слова, как одном из базовых концептов в политической жизни США).

От краткого исторического экскурса перейдем к анализу отдельных аспектов современного журналистского образования в США. В частности, обратим внимание на дисциплины, в рамках которых так или иначе рассматриваются вопросы свободы слова.

Концепт свободы слова в современных программах подготовки американского журналиста

Следует принимать во внимание, что университетское образование в Соединенных Штатах делится на несколько ступеней. Эти ступени сопряжены с получением той или иной степени. Ступень «undergraduate» соотносится с обучением, целью которого является получение степени бакалавра (Bachelor's Degree). Курс занимает, как правило, четыре года. Обладатели бакалаврской степени могут продолжить образование в рамках следующей ступени — «graduate» и получить степень магистра (Master's Degree). Для ее получения необходимо учиться от одного до двух лет. Следующей в данной иерархии являются степень доктора наук (PhD — Doctor of Philosophy) либо профессиональные степени в какой-либо особой области, например богословии (Mdiv, B.D.), медицине (M.D.) и др.

Степень уровня доктора наук является своеобразным итогом самостоятельных углубленных исследований, ее соискателями становится относительно небольшая часть выпускников вузов, как правило, не связанная с работой в практической журналистике. В силу этих причин оставим за рамками нашего внимания данную образовательную ступень и сосредоточимся на обзоре бакалаврских и магистерских программ по журналистике. Выпускники именно этих программ заполняют большинство вакансий в американских средствах массовой информации.

В настоящее время основная доля школ и отделений журналистики реализует программы с преобладанием дисциплин прикладного характера. Согласно данным американского Совета по аккредитации образовательных программ в области журналистики и массовых коммуникаций (ACEJMC — Accrediting Council on Education in Journalism and Mass Communication), в США действует 108 полностью аккредитованных программ в данной области [10].

В Соединенных Штатах Америки выделяют две основные **разновидности степени бакалавра** — бакалавр наук (B.S.) и бакалавр искусств (B.A.). Многие учебные заведения рассматривают бакалавра наук и бакалавра искусств как эквивалентные категории. Установлены одинаковые требования для присвоения

этих степеней: необходимо прослушать примерно 120 часов в семестр, наборы осваиваемых дисциплин мало чем отличаются друг от друга.

Однако исторически сложилось, что соискатели степени *бакалавра наук (B.S.)* больше времени уделяют изучению естественно-научных дисциплин, математики. Студенты должны посещать практические занятия, выполнять лабораторные работы, уделять внимание прикладным дисциплинам и практике. Будущим же бакалаврам искусств (B.A.) необходимо получить некое количество «кредитов» по курсам, относящимся к сфере так называемых «либеральных искусств» (Liberal Arts)[1]. Для журналистских школ блок либеральных искусств включает изучение языков, литературы, гуманитарных наук, математики, физики, истории, музееведения, иных социальных наук. В Университете Восточного Мичигана, например, 75 из 124 кредитов должны быть получены по итогам освоения именно таких дисциплин [7].

Рассмотрим в качестве примера одну из типичных образовательных программ по журналистике для будущих обладателей степени бакалавра наук (B.S.). Обратимся к опыту Колледжа журналистики и коммуникаций (College of Journalism and Communications) Университета Флориды (University of Florida), который наряду с журналистами также выпускает бакалавров в области рекламы, телекоммуникаций и PR. Наша цель — выявление дисциплин, которые соотносятся с ценностями свободы слова.

Для получения степени бакалавра наук в области журналистики (B.S. Journalism) в колледже определен перечень обязательных дисциплин преимущественно теоретического характера. Спецдисциплины охватывают такие направления практической работы, как редакторская деятельность, дизайн, онлайн-медиа, фотожурналистика, репортерская работа, журналистика исследований [12]. Элективы (курсы по выбору), как правило, также соответствуют специализации студента, предлагаются вместе со спецдисциплинами во время последнего года обучения[2].

Анализ аннотаций позволяет выделить курсы, которые связаны с проблематикой свободы слова. Из блока обязательных к ним частично относятся «Введение в журналистику» (одна из тем посвящена вопросам журналистской этики) и «Массмедиа и вы» (обсуждается проблематика демократических ценностей и массмедиа, свободы выражения мнений и контроля со стороны государства). К этому ряду можно причислить «Этические проблемы журналистики» (данный курс, как и некоторые другие курсы об этике профессии, напрямую не посвящен

---

[1] *Либеральные искусства* — предметы, умения, которые традиционно, еще в древности считались сущностными для свободного человека (гражданина). Эти знания позволяли ему активно участвовать в общественной жизни. На современном этапе термин «liberal arts education» может означать изучение литературы, языков, философии, истории, математики, психологии и ряда естественных наук. Это не предполагает получение образования в узкопрофессиональной или технической сферах.

[2] Полный список элективов включает: Beat Reporting, Design, Magazine Design, Photojournalism, History of Journalism, Journalism Research, Literary Journalism, Public Opinion and Editorial Analysis, Magazine and Feature Writing, Sports Reporting, Reporting and Writing for Online Media, Magazine Management, Specialized Journalistic Photography, Advanced Photojournalism 1, Independent Study, Special Topics, Photojournalism Practicum, Internship, Communications on the Internet, Media and Politics, World Communication Systems, Advanced Online Media Production, Survey of Photojournalism, Television and American Society.

вопросам свободы слова, хотя практически весь соотносится с проблематикой самовыражения; среди обсуждаемых аспектов — объективность в журналистике, контроль журналистов за действиями властей, медиафрейминг и т. д.). Сюда же отнесем «Законодательное регулирование массовой коммуникации» (большое внимание уделяется Первой поправке к американской Конституции и законодательным актам, которые подкрепляют закрепленные в ней положения). Принятие Первой поправки к Конституции и развитие принципов свободы слова обсуждается в рамках «Истории Соединенных Штатов». Реализации данного принципа на современном этапе уделяется внимание в теоретических курсах о политическом устройстве Америки («Американское государство и местное управление», «Американское федеральное правительство»).

В блоке специальных дисциплин и элективов также присутствуют предметы, фрагментарно соотносящиеся с проблематикой свободы слова — с этическими проблемами в какой-то сфере деятельности, например фотожурналистике или дизайне, юридическими вопросами.

Можно заметить, что представления о концепте свободы слова в Колледже журналистики и коммуникаций Университета Флориды студенты получают из разных дисциплин — как общего гуманитарного, так и профессионального цикла. В количественном отношении такого рода предметы составляют примерно треть от набора обязательных для изучения и около 15 % от общего списка, и ни один из них напрямую не посвящен исследуемой проблематике. То есть при отсутствии углубленного изучения проблемы выпускники учебного заведения тем не менее имеют общее представление о содержании принципа свободы слова и специфике его применения в прошлом и настоящем.

Немногим будет отличаться пример образовательной программы, предусматривающей получение степени *бакалавра искусств (B.A.)*. Обратимся к опыту Университета Темпл (Temple University, Pennsylvania), где уже с 1967 г. открыта Школа медиа и коммуникации (School of Media and Communication). Учебный план департамента журналистики (Department of Journalism) этой школы [8, 9] очень похож на то, что предлагает Колледж Университета Флориды, о котором шла речь.

В предлагаемом плане определены дисциплины общего гуманитарного цикла, профессионального блока и специальные. В общем гуманитарном цикле присутствуют обязательные для изучения дисциплины категории «Liberal Arts»: «История США» (U.S. History to 1877, U.S. History since 1877), «Американская политическая система» (The American Political System), «Американская государственная и местная политика» (American State and Local Politics), «Введение в социологию» (Introduction to Sociology). Данный список включает предметы по социологии, статистике и др. Из 124 обязательных кредитов не менее 65 должны быть набраны по так называемым дисциплинам либеральных искусств и наук. Такие акценты в учебном плане соответствуют требованиям подготовки бакалавров искусств.

Отсутствует отдельная дисциплина, посвященная свободе слова, представления об этой сфере формируются у студентов в процессе изучения истории США,

принципов журналистской этики. Наиболее детально с юридической точки зрения данный вопрос рассматривается на занятиях по предмету «Журналистика и закон» (Journalism and the Law). Вопросы свободы слова и прессы в США обсуждаются с позиций применения Первой поправки к Конституции при разрешении различных вопросов юридического характера. Такого рода дисциплины составляют примерно 10–15 % от всех изучаемых курсов. Рассматривается юридическая практика, исторические и политические традиции становления принципов свободы слова и самовыражения в американском обществе. Таким образом, ситуация очень похожа на ту, которую можно наблюдать в Колледже Университета Флориды. При этом студенты Школы медиа и коммуникации Университета Темпл, претендующие на степень бакалавра искусств, более глубоко изучают гуманитарные дисциплины, что вполне ожидаемо.

Проанализируем приоритеты, установленные для **магистерских программ**.

В области журналистики степень магистра наук (Master of Science) соотносится с практико-ориентированной моделью, степень магистра искусств (Master of Arts) — с академически ориентированным аналогом. Университет Флориды предлагает программу, выпускникам которой присваивается степень магистра искусств в сфере массовых коммуникаций по журналистике (*Master of Arts in Mass Communication — Journalism, M.A.M.C.*). Обучение продолжается на протяжении двух лет.

Для освоения предлагаются обязательные курсы (чаще всего теоретические), профессиональные дисциплины, элективы или специальные дисциплины по выбору. Допускается также самостоятельный выбор нескольких дисциплин, их, например, можно прослушать на другом факультете или в другом университете (общий обзор представлен на официальном сайте магистерской программы) [11].

Анализ показывает, что только один курс из блока элективов непосредственно посвящен проблематике свободы слова — «Семинар по теории Первой поправки» (Seminar in First Amendment Theory). Остальные связаны с этим весьма опосредованно. По аналогии с ситуацией в бакалавриате, при изучении истории журналистики уделяется внимание проблемам свободы слова в историческом контексте. Содержание курса «Законодательство в сфере массовых коммуникаций» так или иначе затрагивает законодательные акты, определяющие рамки деятельности средств массовой информации. Предмет «Новые медиа и демократическое общество» отчасти посвящен влиянию новых СМИ на развитие демократических принципов, в том числе и свободы слова.

Дисциплины, которые хотя бы косвенно посвящены проблематике свободы слова, не превышают 5–10 % от общего числа предметов.

Школа медиа и коммуникации университета Темпл предлагает несколько магистерских программ: «Коммуникационный менеджмент» (Communication Management, M.S.), «Глобализация и развитие коммуникации» (Globalization and Development Communication, M.S.). Одна из таких программ — «Журналистика» с присвоением степени магистра журналистики (*Journalism, M.J.*). Очевидно, что Школа медиа и коммуникаций в основном присваивает степень магистра наук (M.S.) в области медиа. Пусть в данном случае речь идет об особой

степени — магистра журналистики (M.J.), однако в учебном плане сделан упор на освоение в первую очередь дисциплин прикладного характера, что обычно характерно для магистра наук.

Среди направлений специализации обучающихся по данной программе: законодательство и этика; подготовка информационных материалов для печатных, аудиовизуальных и онлайн-изданий; документальная фотография, спортивная журналистика, веб-дизайн и др.

К обязательным для изучения относятся «Основные тенденции журналистики» (Crit Perspectives Journ), «Репортерская работа и подготовка материалов» (Reporting and Writing), «Редактирование новостей» (Editing the News), «Законодательство в сфере коммуникации» (Communication Law). Дисциплинами по выбору являются «Семинар по коммуникации» (Seminars in Communication), «Прикладная журналистика» (The Entrepreneurial Journalist), «Медиаменеджмент» (Media Management) и ряд других. Данные курсы посвящены тому, как функционируют печатные СМИ и телерадиовещание, каким образом можно подготовить журналистский материал для различных типов медиа, особенностям организации работы редакции и др.

Таким образом, большинство дисциплин посвящено прикладным аспектам журналистской деятельности. Курсы теоретического блока лишь косвенно затрагивают вопросы свободы слова и печати. Более тесно с исследуемой проблематикой связан курс о законодательном регулировании информационной сферы. Судя по аннотации, он посвящен юридическим и философским основам регулирования передачи информации и охватывает период с XV столетия до наших дней, при этом уделяется внимание реализации концепта свободы слова в историческом контексте, преимущественно с точки зрения развития юридической базы [9].

Выводы

История развития журналистского образования в США свидетельствует, что в качестве основы подготовки работников средств массовой информации изначально был выбран прикладной подход. В процессе обучения слушатели осваивали навыки, необходимые для практической работы в редакциях и издательствах. Попытки привнести теоретическую базу были предприняты в конце 20-х — начале 30-х гг. XX столетия. Именно с этого времени в образовательных программах появляются дисциплины по социологии, коммуникации, политическим наукам, юриспруденции, отдельные разделы которых посвящены осмыслению социально-политических традиций США, в том числе и свободе слова. Выделяются направления, предполагающие получения степени бакалавра/магистра наук, а также бакалавра/магистра искусств. Несмотря на то, что в отдельных случаях подготовка в сфере «наук» и «искусств» весьма схожа, тем не менее первое направление подразумевает более практически ориентированную подготовку, тогда как в рамках второго делается акцент на освоение дисциплин, относящихся к разряду «либеральных искусств». Вполне ожидаемо, что более глубокие знания и представления о свободе слова в США получат будущие обладатели степени бакалавра

и магистра искусств (B.A., M.A.). В аккредитованных университетах таких программ значительно больше, их количественное соотношение с программами бакалавра и магистра наук (B.S., M.S.) составляет примерно 2 к 1: в бакалавриате — 83 к 42, в магистратуре — 19 к 10. Число бакалаврских программ (предлагают 104 вуза), где студенты получают основные профессиональные прикладные умения, значительно превосходит число магистерских с более теоретической подготовкой (предлагают 25 аккредитованных вузов) [10]. Эти данные свидетельствуют, что в американском журналистском образовании возрастает внимание к теоретическим гуманитарным дисциплинам, хотя в целом оно по-прежнему остается практико-ориентированным.

В этих условиях можно вести речь о том, что выпускник среднестатистической школы журналистики получает общие знания по гуманитарным дисциплинам. На уровне подготовки бакалавра или магистра журналистики учебные заведения не ставят перед собой цели глубокого изучения философии, политологии, социологии, что, очевидно, вполне соотносится с общемировым опытом. Представления о концепте свободы слова у обучающихся формируются фрагментарно, на основе материала разных учебных курсов. К таким дисциплинам в основном относятся «История журналистики», «Журналистская этика», «Законодательство в сфере коммуникации» и аналогичные им.

Отметим, что углубленные знания об американском законодательстве в области свободы слова, более серьезные представления о реализации принципов свободы слова в американском обществе получают выпускники юридических, политологических, социологических факультетов, которые имеют возможность в рамках своей подготовки специализироваться в изучении именно этого аспекта. Ведущими центрами подготовки в данной сфере являются Гарвардский университет (программа по политологии), Йельский университет (политология и социология) и др. Подготовка журналистов все же более ориентирована на то, чтобы в будущем они могли выполнять функции сбора, обработки и передачи информации.

---

1. *Быков А. Ю.* Журналистское образование в США: между теорией и практикой // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения : материалы 53-й междунар. науч.-практ. конф. (23–25 апр. 2014 г.) / отв. ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014. С. 195–198.

2. *Виниченко В. М.* Журналистское образование в США: путь от ремесла к профессии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2009. № 6. С. 89–101.

3. *Виниченко В. М.* Журналистское образование США: от журналистики к массовым коммуникациям // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 1. С. 100–112.

4. *Кихтан В. В.* О развитии журналистского образования в России и за рубежом [Электронный ресурс] // Relga. 2011. № 6 (224). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2885&level1=main&level2=articles (дата обращения: 23.03.2015).

5. *Стефенс М.* Журналистское образование в Нью-Йоркском университете: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 3. С. 143–147.

6. *Button H. W., Provenzo E. F., Jr.* History of Education and Culture in America. Prentice-Hall, 1983. 379 p.

7. Eastern Michigan University. Media Studies and Journalism Maior [Electronic resource]. URL: http://catalog.emich.edu/preview_program.php?catoid=18&poid=9570 (accessed: 01.02.2015).

8. Temple University, School of Journalism and Mass Communications, Department of Journalism [Electronic resource].URL: http://smc.temple.edu/journalism/ (accessed: 04.03.2015).

9. Temple University. Bulletin 2014-2015 [Electronic resource]. URL: http://bulletin.temple.edu/graduate/scd/smc/journalism-mj/#programrequirementstext (accessed: 04.03.2015).

10. The Accrediting Council on Education in Journalism and Mass Communications [Electronic resource]. URL: http://www2.ku.edu/~acejmc/STUDENT/ (accessed: 12.03.2015).

11. The Master of Arts in Mass Communication — Journalism program in the UF College of Journalism and Communications [Electronic resource]. URL: http://www.jou.ufl.edu/academics/masters/mamc-journalism/ (accessed: 12.03.2015).

12. University of Florida. College of Journalism and Communications. Undergraduate Catalog 2014–2015 [Electronic resource].URL: https://catalog.ufl.edu/ugrad/current/journalism/majors/journalism.aspx (accessed: 12.12.2014).

Статья поступила в редакцию 14.03.2015 г.

УДК 316.774:351.85

Е. А. Сарасов

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ИНФОРМАЦИЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ СЕТИ

Определяются основные понятия: компьютерные сети, законодательное обеспечение прав, право на информацию. Раскрывается содержание права человека на информацию. Указывается, что его сущность заключается в праве человека на правду, истину. Выдвигается научное предположение, что государство может использовать компьютерные сети для ограничения свободы человека. Анализируются история компьютерных сетей, цели использования этих сетей государством. Рассматриваются советские и российские законы, обеспечивающие право человека на информацию. Выявляются цели, которые преследует законодатель. Делается следующий вывод: право человека на информацию, закрепленное в Конституции, государство с помощью компьютерных сетей должно защищать и обеспечивать. Вместо этого наблюдается стремление государства использовать информационные технологии для повышения управляемости общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: право человека на информацию; свобода информации; государство; компьютерные сети.

Сегодня жизнь и деятельность человека, общества и государства немыслимы без информационных технологий, в частности технологий Интернета. Благодаря их развитию человек получает дополнительные возможности для выражения своей воли и распространения собственных идей и убеждений. Государство, в свою очередь, может использовать данные технологии для реализации своих устремлений, проявляемых им порой в виде ограничения прав человека, узурпации свободы воли человека и подчинения данной воли желанию государства

САРАСОВ Евгений Александрович — старший преподаватель кафедры журналистики и медиаобразования Челябинского государственного университета (e-mail: esarassov@yandex.ru).

© Сарасов Е. А., 2015

доминировать над человеком и обществом. Из истории известно, что это нередко ведет к установлению недемократического режима, например, диктатуры. Соответственно, возникает вопрос: каким образом защитить человека и общество от стремления государства навязать свою волю с помощью современных технологий, в частности ресурсов Интернета и социальных интернет-сетей? Этот вопрос связан с проблемой законодательного обеспечения конституционного права человека на информацию.

Под правом человека на информацию понимается, согласно п. 4 ст. 29 Конституции РФ, право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. С какой целью законодатель говорит о свободе в данном случае? Только ли для того, чтобы, согласно сущности Конституции РФ, ограничить волю государства? Думается, что не только поэтому. Можно ли без свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации добиться истинности сведений, знаний, как содержательного наполнения информации, а также правильности, объективности и достоверности сообщений, как формы этой информации? Любая несвобода ведет к ангажированности и, соответственно, искажению информации. Таким образом, законодатель под правом на информацию понимает также право человека на истину, правду. В нашем случае нуждается в пояснении формулировка: «право получать информацию». Оно гарантировано также п. 2 ст. 24 Конституции РФ, где закреплена обязанность органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Эта норма является базовой нормой, гарантирующей доступ граждан к информации в России.

Под законодательным обеспечением прав следует понимать волю законодателя, выраженную в принимаемых нормативно-правовых актах с целью достижения баланса во взаимодействии личности, общества с государством для реализации конституционных задач и целей.

Следовательно, законодательное обеспечение права человека на информацию — это воля законодателя, выраженная в принимаемых нормативно-правовых актах с целью достижения баланса во взаимодействии личности, общества с государством для реализации конституционной задачи, связанной с обеспечением свободного, независимого поиска истины, правды.

В данной работе используется термин «социальные компьютерные сети». Компьютерная сеть — это набор автономных компьютеров, связанных одной технологией [14, *17*]. Социальная компьютерная сеть — это набор автономных компьютеров, связанных одной технологией, призванной решать социальные, т. е. востребованные обществом, задачи. Социальные интернет-сети подпадают под это определение, так как они работают на одной технологической платформе Интернета и реализуют социальные функции посредством предоставления следующих возможностей: получение информации от других членов социальной сети; верификация идей через участие во взаимодействиях в социальной сети;

социальная выгода от контактов (сопричастность, самоидентификация, социальное отождествление, социальное принятие и т. д.); рекреация (отдых) [4, 5].

В современной научной литературе можно выделить две трактовки социальной сети: как социальной структуры и как ее специфической компьютерной интернет-реализации. Особое внимание к компьютерным социальным сетям обусловлено, во-первых, объективно растущим влиянием данного ресурса на общественные отношения в экономике, политике, в государственном строительстве; во-вторых, зафиксированным на практике стремлением государства заимствовать сетевые методы управления индивидом и обществом, которые используются крупным бизнесом, в том числе с помощью ресурсов социальных интернет-сетей.

Компьютерные сети для управления государством применялись уже в середине XX в. В это время появилась идея использования объединенных в единую сеть электронно-вычислительных машин с целью управления вооруженными силами и экономикой. Исаак Брук, директор лаборатории электросистем Энергетического института АН СССР, предложил создать иерархическую сеть управляющих машин для сбора, передачи и обработки экономических данных и для содействия принятию решений путем компьютерного моделирования [1]. В это же время инженер-полковник А. И. Китов разработал собственный план создания общенациональной компьютерной сети. В 1958 г. он изложил программу автоматизации обработки информации и административного управления путем создания сети вычислительных центров по всей стране: «Наличие единой сети информационных и вычислительных машин позволит использовать результаты обработки для планирования и руководства хозяйством» [Там же]. Первые советские проекты по использованию ЭВМ для управления экономикой опирались на работы по развитию компьютерных систем военного назначения. В середине 1950-х гг. советские военные эксперты обратили самое серьезное внимание на создаваемую в США систему противовоздушной обороны SAGE (Semi-Automatic Ground Environment). В ее основе лежало создание централизованной общенациональной сети компьютеризированных пунктов контроля и управления для координации адекватного ответа на возможное массированное воздушное нападение противника. В ответ Советский Союз принял решение создать свои системы аналогичного назначения [Там же]. Инициатива применения вычислительных машин в экономике исходила от тех же специалистов, кто проектировал и внедрял военные системы.

Примером использования государством сетевых технологий является концепция электронного правительства. Ее прототипом стал проект, разработанный в СССР кибернетиком мирового уровня В. М. Глушковым. Он был инициатором разработки и создания Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), предназначенной для автоматизированного управления всей экономикой СССР [2]. Система должна была обеспечить «полную автоматизацию процесса сбора, передачи и обработки первичных данных». Авторы проекта надеялись с помощью компьютеров полностью устранить повсеместно распространенную практику подтасовки данных, передаваемых «наверх», устранить возможность утечки и искажения информации.

В. М. Глушков писал, что ОГАС будет решать задачи, связанные с поиском верных, наиболее оптимальных для экономики, управленческих решений, а также с поиском истинных целей общества, государства через определение «добра» и «зла» для экономики страны [2, *41–42*, *81*]. Можно сделать вывод, что данный проект обеспечивал право человека и общества на информацию, т. е. право на истину.

Нормативной базой данного проекта являются, в частности, Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 21.05.1963 г. № 564 «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство» [9], где говорится о необходимости создания «единой сети вычислительных центров, взаимодействующих с системой связи страны, предназначенных для решения научно-технических задач и задач в области экономики, планирования и управления в народном хозяйстве»; п. 22 Постановления Совмина РСФСР от 22.11.1971 г. № 620 «О государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР на 1971–1975 годы» [11]. В нем предписывалось государственным органам принимать меры для создания общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством.

По словам Глушкова, ОГАС смогла бы со временем сильно ограничить такие явления, как воровство, взяточничество, спекуляцию [15].

Эти проекты создавались как способ защиты государства от неофициальных, неформальных социальных сетей, которые использовались в советское время для защиты от жесткой, не всегда продуманной плановой экономики, управляемой централизованно, порой без учета важных потребностей общества и человека на местах. Государство пыталось создать общую универсальную централизованную государственную сеть для сбора, обработки и донесения неискаженной информации, прежде всего экономического и финансового характера, для эффективного управления обществом, человеком, но не для защиты его прав и свобод.

Планам Глушкова не удалось осуществиться. Правительственные чиновники видели в них угрозу своей власти, потерю контроля над информацией и в итоге потерю своих мест. Либеральные экономисты выступали за децентрализацию экономики, внедрение рыночных стимулов, по их мнению, данный проект закреплял жесткую централизацию управления [1].

Однако благодаря преобразованиям, проведенным в рамках проекта Глушкова, в СССР началось создание организационных, информационных технологий, на основе которых сегодня осуществляется информатизация государственного управления [6, *9*].

Современная концепция электронного правительства была утверждена 6 мая 2008 г. Правительством РФ [12]. 10 сентября 2009 г. вышло Постановление Правительства РФ № 721 «О внесении изменений в федеральную целевую программу “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» [10]. Основная цель программы определена как «формирование инфраструктуры электронного правительства». Здесь законодатель на первое место ставит обеспечение управления, т. е. полномочий исполнительной власти, посредством открытости государственных органов.

Отметим, что право человека на открытость государства прямо не закреплено в Конституции РФ. Вместе с тем в ч. 2 ст. 24 Основного закона говорится: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом»; в ч. 3 ст. 41 говорится: «Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом». Здесь гарантировано право на доступ к информации, непосредственно затрагивающей права и свободу человека.

Согласно положениям программы, инфраструктура электронного правительства должна строиться на унифицированной технологической платформе путем объединения с помощью единой телекоммуникационной инфраструктуры его функциональных элементов — информационных систем органов власти. Здесь говорится о совершенствовании и реформе государственного управления в России.

Создание системы «Открытое правительство» было инициировано в начале 2012 г. Д. Медведевым. В Указе Президента РФ от 8.02.2012 г. № 150 «О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы “Открытое правительство”» [13] названы основные цели ее разработки: совершенствование институтов гражданского общества и обеспечение взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями, движениями и экспертными организациями.

Основные мероприятия по созданию этой системы закреплены указами Президента РФ. Так, Указом Президента от 7.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [18] Правительству РФ было поручено обеспечить реализацию таких мероприятий, как использование федеральными исполнительными органами различных форм публичных консультаций в целях общественного обсуждения законопроектов с публикацией их результатов, утверждение Концепции российской общественной инициативы и т. д. [3].

Развитием системы «Открытое правительство» является Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти [7]. Она направлена на совершенствование системы государственного управления мерами, определенными Указом Президента Российской Федерации от 7.05.2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

В концепции ставятся задачи для исполнительных органов: «...совершенствовать формы, методы и способы работы со средствами массовой информации, социальными сетями и форумами в сети Интернет»; «...повышать доступность открытых государственных данных для использования гражданами, общественными объединениями и предпринимательским сообществом, в том числе для повторного использования, обеспечивая свободный доступ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет к открытым данным, содержащимся в информационных системах федеральных органов исполнительной власти, без каких-либо ограничений на их безопасное использование». При этом оговаривается, что реализация

данных задач наряду с другими необходима для соблюдения принципов открытости федеральных органов исполнительной власти. О правах человека не говорится.

Из первого раздела концепции следует, что исполнительная власть своей целью ставит в том числе повышение уровня доверия гражданского общества к принимаемым органами исполнительной власти решениям и к деятельности исполнительной власти. Кризис доверия планируется преодолеть с помощью повышения информационной открытости. Этот вывод вытекает из анализа основных целей данной концепции: «...повышения прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления». Если подобные цели ставятся, то можно говорить в целом о недостаточной поддержке обществом деятельности органов государственной власти. Органы исполнительной власти ощущают недостаток доверия граждан (в противном случае данные цели не были бы заявлены) и стремятся заручиться поддержкой интернет-сообщества. Об этом же свидетельствуют другие положения Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти.

В документе «Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти» [5] просматриваются те же тенденции. Интернет-технологии используются для реализации функции управления. В частности, социальные интернет-сети рассматриваются как инструмент повышения открытости федеральных органов исполнительной власти, как механизм онлайн-взаимодействия с гражданами, как важная информационная площадка для организации неформального общения органа власти со всеми гражданами, а не только с пользователями электронных ресурсов ведомства. При этом оговариваются такие функции социальной сети, как широкое общественное информирование, вовлечение граждан (организация дискуссий, сбор предложений, мнений и комментариев по документам и инициативам ведомства, опубликованным отчетам, мерам по противодействию коррупции и пр.), консультирование и просвещение.

Исходя из положений данных документов, можно говорить о стремлении исполнительных органов обеспечить управляемость общества, создать режим «электронной демократии». С помощью инструментов и ресурсов сети Интернет, в частности социальных сетей, они стремятся реализовать конституционные принципы (народовластия, гарантированности прав человека, свободы информации, участия в деятельности органов государственной власти, свободы политического выбора, независимости гражданского общества). В данном случае возникает опасность подмены понятий: реального изъявления народом своей воли и виртуальной активности интернет-сообщества. Интернет-сообщество и народ Российской Федерации — понятия различные (по своему классовому составу, по демографическим, культурным и экономическим показателям). Также отсутствует четко прописанный механизм реализации заявленных целей и задач.

Анализ законодательного обеспечения права на информацию показал, что государство активно использует компьютерные сети для реализации своей воли, для обеспечения управляемости общества, но не для защиты прав человека.

1. *Герович В.* Интер-Нет! Почему в Советском Союзе не была создана общенациональная компьютерная сеть [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 1(75). URL: http://www.magazines.russ.ru/nz/2011/1/ge4.html (дата обращения: 14.01.2015).

2. *Глушков В. М., Валах В. Я.* Что такое ОГАС? М., 1981. 160 с.

3. *Горовцова М.* Открытое правительство: новый формат работы исполнительных органов [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/article/483944/#ixzz3PADFYI00 (дата обращения: 11.02.2015).

4. *Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / под ред. чл.-корр. РАН Д. А. Новикова. М., 2010. 228 с.

5. Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти : утв. протоколом заоч. голосования Правительств. комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 г. № АМ-П36-89пр [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=164953 (дата обращения: 10.02.2015).

6. *Морозов А. А., Глушкова В. В., Карпец Э. В.* С чего начинался ОГАС // Системы поддержки принятия решений: теория и практика : сб. докл. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 7 июня 2010 г., Киев, Украина. М., 2010. С. 5–9.

7. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти : Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 г. № 93-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 5. Ст. 547.

8. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 601 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.

9. Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 21.05.1963 г. № 564 [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16298 (дата обращения: 20.02.2015).

10. О внесении изменений в федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : Постановление Правительства РФ от 10.09.2009 г. № 721 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 38. Ст. 4476.

11. О государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР на 1971 — 1975 годы : Постановление Совмина РСФСР от 22.11.1971 г. № 620 [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=29650 (дата обращения: 19.02.2015).

12. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года : Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 г. № 632-р (ред. от 10.03.2009) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2372.

13. О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое Правительство» : Указ Президента РФ от 8.02.2012 г. № 150 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 7. Ст. 820.

14. *Таненбаум Э., Уэзеролл Д.* Компьютерные сети. 5-е изд. СПб., 2012. 960 с.

15. *Шкурба В. В.* Глушков и ОГАС [Электронный ресурс]. URL: http://www.iprinet.kiev.ua/gf/shkurba_ogas.htm (дата обращения: 17.02.2015).

Статья поступила в редакцию 07.06.2015 г.

УДК 316.774:651.1 + 316.776:331

А. С. Сумская

МОНЕТИЗАЦИЯ ТВ-ФОРМАТОВ: ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье изучается проблема формирования новой предпринимательской культуры продюсеров/медиаменеджеров в современных экономических реалиях. На основе анализа глобального форматного медиарынка выявляются возможности и направления/пути/практики монетизации телевизионных форматов отечественной медиаиндустрии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: практики монетизации продюсерской деятельности; предпринимательская культура продюсеров в обновленной медиасреде; культура производства телеформатов на основе индустриального подхода.

В условиях изменившейся экономической ситуации 2014–2015 гг. в отечественной медиасфере становятся востребованы новые подходы, практики монетизации продюсерской деятельности.

Данность такова: Россия вступила в эпоху затяжного экономического кризиса. Еще в январе 2014 г. ситуация представлялась как рецессионная [12].

В настоящее время в условиях осложнившейся геополитической ситуации, санкций, падения курса рубля и, как следствие, замедления темпов экономического роста РФ, снижения покупательской способности населения есть основания констатировать недостаточную состоятельность основной экономической модели отечественной телевизионной индустрии, основанной на рекламных поступлениях.

Так, результаты опроса первых лиц крупнейших федеральных компаний, работающих на рынке телевидения, свидетельствует, что доходы от рекламы в наступившем 2015 г. могут снизиться более чем на 20–30 %. Причем точные прогнозы берутся делать лишь единицы. В частности, инвестбанк Goldman Sachs прогнозирует падение рынка медийной рекламы на 15 %, а интернет-реклама вырастет лишь на 4 %, контекстная реклама — на 10 % [2].

Практика уже показывает отрицательную динамику. Аналитики Media Logics на основе результатов телеизмерений TNS Russia с 1 по 10 января 2015 г. зафиксировали снижение на 37 % продолжительности рекламных блоков в эфире семнадцати основных федеральных вещателей по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. Размер проданных пунктов рейтинга рекламы на разных каналах отличается. Так, к примеру, отрицательная динамика «Первого» по отношению к аналогичному периоду 2014 г. составила 33 %, «России 1» — 44 %, «ТНТ» — 58 % [11].

Несмотря на то, что специалисты Media Logics объясняют аномальность января 2014 г. активностью рекламодателей в преддверии Олимпиады в Сочи, общий тренд сохраняется и отразился в работе регионов. Результаты замеров TNS Russia показывают отрицательную динамику объемов телевизионной рекламы

СУМСКАЯ Анна Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры кино и телевидения Челябинской государственной академии культуры и искусств (e-mail: anyuta.sumskaja@yandex.ru).

© Сумская А. С., 2015

по Челябинску в 2014 г. (на 34 % по сравнению с 2013 г.). Аналитики «Делового квартала — Челябинска» заявили о сокращении количества рекламодателей телевизионного рынка Челябинской области на 9 % и рекламных бюджетов компаний на 28 % [1].

В связи с этим возможности как федеральных телеканалов, так и региональных значительно снижаются. 23 января 2015 г. Ассоциацией продюсеров кино и телевидения РФ совместно с ведущими российскими телеканалами и гильдией актеров принят меморандум, в котором говорится, что бюджеты телеканалов на закупку сокращаются минимум на 40 %, а производственные бюджеты — на 25 % по сравнению с расходами на аналогичные проекты в прошлом году [3].

Снижение покупательского потенциала телеканалов не исключает необходимости обновления контента, тем более что, согласно новой инициативе законодателей, размещение рекламы на платных телеканалах возможно лишь в том случае, если доля отечественного контента составляет не менее 75 %. При этом особенно важно отметить — «отечественного», т. е. может быть и неоригинального. Это значит, что один из важнейших источников монетизации продюсерских компаний последнего десятилетия — продажа/приобретение форматных прав имеет право быть.

Формат на отечественном телевидении в современном его значении востребован со второй половины 90-х гг. в условиях трансформации социокультурной сферы и кардинального обновления его концептуальных основ: коммерциализации вещания, развития конкурентной среды, роста предложений на рынке и сегментации аудитории телеканалов, приоритета развлекательно-рекреационной направленности вещания.

Российским научным сообществом разработке проблемы формата в аудиовизуальной сфере уделяется достаточно большое внимание. Лидеры терминологической дискуссии — исследователи факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Так, с позиции филологического/лингвистического/семиотического подхода исследован объем смысла и границы понятия «формат» Я. Н. Засурским, Г. В. Лазутиной, А. Н. Николаевой, Г. Я. Солгаником, Т. И. Суриковой и др. На основе теоретико-журналистского подхода осуществлена типологизация форматов разноплатформенных СМИ в работах А. А. Тертичного, Г. В. Лазутиной, А. А. Новиковой, Л. Д. Болотовой и др. Г. В. Лазутина, О. Р. Лащук исследуют формат как явление коммуникативистики. Организационно-управленческий подход к структурированию процесса производства и распространения форматного СМИ характерен для работ В. Л. Иваницкого, С. Д. Степанян и др. Юридический подход использован А. С. Нечушкиной для изучения правовых аспектов адаптации зарубежных телеформатов. Формат как предуготовленная схема для восприятия с позиции психологического подхода анализируется Е. Н. Прониным, Е. Е. Прониной и др. Коммерческий потенциал форматного творчества изучается в рамках экономического/маркетингового подхода Е. Л. Вартановой А. Н. Качкаевой, И. Н. Кемарской, И. П. Магая, В. И. Макеенко, В. А. Сухаревой и др. [9].

Развитие научных поисков в области форматного медиапроизводства находит отражение в работах Национального исследовательского университета ВШЭ.

В частности, А. Г. Качкаева, ныне — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна ВШЭ, на основе анализа исторически изменившихся социальных практик резюмирует: «Жанр и формат — два аспекта целостного производственного и вещательного телепроцесса — творческого (создающего смыслы и транслирующего ценности) и бизнес-процесса (производящего и продающего массовый продукт или услугу)» [4, *51*]. История телевизионных форматов в отечественной практике представлена в работах А. С. Тарасенко, форматы российских телеканалов типологизированы в исследованиях под руководством А. В. Шарикова и др. [13, 15].

В региональной академической среде интерес вызывает методологическое исследование категорий формата и жанра (с позиций ономасиологического и семасиологического подходов) челябинского профессора Л. А. Месеняшиной и др. [10].

Медийное форматное производство требует обновленной управленческой культуры. Экономические механизмы медиаменеджмента наиболее полно исследованы в работах Н. В. Кирилловой [6, *320*].

Цель настоящего исследования: выявление перспектив монетизации форматного контента в условиях формирования новой предпринимательской культуры продюсеров/медиаменеджеров. В качестве ведущего методологического ориентира избран индустриальный подход, граничащий по способам исследования объекта научного интереса с экономическим/маркетинговым.

В связи с этим наибольший интерес представляют труды Г. В. Лазутиной, А. Г. Качкаевой, И. Н. Кемарской, М. И. Макеенко, В. А. Сухаревой и др., в которых выявляется бизнес-составляющая форматного творчества в условиях конвейерного производства.

Так, Г. В. Лазутина обращает внимание на одну из важнейших функций формата — достижение коммерческого успеха, его инструментальную особенность — способность оптимизировать структуру массовых коммуникационных потоков в соответствии с заданной совокупностью признаков. Иными словами, формат призван облегчить производство на основе технологически выверенных стандартов и упростить процесс восприятия контента аудиторией на основе распознавания, выявления соответствия популярным жанрам/форматам [7].

Нам близко определение формата, предложенное И. Н. Кемарской, — как «лекала», позволяющего «многократно, быстро и без потери качества воспроизводить сложную форму. Именно формат позволяет создавать штучные вещи на все убыстряющемся производственном конвейере... Содержание отдельного выпуска любой передачи всегда единично, штучно, а формат универсален и технологичен» [5].

Это своеобразное форматное «лекало» должно, с позиции А. А. Тертичного, иметь как общие существенные характеристики, значимые для данного типа СМИ, так и единичные признаки, придающие неповторимость, повышающие его ценность, в том числе материальную [14].

Согласимся с мнением В. А. Сухаревой, А. Н. Качкаевой, что коммерческий успех формата во многом зависит от умения просчитать и соответствовать ценностям, вкусам и потребностям целевой аудитории.

Размышляя о потенциале монетизации формата в отечественной практике, необходимо обратиться к зарубежному опыту, поскольку, во-первых, известно, что

формат как явление возникло в американских СМИ и, во-вторых, производство/продажа форматов поставлена на поток зарубежными коллегами. Российские продюсеры/медиаменеджеры являются в основном пользователями, покупателями на этом глобальном рынке. Наиболее значим опыт Мишеля Родрига, «отца форматов», основателя компании The Format People Inc и соучредителя ассоциации FRAPA (Format Recognition and Protection Association). Именно он основал первую в мире компанию-дистрибьютер форматов и инициировал развитие рыночных отношений в форматной индустрии. Его ноу-хау — продажа идеи, которая способна принести прибыль. То есть этот бизнес находится в плоскости продаж нематериальных объектов. Эти объекты/форматы разрабатываются творческими группами медийщиков, являются их интеллектуальной собственностью, позволяют производить по специально разработанному «рецепту» — «продюсерской библии» рейтинговый телеконтент. Важно заметить, что к продаже предлагается разработанный и описанный формат, уже апробированный в эфире и имеющий положительную репутационную историю. В целях борьбы с недобросовестной конкуренцией в 2000 г. М. Родриг выступил соучредителем FRAPA, объединяющей усилия производителей форматов во всем мире и призванной защищать их права. Причина — отсутствие во многих странах специального форматного права, с одной стороны, чрезвычайно высокий интерес к этому бизнесу в мировой телеиндустрии — с другой. Ассоциацией принят Кодекс поведения в условиях недобросовестной конкуренции, разработана структурно «библия формата», в которой детально описывается, что она должна включать для дальнейшей эффективной адаптации формата на том или ином локальном/национальном рынке. Вообще, эти действия вполне соотносятся с событиями вековой давности, когда в свое время промышленник и предприниматель Томас Эдисон инициировал создание собственного треста, призванного координировать и монополизировать право на производство и прокат кинопродукции.

В настоящее время члены FRAPA имеют доступ более чем к 1200 форматам, и несмотря на достаточно высокую стоимость, эти форматы пользуются постоянно высоким спросом. Поэтому только за последние пять лет база пополнилась более чем на 300 форматных предложений. Статус мощного и глобального бизнеса по продаже/покупке форматов стал очевиден после первого крупного исследования в 2004 г. («FRAPA Report; TV Formats to the World»), которое показало, что в 2002–2004 гг. торговля форматами принесла прибыль около 6,4 млрд евро. В 2009 г. по результатам повторного анализа эксперты заключили, что торговля форматами имеет тенденцию «вулканического роста» и в период 2006–2008 гг. расходы на форматные закупки выросли до 9,3 млрд евро. В этот период Великобритания лидировала по числу экспортируемых форматов, далее — США, Нидерланды и Аргентина. Германия, Испания и Италия стремились стать активными участниками игры, Япония показывала растущий интерес к соответствующей торговле. Наиболее популярными форматами были талант-шоу, студийные игры, шоу-викторины, отмечен рост продаж сериалов и теленовелл [16].

Весной 2014 г. британские аналитики изучали динамику спроса/предложения на международные телевизионные форматы, прогнозировали изменения рынка

на 2014–2015г г. (The format future report C21). Так, о планировании закупки формата заявили 67 % опрошенных руководителей компаний по сравнению с 52 % опрошенных в предыдущем исследовании. Израиль стал новым лидером по продаже форматов, новички в данной группе — турецкие производители. Россия — на почетном 10-м месте по продажам и в числе лидеров по закупкам. Тенденции популярности телеформатов изменились: прогнозируется спад популярности талант- и песенных шоу, повышение интереса к игровым, сценическим, развлекательным шоу [19]. Вместе с тем нужно отметить, что мир за этот последний год чрезвычайно изменился. Но об этом чуть ниже. В данном случае нам было важно отметить серьезность намерений и растущий интерес к этому виду бизнеса.

М. Родриг явился инициатором своеобразных ярмарок форматов, которые ежегодно проходят весной в Каннах, весной и осенью — в Киеве. Очередная встреча игроков международного рынка телевизионного контента состоится 10–11 апреля 2015 г. в Каннах, где примут участие более 100 стран мира, 12 000 медийщиков, 1700 компаний-экпонентов и 4500 покупателей [18]. Очередные встречи в Киеве планируются на 27 марта (FORMAT SHOW Spring Edition) и 7–11 сентября 2015 г. на KIEV MEDIA WEEK [17].

Выше обозначено, что Россия в большей степени закупает форматы. Интерес/потребность в этом появилась во время роста и сегментации каналов, нехватки собственного оригинального контента, качественного и способного привлечь аудиторию. Эта практика, понятно, была весьма доступной и обоснованной в годы роста рекламного рынка, снижала затраты времени и сил на оперативную разработку собственных предложений. Безусловно, очень многие практики сетуют на снижение востребованности творчества в профессиональной среде телевизионщиков. И все это в условиях первоклассной режиссерской отечественной школы, которая признана во всем мире. Перечислим лишь некоторые адаптации зарубежных форматов, которые представлены в эфирной сетке федеральных каналов. Первый канал: шоу «Поле чудес», «Голос», «Вышка», «Универсальный артист», телеигры «Кто хочет стать миллионером», «Куб», «Форд Боярд», «Угадай мелодию», сериал «Понять. Простить» и др. ВГТРК: «Танцы со звездами», «Один в один», «Битва хоров», «Сто к одному», «Фактор А» и др.; НТВ: «Своя игра», «Суд присяжных» и др.; СТС: сериалы «Воронины», «Кухня», шоу «Снимите это немедленно» и др.; ТНТ: реалити «Битва экстрасенсов», «Холостяк», сериал «Счастливы вместе» и др. Список можно продолжать, и он касается только крупнейших российских телеканалов, которые обладают(ли) необходимой денежной массой, чтобы обеспечивать обновление сетки вещания соответствующим образом. Что касается практики региональных продюсеров, то, безусловно, они имеют значительно более скромные возможности, при этом практически всегда находятся в самостоятельном поиске новых идей. А потому вынуждены либо творить на свой страх и риск, поскольку гарантии популярности в каждом новом случае-проекте нет никакой, либо делать крайне упрощенные клоны шоу талантов и телевикторин федералов. Получаются, как правило, крайне невыгодные провинциальные и «картинка», и содержание, и результат. Однако в этой романтической среде

инициативных творцов встречаются чрезвычайно интересные оригинальные предложения, которые могут быть форматно описаны и предложены коллегам по цеху. К примеру, реалити «Мечты сбываются» («ОТВ», Челябинск) о попытке состоявшихся профессионалов попробовать себя в профессии, о которой мечтали, но которую не выбрали; развлекательно-юмористическое шоу «СвиДЕТИли» («Седьмой канал», Казахстан) о расследовании в шуточной форме очень несерьезных детских «проступков» (например, кукла потерялась). Или ток-шоу «На крыше», которое действительно снимается на крыше самого высокого небоскреба в г. Алматы (телеканал «ТЕНГРИ», Казахстан) и поднимает вопросы самореализации молодежи в своей стране. А еще есть телевикторина «Штрафная замена» (телеканал «Галстрир», Салават, Башкирия), в ходе которой сотрудники ГИБДД задают вопросы по правилам дорожного движения только что остановленным на дороге водителям. Правильные ответы «здесь и сейчас» могут компенсировать штрафные санкции. И многие, многие другие. Вывод в данном случае один: форматный региональный рынок отсутствует.

С октября 2014 г. Россией взят общий курс на импортозамещение. Многие ищут в этом свои перспективы. В контексте рассматриваемой проблемы продюсеров — монетизации отечественных форматов на индустриальной основе видится как минимум два пути развития.

Первый касается активности федеральных игроков на международном рынке. Вполне очевидно, что компенсация падения рекламных поступлений может быть осуществлена за счет продаж собственных предложений. Да, это не совсем легкий, но очевидный путь и достижимый результат. В этой ситуации отечественная школа режиссуры, школа продюсирования могут быть весьма полезны. Реализация индустриального подхода (по М. И. Макеенко) может быть осуществлена при разработке стратегического инструмента — отечественного форматного права для обеспечения полноценной юридической практики защиты правообладателей [8].

Второй путь представляется особенно смелым и заключается в объединении усилий региональных практиков для развития регионального форматного рынка. Эту консолидирующую роль могут выполнять как федеральные медиагруппы (например, ВГТРК), так и общественные объединения (например, Национальная ассоциация телерадиовещателей). Сотрудничество может развиваться как по франчайзиговому пути, и такая практика в издательском бизнесе достаточно распространена, так и по пути, апробированному М. Родригом и его последователями. То есть может идти речь о создании своеобразных региональных ярмарок форматов под патронажем некой компании-дистрибьютера. Безусловно, стоимость этих предложений может быть (и должна быть) на порядки ниже федеральных/глобальных. Но надо признать, что в настоящее время на рынке популярны технологии привлечения крупных денежных объемов малыми суммами (например, краудфандинг, кнопка Like'n'Pay и др.). А значит, и эта форма работы имеет право быть. Конечно, подобный рынок может быть доступен не для всех региональных телекомпаний, но крупные города-миллионники, такие как Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Красноярск, Уфа и др., могут быть на нем представлены.

Культура производства ТВ-форматов на основе индустриального подхода предполагает:

— стандартизацию производства контента (телепрогаммы/телепроекта), максимальную формализацию описания качественных характеристик (содержательных — названия, синопсиса, драматургической конструкции, уникальных особенностей, характеристик ведущих, типажей экспертов, дизайна студии, заставок, музыкального оформления и пр.) и количественных (формальных — хронометража, технических характеристик, параметров, оганичения по стоимости выпуска и пр.);

— плановость в разработке, апробации, формализации форматной документации;

— маркетинговый анализ установок, предпочтений и ценностей планируемой и актуальной форматной целевой аудитории;

— разработку механизмов оценки стоимости регионального форматного контента;

— готовность работать в условиях форматного телевидения, стремиться одновременно поддерживать рамки формата и улучшать содержание, адаптируя его к специфике аудитории своего края.

Таким образом, монетизация отечественных телекомпаний средствами форматного бизнеса — возможность формирования новой предпринимательной культуры продюсерской деятельности в условиях современной экономической ситуации.

---

1. *Баннов К., Николаева А.* Рейтинг телеканалов в Челябинске [Электронный ресурс] // Деловой квартал — Челябинск. URL:http://chel.dk.ru/wiki/reyting-telekanalov (дата обращения: 12.02. 2015).

2. *Болецкая К., Брызгалова Е., Іолицына А.* Бизнес ждет рекламную паузу // Ведомости. 2015. 28 янв.

3. *Болецкая К.* Продюсеры ждут прав // Ведомости. 2015. 3 февр.

4. *Качкаева А. Г.* Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 6. С. 42–51.

5. *Кемарская И. Н.* Формат как способ позиционирования программы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 6. С. 66–69.

6. *Кириллова Н. Б.* Медиакультура: теория, история, практика. М., 2008. 496 с.

7. *Лазутина Г. В.* Жанр и формат в терминологии современной журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 6. С. 14–21.

8. *Макеенко М. И.* Формат в массовых коммуникациях: индустриальный подход // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 6. С. 90–95.

9. Межкафедральный семинар «Динамика жанров и форматов» [Электронный ресурс] // Медиаскоп. URL: http://www.mediascope.ru/node/520 (дата обращения: 21.01.2015).

10. *Месеняшина Л. А.* Категории жанра и формата как реализация ономасиологического и семасиологического подходов к речевому произведению // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2013. № 35. С. 85–88.

11. *Соболев С.* Спрос на телерекламу резко упал [Электронный ресурс] // РБК : [онлайн-версия ежедневн. деловой газеты]. URL: http://rbcdaily.ru/media/562949993665207 (дата обращения: 25.01.2015).

12. *Сумская А. С.* Аудитория современного квалоида в условиях экономической рецессии (на примере общественно-политической газеты «Челябинский рабочий») // Знак. 2013. № 2. С. 60–66.

13. *Тарасенко А. С.* Эволюция развлекательных телеформатов в 2000 гг. // Меди@льманах. 2010. № 5. С. 49–58.

14. *Тертычный А. А.* О соотношении понятий: концепция, тип, профиль, формат издания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2010. № 6. С. 8–13.

15. *Тютюнина А. В.* Типология форматов российских телеканалов [Электронный ресурс]. URL: hse.ru > data/2013/06/06/1283872237/диссертация.doc (дата обращения: 05.01.2015).

16. FRAPA Report 2009 : [The official website FRAPA]. URL: https://www.frapa.org/services/frapa-report/ (accessed: 21.02.2015).

17. KIEV MEDIA WEEK : [офиц. сайт]. URL: https://kievmediaweek.com/ru/ (дата обращения: 08.01.2015).

18. Mir TV. mirdigitalfrots : [офиц. сайт события]. URL: http://www.mipformats.com/programme/ (дата обращения: 22.02.2015).

19. The Formats Report. C21 : [офиц. сайт «Телекритика»]. URL: http://www.telekritika.ua/rinok/2014-04-15/92654 (дата обращения: 25.02.2015).

Статья поступила в редакцию 13.03.2015 г.

УДК 070:27-72 + 316.774

Л. А. Ткаченко

СПЕЦИФИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЕПАРХИАЛЬНЫХ СМИ

В статье дается определение понятий религиозной и православной журналистики, а также разграничение терминов «православная журналистика» и «журналистика о православии». Рассмотрены основные проблемы современных православных СМИ, в частности проблема профессионализма, стиля и жанрового разнообразия. На примере Новосибирской епархии показаны новые тенденции в развитии православной журналистики России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: православная журналистика; православные СМИ; медиацентр, епархия; Русская православная церковь.

Совокупность всех религиозных средств массовой информации представляет специальная отрасль — конфессиональная журналистика. Ее основной задачей является удовлетворение информационных запросов верующего человека. В узком смысле конфессиональная журналистика — это освещение фактов, церковных событий и религиозных вопросов, актуальных в настоящее время.

Религиозная журналистика не только отвечает на вопросы, связанные с верой, но и формирует потребность людей в религии. У многих невоцерковленных представителей современного общества церковные СМИ формируют мировоззренческую основу. Современная религиозность отличается тем, что проявляется не только с помощью институтов Церкви, не только благодаря деятельности

ТКАЧЕНКО Лилия Анатольевна — исполнительный директор медиацентра Новосибирской епархии, редактор газеты «Вестник Новосибирской митрополии», г. Новосибирск, соискатель ученой степени кандидата филологических наук (e-mail: iya2003@mail.ru).

© Ткаченко Л. А., 2015

проповедников и миссионеров, но и посредством сферы культуры и средств массовой коммуникации [3, *12*].

Предметом религиозной журналистики является религиозно-нравственное просвещение, а также освещение и рассмотрение вопросов из области культуры, экономики, политики, социологии с точки зрения религиозной традиции. Конфессиональная журналистика пытается отразить настроение общества, оценить духовное состояние современников, сформулировать злободневные вопросы и сделать социально-культурные прогнозы [3, *15*]. В данной статье мы рассмотрим основные проблемы православных средств массовой информации и особенности развития церковных медиа в современной России.

В первую очередь следует сказать, что православная журналистика — это один из видов религиозной журналистики, затрагивающий область православной религии и освещающий различные аспекты деятельности Русской православной церкви. К сожалению, в исследованиях в области православных медиа пока нет четкого определения базовых для данной сферы понятий. Так, понятия «православная журналистика», по сути, вовсе не существует, оно подменяется и обозначается как «церковная журналистика», что заметно сужает предметную область и несет в себе резкое противопоставление светским изданиям.

Православная журналистика, в отличие от журналистики о православии, описывает и анализирует проблемы из разных областей жизни: политики и экономики, социологии и философии — с позиций православного мировосприятия. В связи с этим следует различать статьи журналистов о православии и публикации, подготовленные представителями православной журналистики. Последние должны быть верующими людьми и вести духовную жизнь, им следует обладать необходимым уровнем воцерковленности. В первую очередь материалы православной журналистики отражают взгляды верующего человека, участвующего в жизни Церкви. От этого зависит качество и степень полезности написанных статей. Таким образом, православные журналисты помогают формировать определенный взгляд на духовную жизнь и отношение к Церкви [7].

К сожалению, из-за отсутствия школы конфессиональной журналистики актуальной считается проблема профессионализма и качества религиозных средств массовой информации, снижается эффективность воздействия на общественное мнение. Данный вопрос связан как с читающей аудиторией, так и с журналистами, трудящимися в сфере СМИ.

Конечно, публикации представителей светской журналистики, посвященные вере и религии, имеют право на существование. Их отличие в том, что они являются лишь заметками стороннего наблюдателя, а значит, в меньшей мере отражают ситуации и события религиозного процесса.

Отвечая на запросы аудитории, некоторые православные издания стали писать на злобу дня и помимо духовных тем включать материалы на социальные и политические темы. Подобные церковно-общественные издания — редкость для церковной периодики, в основном она традиционно уделяет внимание религиозно-нравственному воспитанию, духовному росту и церковным делам и событиям [5].

Все религиозные печатные издания можно назвать миссионерскими. Миссионерское служение через СМИ — особенность современного информационного общества. Безусловно, изначально катехизация не являлась основной задачей религиозной журналистики, ведь вопросы, связанные с верой, требуют в первую очередь обсуждения в узком кругу и личного решения. Однако в наше время отношение к религии существенно изменилось, уменьшился процент воцерковленных людей, а значит, возросла потребность в катехизации, в том числе через качественную периодику. Теперь задачи церковных СМИ существенно расширились — вплоть до формирования христианского мировоззрения. Являясь инструментом катехизации, религиозные СМИ выполняют также более привычные функции, а именно: коммуникативно-информационную, образовательную, эстетическую, воспитательную [4].

Чтобы оценить вклад религиозных СМИ в миссионерскую деятельность РПЦ, достаточно окинуть взглядом сложившуюся на сегодняшний день сложную систему разнообразных церковных СМИ. Многочисленные издания разного формата, телеканалы, теле- и радиопрограммы, ориентированные на разные типы аудитории, специальные узконаправленные проекты. Информационный голод привел к появлению многочисленных изданий — от простого листка до объемных журналов, выпускаемых приходами, епархиями, общинами или даже частными лицами [8].

Система Русской православной церкви имеет четко организованную структуру, деятельность Церкви подчиняется установленному порядку, единым каноническим нормам и правилам. Деятельность церковной печати также строится в соответствии со слаженной структурой. Церковная периодика строится согласно иерархическому принципу. Практически в каждой епархии выпускаются газеты или журналы, все они очень отличаются и по периодичности выхода в свет, и по объему, и по качеству. Как правило, данные показатели зависят от экономического фактора. Качество современной церковной периодики — вопрос, требующий особого внимания.

Следует сказать еще и о таком явлении в современной православной журналистике. Учредители, редакторы и журналисты религиозных журналов и газет зачастую не стремятся к высшей миссионерсокой цели, а стараются решить насущные проблемы с помощью имеющихся финансовых и технических возможностей. Принцип «нужен журнал — сделаем журнал» приводит к отсутствию индивидуальности изданий, засилью однотипной периодики, наполненной однообразной церковной хроникой и текстами, перепечатанными из Интернета. Мало кто задумывается об эффективности, а тем более катехизаторской пользе подобных проектов. Таким образом, деятельность современной религиозной православной журналистики достаточно противоречива из-за дисбаланса в категории качество-количество [5].

Для решения проблемы, на наш взгляд, в первую очередь необходимо объединение и плодотворное, тесное сотрудничество всех изданий, стремящихся быть инструментами катехизации, а также выход на новый уровень дискуссии. Открытый диалог между богословами, представителями церковной власти,

миссионерами и простыми прихожанами должен в итоге привести к созданию единой программы публикаций. Катехизация с помощью СМИ нуждается в строго определенной, утвержденной, прописанной системе, контроле и большей реакции, интересе и энтузиазме со стороны опытных миссионеров и журналистов.

Поскольку автор статьи является руководителем медиацентра Новосибирской епархии, для примера мы рассмотрим информационно-издательскую деятельность православных СМИ Новосибирска. В настоящее время намечается тенденция объединения епархиальных СМИ в одну общую структуру, которая, как правило, имеет статус епархиального отдела. Помимо этого в некоторых епархиях в качестве отдельного подразделения существует пресс-служба. В епархиях, где информационно-издательская деятельность наиболее развита, объединение епархиальных СМИ именуют медиацентром.

Задачей епархиального медиацентра является сбор информации (печатной, фото и видео) о деятельности правящего архиерея и епархиальных структур (епархиальных отделов и центров), православных общественных организаций, монастырей, приходов с целью размещения этой информации в епархиальных СМИ, а также предоставления ее в светские СМИ и в синодальные отделы.

В Новосибирской митрополии медиацентр создан в ноябре 2013 г., и по прошествии полутора лет можно отметить эффективность этой структуры. В медиацентр епархии вошли все печатные издания — более 15, а также редакции телевизионных программ «Путь к храму» и «Родное слово», интернет-радио «Логос», сайт митрополии.

В Новосибирской епархии выпускается семь общеепархиальных газет, многие приходы города и области издают информационные листки. Судьба официальных СМИ в региональных епархиях в большинстве случаев одинакова. И если есть различия в формате, объеме и качестве печати, то по содержанию и структуре подобные издания схожи [2].

Активно развивается журнальная периодика: в настоящий момент в епархии насчитывается 10 журналов, готовятся к выпуску новые издания, посвященные таким аспектам деятельности, как социальное служение, образовательная деятельность, миссионерство, паломничество и т. д. Из существующих изданий пять были запущены благодаря работе епархиального медиацентра; редакторы, корректор и верстальщик изданий являются штатными сотрудниками медиацентра, в обязанности которых входит создание и продвижение новых СМИ. Такими журналами стали «Великое в малом», «Мироносица», «Церковное пение», «Победоносец», «Православное книжное обозрение». Помимо этого ведется работа над созданием изданий православных общественных объединений: Союза православных врачей, Союза православных архитекторов, Союза православных юристов, а также спортивного журнала и др. [6, *170*].

Несмотря на достаточно большое количество общеепархиальных изданий в Новосибирске, следует отметить, что информационная работа в отдельных приходах ведется довольно слабо. Конечно, сегодня наличие собственного печатного СМИ в храме или церковной организации не показатель их информационной активности — многие ведут летопись своей деятельности на приходском сайте [2, *253*].

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование общей структуры церковных СМИ продолжается и по сей день, возникают новые электронные и печатные органы, растет их профессионализм. Но остается еще много вопросов, связанных с организацией работы различных православных медиа, в частности, формирующихся в РПЦ новых информационных структур.

---

1. *Бакина О. В.* Современная православная журналистика России: опыт региональных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2003. 23 с.

2. *Большакова З. Г.* Взаимодействие Русской православной церкви и СМИ на региональном и федеральном уровне [Электронный ресурс] // Медиаскоп: теория СМИ и массовых коммуникаций. 2011. № 4. URL: http://mediascope.ru/node/967 (дата обращения: 6.03.2015).

3. Вера и слово : материалы I Междунар. фестиваля православных СМИ, 16–18 нояб. 2004 г. / ред.-сост. С. В. Чапнин. М., 2005. 46 с.

4. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на закрытии V Международного фестиваля православных СМИ «Вера и слово», 31 нояб. 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2560589.html (дата обращения: 01.03.2015).

5. *Емельянов Тихон, архиеп. Бронницкий.* Доклад на Конгрессе православной прессы [Электронный ресурс] // Конгресс православной прессы. М., 2000. URL: http://www.pravoslavie.ru/sobytia/cpp/smirpc.htm (дата обращения: 04.03.2015).

6. Жизнь и деятельность Новосибирской епархии в 2012 году / ред. прот. Иаков Конкин. Новосибирск, 2012. 305 с.

7. *Костикова Н. А.* Православная журналистика: методологические особенности изучения эффективности деятельности : докл. на заседании Клуба православных журналистов, 1 февр. 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://radonezh.ru/analytic/9097.html (дата обращения: 3.04.2015).

8. *Луценко К. В.* Что такое православные СМИ? [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: http://www.pravmir.ru/chto-takoe-pravoslavnye-smi (дата обращения: 04.03.2015).

9. *Щипков А. В.* Территория Церкви: Информационная атака на Русскую православную церковь Московского патриархата в 2011–2012 годах. М., 2012. 176 с.

Статья поступила в редакцию 17.05.2015 г.

УДК 351.754 + 379.832 + 002:316.7

А. М. Франтасова

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ

Исследуются основные ценностно-ориентированные дискурсивные практики, функционирующие в сфере печатной рекламы гостиничных услуг. Выявляются наиболее употребительные из них и описываются отличительные особенности каждой практики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс; дискурсивная практика; реклама гостиничных услуг; печатная реклама.

Изучение различных типов дискурса с точки зрения используемых в них дискурсивных практик приобретает все большую популярность, «поскольку именно в речевой практике говорящих индивидов создаются и изменяются дискурсы» [4, *227*].

Дискурсивными практиками принято называть способы производства текстов, целенаправленные речевые действия, отражающие «предрасположенность членов социума вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [3, *53*], и «процесс структурации текста, текстопорождения в пространстве определенного дискурса» [7, *20*].

Задача нашей статьи — анализ ценностно-ориентированных дискурсивных практик печатной рекламы гостиничных услуг.

Анализ 250 текстов гостиничной рекламы, опубликованных в журналах «Condè Nast Traveller Russia» (2011–2014), «Туризм и отдых» (2011–2013), «Индустрия туризма и культуры» (2011), «Condè Nast Traveller UK» (2013–2014) позволил выявить случаи использования специфических для рекламы гостиничного бизнеса ценностно-ориентированных дискурсивных практик.

Выбор в качестве предмета исследования дискурсивных практик, опирающихся на ценности, обусловлен невероятным ростом научного интереса к анализу ценностной мотивации в поведении и познании, ценностного переживания в индивидуальном бытии, наблюдающимся в последние годы [1, *63*].

Ценностная ориентация определяется учеными как фиксированная в психике индивида и социально обусловленная общая направленность на цели и средства деятельности в некоторой сфере [2, *117*].

Гостиничная реклама, как правило, апеллирует к ценностным потребностям потребителей, опираясь на их представления о достойном отдыхе, о комфорте, удобстве, необходимости ярких впечатлений и удовольствий и т. п. Ее задача — представить отель как место, способное удовлетворить максимальное число потребностей клиента, причем как материальных (хорошее питание, комфортабельный номер, близость к морю или центру города), так и эмоциональных (красивый

ФРАНТАСОВА Ангелина Михайловна — аспирант Волгоградского социально-педагогического университета (e-mai: frantasovaml@mail.ru).

© Франтасова А. М., 2015

вид из окна, наслаждение от высокого уровня сервиса, яркие впечатления от развлечений, организуемых отелем). Содержание рекламного сообщения «изобретается, располагается и выражается таким образом, чтобы у аудитории создалось соответствующее замыслу адресанта представление о действительности» [6, *118*].

Изучение рекламы с точки зрения прагматики предполагает исследование способов реализации отношений между текстом и тем, кто использует его в реальной социокультурной ситуации (говорящим, пишущим, читающим и т. д.) [5, *89*].

Анализ дискурсивных практик рекламы гостиничных услуг, направленных на актуализацию ценностей адресата, позволил выделить три способа их реализации в рекламном сообщении: 1) объявление ценностью самого рекламируемого объекта (42 % от общего количества проанализированных текстов); 2) признание ценностью эмоций, которые испытают потребители, выбрав рекламируемый объект (40 % от общего количества проанализированных текстов); 3) установление связи между очевидной ценностью и рекламируемым объектом (18 % от общего количества проанализированных текстов).

1. Во многих текстах, рекламирующих услуги гостиниц, объявляется ценностью сам рекламируемый объект (42 %). Авторы рекламных сообщений подчеркивают, что, остановившись в их отеле, турист получит массу удовольствий, полезных услуг и развлечений, не выходя за стены гостиницы.

> Париж на Гудзоне. Дизайнер и декоратор Жак Гарсия привнес немного французского влияния в интерьеры нового отеля NoMad в отреставрированном здании XX века на пересечении Бродвея и 28-й улицы. В номерах — ванны на ножках, антикварные письменные столы, паркетные полы и ширмы. Рестораном с пятью залами заведует команда звездного заведения Eleven Madison Park, швейцарский шеф Даниэль Хумм и ресторатор Уилл Гидара. На первом этаже отеля, продолжая французскую тему, открылся первый в США бутик парижской марки Kitsunè (*Condè Nast Traveller Russia. 2012. № 6. С. 27*).

Подобным образом используется эта дискурсивная практика и в текстах зарубежной гостиничной рекламы.

> For a hit of guaranteed hot sun, there's nowhere better than Sharm el-Sheikh in Egypt. The Grand Royal Villa III is one of a clutch of sumptuous properties in the Grand Rotana Resort, offering three super-stylish bedrooms, a state of the art kitchen and beautiful pool area that looks out onto the Red Sea. Villa guests can make use of the resort facilities, including the fabulous spa and in-villa dining (*Condè Nast Traveller UK. 2014. № 8. P. 138–139*).

Или:

> A grand Parisian entrance. The ultimate in sophistication, glamour and disign — the Peninsula Paris, now open. Peninsula hotels (*Condè Nast Traveller UK. 2014. № 11. P. 31*).

При использовании данного способа реализации ценностно-ориентированной дискурсивной практики отдых, пребывание в конкретном отеле фактически становятся частью той культурной программы, которую турист планирует выполнить.

Здание отеля представляется своего рода достопримечательностью, которую обязательно нужно посетить.

Отметим, что выявлена специфика применения этой дискурсивной практики в рекламе англоязычных журналов. Для английских туристов ценностью является возможность отдыха в одиночестве или в уединении с семьей, в тишине и покое. Поэтому в текстах рекламных сообщений часто включаются замечания типа: *small group tours*, *tailor-made holidays*, *self-drivers* (если речь идет об экскурсиях, предоставляемых отелем), *the much quieter back rooms have turret-like terraces*, *this jungle hideaway is as tranquil as can be*, *thus far protected from the mainstream by unpaved access roads* (о расположении отеля и номерах), *young lovers can laze on their sun decks (some with hot-tubs) in privacy* (о возможностях отдыха). Такие упоминания о тихом и уединенном отдыхе встретились в 70 % англоязычных рекламных текстов, в то время как в русскоязычных рекламных сообщениях их только 45 %, а в 55 % содержатся упоминания и о веселом отдыхе в центре города или с компанией.

«“В платье Armani, но босиком” — так мы обычно описываем наш курорт», — говорит звезда киномюзикла «Бриолин» (Ольвия Ньютон-Джон, хозяйка отеля). В Gaia всего девятнадцать номеров в колониальном стиле, и ездят сюда те, кто хочет на отдыхе заняться детоксом (в том числе цифровым). Гостям подают полезные блюда из местных овощей и морепродуктов, предлагают йогу на террасе с видом на холмы и тайский массаж в тропическом саду (*Condè Nast Traveller Russia. 2014. № 5. P. 46*).

Район Шордич, где находится Ace Hotel, когда-нибудь снимут в «Фотоувеличении» нашего времени: жизнь здесь бурлит в галереях, театрах, студиях дизайна и, как водится в Лондоне, прямо на стенах домов. Сотню местных граффитистов команда Ace Hotel пригласила украсить номера (*Condè Nast Traveller Russia. 2014. № 14. P. 29*).

When it comes to luxury private islands, Tetiaroa, located 30 miles northeast of Tahiti takes the biscuit. It is here that French Polynesia’s hottest, newest resort, The Brando, has recently opened its doors. Totally unspoilt and uncommercialised, the resort consists of just a handful of stunning beachfront villas nestled amongst the swaying palms, boasting unparalled views of the surrounding azure lagoon and a truly authentic Polynesian experience (*Conde Nast Traveller UK. 2014. № 11. P. 151*).

2. В 40 % проанализированных текстов ценностью признаются эмоции, которые испытает клиент, выбрав рекламируемый объект. Потенциальному потребителю обещают незабываемые впечатления, необычные чувства и ощущения.

Euromast. Разве не мечта — проснуться на высоте 112 метров с чудесным видом на Роттердам? Телебашня предлагает два номера люкс «Небеса» и «Звезды» с обильным завтраком и бутылкой шампанского накануне вечером. Самый большой и самый высокий балкон в городе будет в вашем распоряжении до 10 утра (*Condè Nast Traveller Russia. 2012. № 6. P. 80*).

Сеть отелей Rixos Lake Borovoe — изысканная роскошь и чуткая забота *(Condè Nast Traveler Russia. 2012. № 12. P. 97)*.

Для Вас от чистого сердца. Shangri-La, Bosphorus, Стамбул — новейший отель нашей роскошной группы — одарит вас самым теплым приемом. Он расположен рядом с дворцом Долмабахче на берегу легендарного Босфора. Да будет каждая минута вашего пребывания согрета нашим сердечным гостеприимством (*Condè Nast Traveller Russia. 2013. № 7. P. 7*).

Lux* Resorts and hotels. The Team members of Lux* help people to celebrate life with the most simple, fresh and sensory hospitality in the world (*Condè Nast Traveller UK. 2014. № 11. P. 43)*.

3. В 18 % рекламных сообщений устанавливаются связи между некой очевидной ценностью и рекламируемым объектом.

Второй по счету отель сети Uma by Como — отличная старт-площадка для исследования долины Пунакха, где сливаются реки Мо и По (что в переводе значит «мать» и «отец») и стоит монастырь Punakha Dzong (*Индустрия туризма и культуры. 2011. № 8–9. С. 55*).

Авторов текста не смущает, что, остановившись в отеле, турист не сможет увидеть ни рек, упоминаемых в рекламе, ни знаменитого монастыря, что для этого нужны другие составляющие: экскурсионные программы, проводники (далее в тексте говорится о сплаве по рекам на рафтах) и т. п.

A may fair affair. Dress rehearsals in London's most dressing exclusive changing room (*Condè Nast Traveller UK. 2014. № 1. P. 40*).

В этом примере комната в бутик-отеле сравнивается с эксклюзивной раздевалкой, в которой можно примерить новые наряды, хотя приобрести их необходимо в магазинах за пределами отеля и примерить можно также только там.

Таким образом, ценностно-ориентированные дискурсивные практики печатной рекламы гостиничных услуг реализуются тремя способами: объявлением ценностью самого рекламируемого объекта; признанием ценностью эмоций, которые испытают потребители, выбрав рекламируемый объект; установлением связи между очевидной ценностью и рекламируемым объектом. В 42 % рекламных сообщений, подвергнутых анализу, признаются ценностью сами рекламируемые объекты, в 40 % — эмоции предполагаемых потребителей, выбравших рекламируемый объект, в остальных устанавливаются связи между отдельными ценностями и рекламируемыми объектами.

Ценностно-ориентированные дискурсивные практики играют важную роль в печатной рекламе гостиничных услуг, обеспечивая эффективность воздействия на потенциального потребителя.

---

1. *Баева Л. В.* Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории : монография. Астрахань, 2004.

2. *Деркач А. А.* Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 4 : Развитие ценностей сферы профессионализма. М., 2001.

3. *Иссерс О. С.* Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики : монография / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск, 2011. С. 37–61.

4. *Иссерс О. С.* Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестн. Омск. ун-та. 2011. № 4. С. 227–232.

5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.

6. *Пригарина Н. К.* Риторические характеристики аргументативных моделей некоторых видов дискурса // Грани познания : электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. 2015. № 1 (35). С. 116–121.

7. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Статья поступила в редакцию 16.03.2015 г.

УДК 17.023.34:27-726.6

М. Е. Пермякова
И. А. Ершова

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ У ВЕРУЮЩИХ И АТЕИСТОВ

Статья посвящена сравнительному анализу результатов психологического исследования субъективного ощущения счастья у православных верующих и атеистов. Представлены результаты диагностики таких личностных особенностей, значимых для удовлетворенности жизнью, как уровень тревожности, уровень оптимизма. Полученные результаты сопоставляются с данными отечественных и зарубежных исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: православные верующие; атеисты; субъективное ощущение счастья; тревожность; оптимизм.

Проблема счастья — одна из вековечных смысложизненных проблем, решаемая различными философскими и религиозными учениями. При этом все мировые религии — христианство, буддизм, мусульманство — принимают в качестве постулата положение о том, что путь к достижению счастья лежит через духовное развитие, неотъемлемой частью которого является религиозная вера, божественное откровение.

В психологической науке категория счастья проблематизируется только во второй половине XX в. Доминантным подходом становится отождествление счастья с субъективным восприятием. Так, значительную популярность получило определение М. Аргайла, согласно которому счастье — состояние переживания удовлетворенностью жизнью в целом, общая рефлективная оценка своего прошлого и настоящего, частота и интенсивность положительных эмоций [1]. Однако немало и других определений счастья. Ввиду неоднозначности и спорности

ПЕРМЯКОВА Маргарита Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Pme8@mail.ru).

ЕРШОВА Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой психологии развития и педагогической психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: ershova_ekb@mail.ru).

© Пермякова М. Е., Ершова И. А., 2015

категории счастья в рамках позитивной психологии М. Селигмана была введена категория субъективного благополучия (subjective well-being), как синоним [7].

В основном исследования счастья, благополучия, в том числе и кросскультурные, проводятся психологами западных стран. Именно ими был разработан ряд достаточно надежных методов измерения субъективного ощущения счастья (благополучия).

В психологических исследованиях в основном определяется взаимосвязь субъективного ощущения счастья (благополучия) с различными факторами, значимыми для удовлетворенности жизнью в целом, так как универсальной для всех структуры счастья (благополучия) быть не может. Выделяются такие значимые факторы, как наличие близких социальных связей, удовлетворенность работой, наличие свободного времени для досуга, супружество (брак), субъективное здоровье, социальное положение, частота и интенсивность положительных эмоций, хороший сон, а также некоторые личностные особенности (экстраверсия, невысокий уровень тревожности, осмысленность жизни, оптимизм). Менее значимым является материальное благополучие, не влияют на субъективное ощущение счастья возраст и пол [1, 4, 7].

Нет единого мнения о значимости такого фактора, как религиозная вера. Например, М. Селигман, Д. Майерс, Э. Динер отводят религии и духовности приоритетную роль. Ряд зарубежных исследований показывает, что религиозно активные люди меньше подвержены психологическому дискомфорту, стрессу, живут дольше и в среднем счастливее тех, кто не принадлежит ни к какой религиозной конфессии. Наиболее сильное влияние религиозная вера оказывает на степень удовлетворенности жизнью пожилых людей [4, 7]. В то же время М. Аргайл, Эндрюс, Уайтни утверждают, что религиозная вера хотя и вполне определенно, но достаточно слабо влияет на ощущение счастья [1].

В некоторых зарубежных исследованиях доказывается, что религиозная вера положительно влияет на большинство других факторов, определяющих субъективное ощущение счастья. Она способствует расширению и укреплению социальных связей: большинство верующих имеют друзей в церковном сообществе, которое оказывает им мощную социальную поддержку. Верующие более счастливы в браке, в семьях религиозных людей меньше разводов, так как в большинстве религий признается высшая ценность брака и семьи. Вера помогает обрести смысл и цель жизни. Все религии пропагандируют здоровый образ жизни, что благотворно влияет на уровень физического здоровья верующих и продолжительность их жизни. Для верующих характерны: позитивное мышление, оптимизм, стрессоустойчивость и более низкий уровень тревожности [1, 4].

Если в развитых западных странах религиозная культура веками не претерпевала радикальных изменений, то в России в XX в. в течение десятилетий поддерживались атеистические «настроения» людей. Лишь в начале 90-х гг. произошел всплеск религиозной активности. По данным Минюста, в России к 1999 г. было зарегистрировано 16 749 объединений различной конфессиональной направленности, а в 2013 г. их уже насчитывалось 25 541. Кроме того, значительное число объединений действует без регистрации [6]. Большинство новообращенных

пришло к религиозной вере уже в зрелом и пожилом возрасте. Возможно, приход человека в сознательном возрасте к вере в Бога выражает его стремление найти жизненный смысл, обрести внутреннюю силу для преодоления трудностей и оптимистический взгляд в будущее, дающий в итоге ощущение счастья. В связи с этим возникает предположение, что религиозность на современном этапе является одной из российских особенностей ощущения счастья [5].

Социологические исследования утверждают: «индекс счастья» у верующих выше, чем у людей, не придерживающихся никакой религии. Но этот показатель отличается у российских верующих, принадлежащих к различным религиозным конфессиям. Например, у католиков и протестантов он равен 54 пунктам (при максимуме в 100), у иудеев — 50, мусульман — 42, у православных христиан — 28, почти на уровне атеистов [5].

Таким образом, результаты большинства исследований, посвященных субъективному ощущению счастья, свидетельствуют о том, что в целом верующие чувствуют себя счастливее атеистов. Целью данного исследования стало сопоставление уровней субъективного ощущения счастья у православных верующих и атеистов. Выбор пал на представителей этой конфессии, поскольку большинство верующих, проживающих на территории Свердловской области, — православные христиане. В качестве гипотез выдвинуты следующие предположения:

1. Православные верующие ощущают себя более счастливыми по сравнению с атеистами.

2. Для верующих характерны такие личностные качества, значимые для удовлетворенности жизнью, как более низкий уровень тревожности, более высокий уровень оптимизма по сравнению с атеистами.

Исследование проводилось в г. Качканаре Свердловской области. Было опубликовано объявление в местной газете с приглашением всех желающих принять участие в исследовании, аналогичное предложение было сделано прихожанам двух православных храмов. Участие в анкетировании приняли 104 человека (60 женщин и 42 мужчины). С учетом факторов, значимых для удовлетворенности жизнью, были определены критерии отбора испытуемых. По результатам анкетирования в соответствии с выделенными критериями было сформировано 2 группы испытуемых по 30 человек: группа православных верующих и группа атеистов (табл. 1).

Остальные участники анкетирования не отвечали выбранным критериям. Не вошли в состав выборки люди, которые считали себя верующими, однако не ходили в церковь, не соблюдали обряды, не отмечали религиозные праздники. Также не были приглашены верующие «на всякий случай», время от времени выполняющие основные, наиболее простые предписания религии как бы по традиции, перешедшей от старших членов семьи или определенной социальной группы. Эти категории являются пассивно верующими, а, по мнению психологов-религиоведов, такая вера счастья не приносит [5].

Не были включены в выборку участники анкетирования, не состоящие в браке и не имеющие детей, а также те, кто имел серьезные нарушения здоровья, так как эти факторы являются более значимыми для субъективного ощущения счастья, чем религиозная вера. Были исключены неработающие и малоимущие граждане.

Таблица 1

Критерии и результаты отбора испытуемых

Критерий отбора	Православные верующие (30 человек)	Атеисты (30 человек)
Отношение к религиозной вере	Считают себя истинно верующими, соблюдают религиозные обряды	Считают себя атеистами
Пол	20 женщин, 10 мужчин	20 женщин, 10 мужчин
Возраст	От 42 до 57 лет	От 42 до 57 лет
Семейное положение	Состоят в браке, имеют детей	Состоят в браке, имеют детей
Средний доход на одного члена семьи в месяц, тыс. руб.	От 11 до 20	От 11 до 20
Образование	Высшее (25 человек), среднее специальное (5 человек)	Высшее (25 человек), среднее специальное (5 человек)
Наличие работы	Все работающие	Все работающие
Субъективное ощущение здоровья	Все 30 человек считают, что их здоровье соответствует возрастным нормам	Все 30 человек считают, что их здоровье соответствует возрастным нормам

В исследовании использовались следующие методики: «Обновленный Оксфордский опросник счастья» (Oxford Happiness Inventory); «Опросник диспозиционного оптимизма, или Тест жизненной ориентации» (англ. Life Orientation Test, сокр. LOT); «Шкала реактивной и личностной тревожности» (опросник Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина); «Личностная шкала проявления тревоги» Дж. Тейлора (в адаптации Т. А. Немчинова).

Результаты исследования субъективного ощущения счастья по методике «Обновленный Оксфордский опросник счастья» (Oxford Happiness Inventory) представлены в табл. 2 и на рис. 1.

Таблица 2

Количество верующих и атеистов с разными уровнями субъективного ощущения счастья, %

Группа респондентов	Количество людей с низким уровнем счастья	Количество людей с пониженным уровнем счастья	Количество людей со средним уровнем счастья	Количество людей с повышенным уровнем счастья	Количество людей с высоким уровнем счастья
Верующие	6,7	23,3	46,7	23,3	0
Атеисты	0	20	70	10	0
По выборке в целом	3,3	21,7	58,3	16,7	0

Количественный анализ результатов в целом по выборке показал, что считают себя несчастливыми и не очень счастливыми 25 % испытуемых, т. е. каждый четвертый человек в возрасте от 42 до 57 лет. Повышенный уровень счастья характерен лишь для 16,7 %.

Согласно глобальному рейтингу счастья, составленному Gallup и «Ромир» по опросам граждан разных стран в конце 2014 г., Россия занимает 16-е место из 65. При этом счастливыми себя назвали 61 % россиян, а несчастными только 2 % [2].

Полученные в проведенном нами исследовании показатели субъективного ощущения счастья ниже среднестатистических по России. Возможно, это объясняется возрастным диапазоном выборки испытуемых и регионом проживания. Социологические исследования показывают, что доля несчастливых людей выше в центральной полосе России, чем на севере и юге нашей страны. «Очень счастливыми» чаще ощущают себя жители крупных городов России, люди в возрасте от 25 до 34 лет, россияне с высокими доходами, а также работающие на руководящих должностях [5].

Интересно, что ни один из испытуемых, независимо от его отношения к религиозной вере, не считает себя абсолютно счастливым. Исследования Э. Динера показывают, что существует некий оптимальный уровень счастья. Если измерять счастье по десятибалльной шкале, то оптимальным будет уровень в 8 баллов. Люди, которые оценивают свое ощущение счастья на этом уровне, превосходно чувствуют себя в жизни, зарабатывают больше денег, лучше учатся, более добросовестные, чем те, кто ставит себе 10 баллов. Ведь им есть куда стремиться [8].

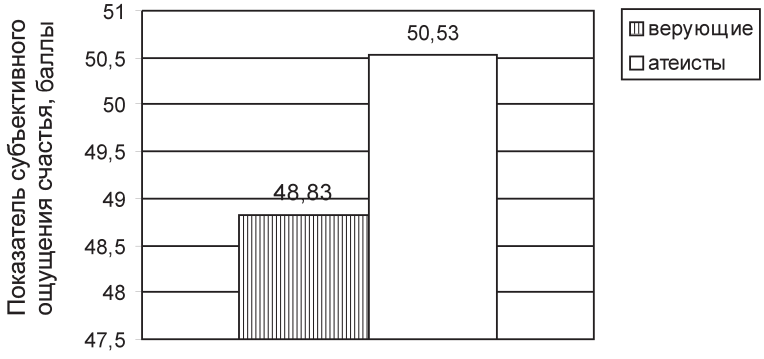


Рис. 1. Показатели субъективного ощущения счастья у верующих и атеистов

Сравнительный анализ уровня субъективного ощущения счастья у верующих и атеистов не выявил достоверных различий ($U_{эмп} = 445 > U_{кр} = 317$). Эти результаты совпадают с данными российских социологических исследований [5]. Таким образом, гипотеза о том, что православные верующие ощущают себя более счастливыми по сравнению с атеистами, не подтвердилась.

Результаты исследования оптимизма и пессимизма у испытуемых обеих групп по «Опроснику диспозиционного оптимизма, или Теста жизненной ориентации» (англ. Life Orientation Test, сокр. LOT) представлены в табл. 3 и на рис. 2.

Таблица 3

Количество верующих и атеистов с преобладанием позитивных и негативных ожиданий, %

Группа респондентов	Количество людей с преобладанием позитивных ожиданий	Количество людей с преобладанием негативных ожиданий	Количество людей с равным значением позитивных и негативных ожиданий
Верующие	33,3	50	16,7
Атеисты	50	33,3	16,7
По выборке в целом	41,7	41,7	16,6

В целом по выборке зафиксировано равное количество оптимистов и пессимистов.

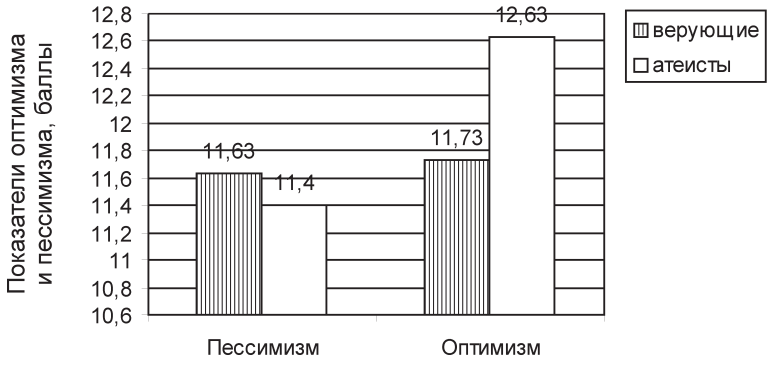


Рис. 2. Показатели склонности к оптимизму и пессимизму у верующих христианских конфессий и атеистов

Сравнительный анализ показателей оптимизма и пессимизма у респондентов двух групп не выявил различий в уровнях оптимизма и пессимизма у верующих и атеистов ($U_{эмп} = 343 > U_{кр} = 317$).

Исходя из полученных результатов, можно предположить, что религиозная вера для людей 42–57 лет не играет значимой роли в позитивных ожиданиях, связанных с будущим. Анализ ответов испытуемых показывает их обеспокоенность предстоящим выходом на пенсию в связи с невысоким уровнем дохода в настоящее время и невозможностью накоплений, способных обеспечить достойную старость в будущем. К сожалению, является общеизвестным фактом, что размер пенсии у большинства российских пенсионеров позволяет удовлетворять только их биологические потребности.

Данные о количестве верующих и атеистов с разными уровнями личностной и ситуативной тревожности по опроснику Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 4

Количество верующих и атеистов с разными уровнями личностной тревожности по шкале Спилбергера, %

Группа респондентов	Количество людей с низким уровнем личностной тревожности	Количество людей с умеренным уровнем личностной тревожности	Количество людей с высоким уровнем личностной тревожности
Верующие	3,3	43,3	53,4
Атеисты	0	56,7	43,3
По выборке в целом	1,7	50,0	48,3

Анализ результатов показал, что из 60 респондентов только у одного человека зафиксирован низкий уровень личностной тревожности. Показатели личностной тревожности остальных 59 человек распределились примерно поровну: у 29 человек (48,3 %) — высокий уровень тревожности, у 30 человек (50 %) — умеренный. Люди с высоким уровнем личностной тревожности склонны к частым проявлениям тревоги и беспокойства, к восприятию различных ситуаций как угрожающих.

Таблица 5

Количество верующих и атеистов с разными уровнями ситуативной тревожности по шкале Спилбергера, %

Группа респондентов	Количество людей с низким уровнем ситуативной тревожности	Количество людей с умеренным уровнем ситуативной тревожности	Количество людей с высоким уровнем ситуативной тревожности
Верующие	3,3	43,3	53,4
Атеисты	0	56,7	43,3
По выборке в целом	15,0	53,3	31,7

Результаты, полученные при исследовании ситуативной тревожности, аналогичны тем, что зафиксированы при диагностике личностной тревожности. Эти данные не противоречат показателям склонности к оптимизму и пессимизму у верующих и атеистов.

Сравнительный анализ уровня личностной тревожности у респондентов двух групп не выявил различий в показателях верующих и атеистов ($U_{эмп} = 355{,}50 > U_{кр} = 317$), хотя видна тенденция к более высокому уровню личностной тревожности у верующих (рис. 3).

Сравнительный анализ уровня ситуативной тревожности у испытуемых обеих групп (рис. 4) показал достоверно более высокий уровень у верующих ($U_{эмп} = 277 < U_{кр} = 317$).

Среднее значение показателей ситуативной тревожности у верующих относится к высокому уровню по шкале Спилбергера, а у атеистов — к среднему. Ситуативная, или реактивная, тревожность характеризуется напряжением,

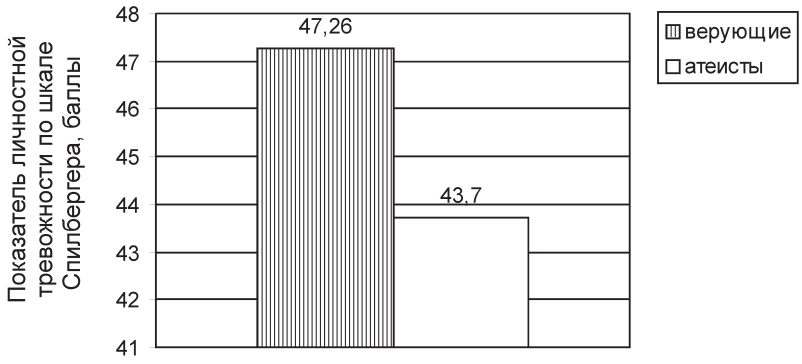


Рис. 3 . Средние значения показателей личностной тревожности у верующих и атеистов

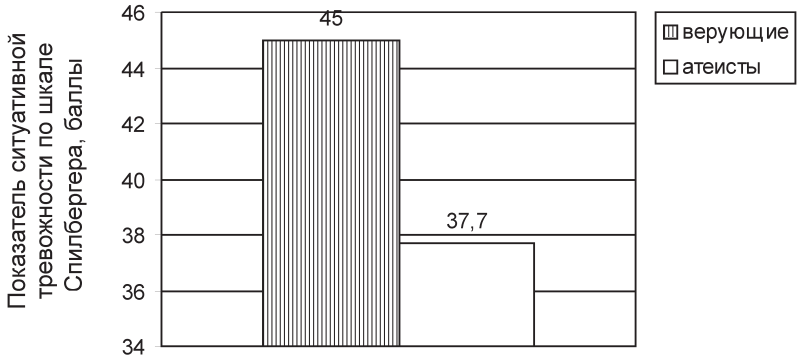


Рис. 4. Средние значения показателей ситуативной тревожности у верующих и атеистов

беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Это состояние возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию. Полученные данные могут косвенно свидетельствовать о том, что верующие испытуемые хуже справляются со стрессом.

Данные о количестве верующих и атеистов с разными уровнями личностной тревожности по шкале Дж. Тейлора представлены в табл. 6.

Результаты сравнительного анализа показателей уровня личностной тревожности по шкале Тейлора у испытуемых обеих групп представлены на рис. 5.

Согласно полученным данным, у верующих достоверно выше уровень личностной тревожности ($U_{эмп} = 266 < U_{кр} = 317$). При рассмотрении индивидуальных результатов респондентов обеих групп можно наблюдать разброс уровня тревоги в выборке верующих от самого низкого до самого высокого. В то же время у большинства (27 из 30) атеистов присутствует средний уровень тревожности.

Таблица 6

Количество верующих и атеистов с разными уровнями личностной тревожности по шкале Тейлора, %

Группа респондентов	Низкий уровень тревоги	Средний (с тенденцией к низкому) уровень тревоги	Средний (с тенденцией к высокому) уровень тревоги	Высокий уровень тревоги	Очень высокий уровень тревоги
Верующие	3,3	20	46,7	26,7	3,3
Атеисты	10,0	43,35	43,35	3,3	0
По выборке в целом	6,6	31,7	45,0	15,0	1,7

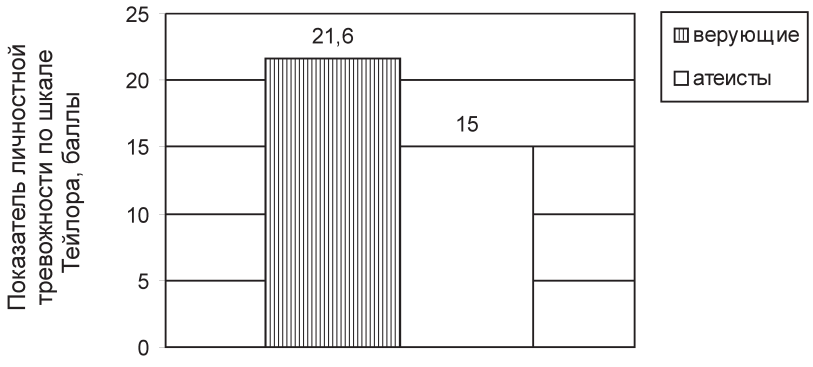


Рис. 5. Средние значения показателей личностной тревожности верующих и атеистов по шкале Тейлора

Обобщение результатов исследования тревожности по шкалам Спилбергера и Тейлора показало, что практически для половины испытуемых, т. е. для каждого второго человека в возрасте 42–57 лет, характерен высокий уровень личностной тревожности. Что не противоречит результатам социологических исследований, согласно которым процент обеспокоенных жизнью россиян увеличивается с возрастом [3]. При этом можно утверждать, что у верующих достоверно выше уровни как личностной, так и ситуативной тревожности по сравнению с атеистами.

Таким образом, не нашла подтверждения в исследовании и гипотеза о том, что для верующих характерны такие личностные качества, значимые для удовлетворенности жизнью, как более низкий уровень тревожности, более высокий уровень оптимизма.

Обе гипотезы были выдвинуты на основании анализа зарубежных исследований. Несовпадение результатов, полученных на российской выборке, с данными зарубежных исследований предположительно объясняется тем, что формирование

личности у людей той возрастной категории, к которой относятся респонденты, в нашей стране проходило в контексте атеистической культуры. Приход к религиозной вере в зрелом возрасте не может кардинально изменить уже сформировавшиеся уровень тревожности, склонность к пессимизму или оптимизму. Кроме того, такой фактор, как материальное благосостояние, в развитых западных странах считается малозначимым для субъективного ощущения счастья, потому что в этих странах высокий уровень жизни. В странах же с низким уровнем жизни речь идет скорее о выживании, и материальный достаток может значимо влиять на ощущение счастья как у атеистов, так и у верующих [5]. Действительно, испытуемые обеих групп отмечали в анкетах, что люди их круга общения вообще не могут быть довольными жизнью из-за низкого материального достатка.

Невысокий уровень счастья, большее количество пессимистов, более высокий уровень тревожности у верующих по сравнению с атеистами, возможно, как раз являются косвенными причинами обращения к религии. Когда человек живет в постоянной тревоге о сегодняшнем дне, о будущем и сам не справляется с трудностями, ему больше не на кого надеяться, кроме как на Бога.

Результаты данного исследования были получены на основе опроса группы верующих одной конфессиональной принадлежности — православной и ограниченного возрастного диапазона, поэтому экстраполировать их на другие возрастные группы и религиозные конфессии было бы некорректным.

---

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб., 2003. 270 с.

2. Исследование Gallup: Глобальный индекс счастья в 2015 году [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий. 2015. 24 февр. URL: http//gtmarket.ru/news/2015/02/24/7108 (дата обращения: 24.05.2015).

3. *Колесов Г. Б.* Что говорят исследования ученых о счастливой жизни на пенсии [Электронный ресурс] // Виртуальная школа пенсионера — будущего и настоящего. URL: www.ypensioner.ru/chto-govoryat-issledovaniya-uchenih-o-schastlivoy-jizni (дата обращения: 24.05.2015).

4. *Майерс Д., Динер Э.* Кто счастлив? // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Ф. Фаликман. М., 2009. С. 399–411.

5. *Портнягина М.* Как важно быть счастливым: верующие люди счастливее тех, кто не верит в Бога [Электронный ресурс] // Огонек. 2014. № 19 (5329). URL: www.Kommersant.ru/pda/ogoniok.html

6. *Рукин Э. П.* Место и роль российской цивилизации в современном мире: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://slavzso.narod.ru/5/Ruk1.htm (дата обращения: 24.05.2015).

7. *Селигман М.* Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006. 368 с.

8. *Oishi S., Diener E., Lucas R.* The Optimum Level of Well-Being: Can People Be Too Happy? [Electronic resource]. URL: www.psychologies.ru/bisuos-diner-robert/optimalnyiy-uroven-schastya — (accessed: 24.05.2015).

Статья поступила в редакцию 01.06.2015 г.

УДК 159. 99 + 159.923 + 17.021.2

Ю. А. Королева

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Анализируются проблемы общества постмодерна, требования к современной личности как носителю социальных качеств, устойчивой и динамической системе, субъекту деятельности. Предметом исследования данной работы является феномен жизнеспособности личности и ее взаимосвязи с социально-психологической компетентностью. Рассматривается структура жизнеспособности личности, представленная системой трех интегративных компонентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общество постмодерна; жизнеспособность личности; социально-психологическая компетентность.

Каждая эпоха, культура, общество создают свою модель идеального человека, тип жизнеспособной личности. Философы, психологи, социологи, педагоги обращают внимание на необходимость формирования нового типа современного человека. По мнению Н. Н. Пахомова, «...кризис цивилизации и кризис человека может быть решен исключительно только на путях формирования нового исторического типа личности в рамках новых культурных форм» [10, *27*].

Период развития общества постмодерна (постмодернити, постиндустриального, индивидуализированного и т. д.) отличается неопределенностью, многослойностью, многосмысленностью, что определяет социально-историческое время, формируя требования к новому историческому типу личности и ее жизнеспособности.

Понятие жизнеспособности личности, введенное Б. Г. Ананьевым, не было принято всеми членами психолого-педагогического сообщества, а в связи с этим и не разрабатывалось, несмотря на то, что в декларации ЮНЕСКО «Образование XXI века» в качестве главной цели образования утверждается формирование жизнеспособной личности.

Теоретико-методологические подходы к изучению жизнеспособности в отечественной науке отличаются значительной вариативностью в контексте различных научных парадигм. Проблема жизнеспособности личности активно разрабатывается в психологической антропологии (А. А. Белик, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев), в контексте субъектно-деятельностного подхода (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. Г. Ковалев, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, В. Д. Небылицын, А. В. Петровский, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов), а также системно-динамического (Е. А. Рыльская), интегративного, социально-психологического (А. А. Нестерова), системно-субъектного (А. В. Махнач, А. И. Лактионова) подходов. По мнению авторов, научное осмысление конструкта жизнеспособности

КОРОЛЕВА Юлия Александровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Оренбургского государственного педагогического университета (e-mail: koroleva-y@yandex. ru).

© Королева Ю. А., 2015

в отечественной психологии находится на этапе становления, в связи с чем до сих пор остаются нерешенными вопросы, связанные с определением *сущности феномена жизнеспособности, ее компонентного состава, выявлением роли социально-психологической компетентности в ее структуре*.

В словаре русского языка слово «жизнеспособный» трактуется как способный существовать и развиваться, приспособленный к жизни [12, *247*].

Жизнеспособность — сложное и интегративное понятие, его научная операционализация происходит на фоне междисциплинарных дискуссий, в которые включены психофизиология, педагогика, акмеология, социология, психология и другие науки.

В *педагогических исследованиях* жизнеспособность личности связывают с социальной адаптацией, которая предполагает как процесс, так и результат приспособления. И. М. Ильинский и М. П. Гурьянова рассматривают жизнеспособность в междисциплинарном контексте, в соединении биологического и социального плана. По мнению авторов, жизнеспособность — это стремление человека выжить, не деградируя, в ухудшающихся условиях социальной и культурной среды, воспроизвести и воспитать жизнестойкое потомство в биологическом и социальном плане, т. е. человек должен стать индивидуальностью, сформировать смысложизненные установки, самоутвердиться, найти себя, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом среду обитания, делая ее более благоприятной для жизни, не разрушая и не уничтожая ее. «Жизнеспособность личности есть способность человека к самоопределению, самостоятельному выбору своего жизненного пути, жизнетворчеству, организации собственной жизнедеятельности» [4, *44*].

В *современной психологии* жизнеспособность рассматривается как готовность личности к эффективному функционированию, ресурс (Б. Г. Ананьев), как многомерный интегральный феномен, общесистемное психическое свойство (Э. В. Галажинский, Е. А. Рыльская), как системное качество личности (А. А. Нестерова), как система психических свойств (Е. А. Регуш), как интегральная характеристика личности (А. И. Лактионова, А. В. Махнач, Ю. В. Науменко), как способность управлять ресурсами (М. Унгар, А. В. Махнач, А. И. Лактионова) и т. д.

Анализ определений понятия «жизнеспособность» показывает, что многие авторы рассматривают данный феномен через интегрирующую совокупность психологических проявлений, определяющих способность к адаптации личности на разных уровнях, как интегральную способность целостной системы к устойчивости, к сохранению своих функций в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды. Подобный подход поднимает вопросы личностного потенциала, который характеризует источники активности личности во взаимодействии с окружающей средой.

Психологическая структура жизнеспособности представлена в исследованиях А. И. Лактионовой, А. В. Махнач, А. А. Нестеровой, Е. А. Рыльской и др. [6, 8, 9, 11].

А. А. Нестерова, выделяя в структуре жизнеспособности такие компоненты, как способность к активности и инициативе, способность к самомотивации и достижениям, эмоциональный контроль и саморегуляция, позитивные когнитивные

установки и гибкость мышления, самоуважение, социальная компетентность, адаптивные защитно-совладающие стратегии поведения и способность организовывать свое время и планировать будущее, отмечает, что в целом это способность к успешной адаптации, конструктивному функционированию, несмотря на ситуацию высокого риска, хронический стресс или состояния после длительной и серьезной травмы [8, *65*].

У большинства исследователей структура жизнеспособности личности представлена внутренним и внешним уровнем. Разные авторы в качестве повторяющихся компонентов внутренней структуры выделяют саморегуляцию (Е. А. Рыльская, А. И. Лактионова, А. А. Нестерова), копинг-защиту (А. А. Нестерова, А. И. Лактионова, А. В. Махнач) и др. И если одни авторы (А. И. Лактионова, А. А. Нестерова) под жизнеспособностью понимают способность к успешной адаптации, то другие (Е. А. Рыльская и А. В. Махнач) считают данную способность лишь одной из составляющих жизнеспособности.

Интерактивный компонент жизнеспособности выявляется через семейные/социальные взаимосвязи (А. В. Махнач), социальную компетентность (А. А. Нестерова) и адаптивные защитно-совладающие стратегии поведения во взаимодействии (А. И. Лактионова, А. А. Нестерова, А. В. Махнач). Внешняя структура представлена различными уровнями.

Е. А. Рыльская в структуре жизнеспособности также выделяет готовность к саморазвитию, осознанное жизнелюбие и коммуникабельность. Анализ корреляционной матрицы компонентов жизнеспособности позволил заметить автору, что наиболее значимые связи с индивидными, личностными и субъектными свойствами человека имеет фактор «адаптация» [11, *35*], а большая часть свойств, образующих внешний уровень структуры жизнеспособности, относится к коммуникативным свойствам, что приводит исследователя к подтверждению гипотезы о коммуникативной природе жизнеспособности.

По мнению В. И. Кабрина, коммуникабельность, рассматриваемая в современной психологии как основа всех жизненных процессов, как средство смыслотворчества, также занимает в структуре жизнеспособности особое место. Она служит сквозным фактором, интегрирующим различные уровни жизни человека. На каждом из уровней жизнедеятельности человека (функционально-индивидном, операционно-субъектном, мотивационно-личностном) жизнеспособность демонстрирует комплекс значимых связей с коммуникативными свойствами человека, что подтверждает положение о том, что «коммуникабельность является сквозной интегральной тенденцией, обеспечивающей жизнеспособность личности» [5, *217*].

А. А. Нестерова, объединяя подходы к пониманию жизнеспособности, основывает свое исследование на интегративном социально-психологический подходе, включающем современные парадигмы социальной психологии (деятельностную, социально-когнитивно-бихевиоральную, экзистенциально-феноменологическую, социально-конструкционистскую и парадигму экологического реализма) и основные положения методологии отечественной социальной психологии (Г. М. Андреева, А. И. Донцов, В. Н. Дружинин, А. Л. Журавлев, А. Л. Свенцицкий, В. Е. Семенов, В. А. Ядов). В данном подходе жизнеспособность рассматривается

на макро-, микро- и личностном уровнях. Этот подход предполагает изучение личности, развивающейся и функционирующей в определенную историческую эпоху, в совершенно конкретном социальном контексте, окруженной определенной социальной средой [9, *4*].

Авторский взгляд на структуру жизнеспособности личности формируется на основе рассмотрения проблем общества постмодернити и требований к жизнеспособности личности, которые позволяет выявить анализ работ отечественных и зарубежных психологов, социологов, философов (П. И. Бабочкин, З. Бауман, Д. Белл, Н. Н. Пахомов, Д. И. Фельдштейн и др.) [1–3, 10, 13].

В качестве ключевых проблем ученые выделяют нестабильность, неустойчивость и бесконтрольность процессов. Так, З. Бауман ведущими характеристиками общества постмодернити считает утрату человеком контроля над большинством значимых социальных процессов, возрастающую неопределенность и стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов [2*, 13*]. Д. Белл говорит о повышении требований общества к качеству социальных и межличностных интеракций, к характеру новых отношений, проявляющихся во взаимодействии или общении, в диалоге личностей [3, *220*].

Д. И. Фельдштейн, анализируя психологические проблемы современного общества, отмечает: «В наиболее трудном положении оказались растущие люди, так как противоречия развития, свойственные детскому и юношескому возрастам, значительно усилились в нынешней ситуации, которая приводит к искусственной задержке личностного развития, интенсифицирует рост квазипотребностей, квазиинтересов, отклонения в поведении, повышенную тревожность» [13, *10*]. Процесс личностного развития «растущих людей» осложняется отсутствием четких ориентиров, ослаблением влияния норм, регулирующих внутренний мир и поведение человека. Ценностный кризис и зачастую «слепое» принятие западных образцов обусловили культивирование материального успеха, возрастание инфантилизации.

Д. И. Фельдштейн подчеркивает, что современные дети, с одной стороны, существенно раньше взрослеют, а с другой — «по ряду параметров демонстрируют углубление своего социального инфантилизма. При этом зачастую они взрослеют не личностно, не субъектно, а лишь в плане показного поведения» [Там же, *13*].

Таким образом, анализ проблем современного общества позволяет выделить характеристики личности, обусловливающие ее способность сопротивляться современным реалиям, способность сохранять свою устойчивость в изменяющихся условиях.

Смена характера отношений, усиление роли взаимодействия, усиление отчуждения между поколениями предъявляют требования к личности как *носителю социальных качеств*. Утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов, возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых ею перемен, динамичность, нестабильность, темпоральная многослойность актуализируют требования к личности как к *динамической устойчивой системе*. Стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов,

ослабление влияния норм, регулирующих внутренний мир и поведение человека, социальная покорность и инфантилизм предъявляют требования к личности как к *субъекту деятельности*.

Итак, в структуре жизнеспособности мы выделяем *три основных аспекта:* интерактивный, динамический и субъектный.

Интерактивный аспект жизнеспособности обеспечивается *социально-психологической компетентностью* личности. В целом, соглашаясь с мнением В. И. Кабрина и Е. А. Рыльской о роли коммуникативных свойств в структуре жизнеспособности, необходимо отметить, что коммуникабельность в широком смысле как способность к общению, к установке связей не может выступать той системной характеристикой, которая обеспечивает жизнеспособность личности. Необходимо личностное образование, на основе которого разворачиваются, формируются стратегии взаимодействия, образование, которое на разных этапах онтогенеза обеспечивает успешность социального взаимодействия на всех уровнях. Таким личностным образованием, обеспечивающим эффективность социального взаимодействия, базис жизнеспособности личности, является, на наш взгляд, социально-психологическая компетентность, под которой мы понимаем систему мотивационных, когнитивно-перцептивных, эмоционально-регулятивных и инструментально-операциональных компонентов развивающейся личности, обусловливающих успешность взаимодействия с окружающими людьми в межличностной сфере.

Мотивационный компонент предполагает наличие у субъекта взаимодействия цели и мотивов, а также некоторой готовности к взаимодействию. *Когнитивно-перцептивный* компонент включает понимание себя и других, познание друг друга партнерами по общению, знание о разнообразии социальных ролей, способах взаимодействия, сценариях развития ситуаций социального взаимодействия, что обеспечивается активностью субъекта, принимающего и перерабатывающего информацию. *Эмоционально-регулятивный компонент* включает все то, что связано с состояниями личности, а также с самоконтролем и саморегуляцией. В содержание этой составляющей социально-психологической компетентности входят умения и навыки кодирования/декодирования эмоциональных состояний, проявления эмоционального самоконтроля и эмпатии. *Инструментально-операциональный* компонент представляет все то, что способствует построению системы отношений и действий в различных ситуациях социального взаимодействия, в частности, к данному компоненту относится совокупность социальных умений и навыков (адаптивные механизмы, способы поведения, стратегии поведения), обеспечивающих успешность в социально значимой деятельности и взаимодействии.

Высокому уровню социально-психологической компетентности будут соответствовать конструктивные взаимодействия, которые в психолого-педагогической литературе обозначаются как сотрудничество, гуманные отношения, оптимальное общение, субъект-субъектные отношения, конструктивное разрешение конфликтов, сотворчество и др. С психологической точки зрения, конструктивные взаимодействия — это совместно построенные действия, обеспечивающие

необходимые условия для личностного роста, развития личностного потенциала, формирования навыков рефлексивного поведения, преодоления стереотипизации восприятия, эмоционально-душевного комфорта, становления навыков эффективного вербального и невербального общения, саморегуляции, развития потребности в самоактуализации.

Динамический аспект жизнеспособности представлен *личностным адаптационным потенциалом* (А. Г. Маклаков), включающим в себя нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценку личности, являющуюся ядром саморегуляции и определяющую степень адекватности восприятия условий взаимодействия и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обусловливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности; опыт социального общения.

Субъектный аспект жизнеспособности предполагает такую характеристику субъекта деятельности, как *самоорганизация*, подразумевающую саморегуляцию, способность к саморазвитию, к самомотивации. Саморегуляция — это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта. Субъект прогнозирует свою деятельность, соподчиняя и устанавливая последовательность операций. Субъекта характеризует активность, способность к развитию, интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию.

Ю. В. Науменко выделяет социально-личностный уровень жизнеспособности, характеризующий жизнедеятельность человека на уровне субъектности. Этот уровень включает следующие компоненты:

— осознание индивидом непрерывности, постоянства и идентичности своего физического, психического и личностного Я;

— способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами;

— позитивная критичность к себе и собственной жизнедеятельности во всех ее формах и проявлениях, а также к ее результатам;

— способность к позитивному планированию своей жизнедеятельности и реализации этого плана в общих чертах;

— способность изменять поведение и уточнять смысл своего существования в зависимости от смены жизненных обстоятельств [7, *13–14*].

Таким образом, общество постмодернити в связи с проблемой жизнеспособности современного человека выдвигает требования к личности как носителю социальных качеств, как к динамической устойчивой системе и как к субъекту деятельности. Социально-психологическая компетентность, конституирующая интерактивный аспект жизнеспособности, является важнейшим фактором обеспечения благополучия личности в сфере межличностных коммуникаций, интегративным структурным компонентом ее жизнеспособности в современном обществе. Необходимыми условиями формирования жизнеспособности личности являются коммуникативные ситуации, в процессе которых возникают цели и мотивы взаимодействия (мотивационный компонент социально-психологической

компетентности), обретаются знания о разнообразии социальных ролей и способах взаимодействия (когнитивно-перцептивный компонент), осуществляется самоконтроль, кодирование и декодирование эмоциональных состояний (эмоционально-регулятивный компонент). При помощи различных средств общения и взаимодействия личности выстраивается система отношений и действий в различных ситуациях социального взаимодействия (инструментально-операциональный компонент). Высокий уровень социально-психологической компетентности, как структурный элемент жизнеспособности, определяет способность личности к устойчивости, к осознанию себя, планированию, изменению и контролю своего поведения, к сохранению своих функций в резко изменяющихся условиях общества постмодерна.

---

1. *Бабочкин П. И.* Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе. М., 2000.

2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2005.

3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.

4. *Гурьянова М. П.* Жизнеспособность личности как педагогический феномен // Педагогика. 2006. № 10. С. 43–50.

5. *Кабрин В. И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования. Томск, 2005. 217 с.

6. *Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М., 2007. С. 290–312.

7. *Науменко Ю. В.* Комплексное формирование социокультурного феномена «здоровье» у подростков в общеобразовательной школе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009.

8. *Нестерова А. А.* Мотивация к работе в структуре жизнеспособности личности безработной молодежи // Вестн. ТвГУ. Сер. : Педагогика и психология. 2011. № 3. С. 64–75.

9. *Нестерова А. А.* Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.

10. *Пахомов Н. Н.* Кризис образования в контексте глобальных проблем // Философия образования для XXI века. М., 1992.

11. *Рыльская Е. А.* Психологическая структура жизнеспособности человека: синергетический контекст // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 72–83.

12. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2001.

13. *Фельдштейн Д. И.* Приоритетные направления развития психологических исследований в области образования и самообразования современного человека // Вопр. психологии. 2003. № 6. С. 7–17.

Статья поступила в редакцию 18.03.2015 г.

УДК 008 + 001.8 + 316.722 + 379.82

Л. А. Мясникова
А. В. Дроздова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В настоящее время общество характеризуется появлением новых форм социальности, которые привели к «переоткрытию» повседневности в современном гуманитарном знании. Признавая поливариантность мира, его неоднородность, социальная теория открыла сложную структуру повседневности, ее несводимость к некой абстрактной характеристике. Именно в повседневном мире человека проявляются присущие обществу трансформации, поэтому множественность его опыта, практик стали предметом междисциплинарного анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: повседневность; самоидентификация; публичное/приватное.

В качестве особой предметной области исследования повседневность утвердилась довольно поздно, только в XX в.

Изучение повседневности начинается в феноменологии Э. Гуссерля, с его трактовки жизненного мира как особой сферы опыта человека. В работе «Кризис европейских наук» Э. Гуссерль видит основную причину кризиса в абсолютизации научного знания, которое теряет всякую связь с человеческой жизнью, ее смыслом и ценностями. Феноменологическая позиция Гуссерля состоит в признании донаучного, дорефлексивного основания человеческого сознания. Эту естественную установку человеческого бытия он называет жизненным миром, которому свойственны такие черты, как очевидность, наличность (пред-данность), нерефлексивность. Гуссерль пишет, что «для всех нас, людей, мир постоянно и всегда является само собой разумеющимся, общим для всех нас окружающим

МЯСНИКОВА Людмила Анатольевна — доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета, г. Екатеринбург (e-mail: nauka-gu@mail.ru).

ДРОЗДОВА Алла Владимировна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы Гуманитарного университета, г. Екатеринбург (e-mail: drozdovaalla@mail.ru).

© Мясникова Л. А., Дроздова А. В., 2015

миром; он, без всякого сомнения, наличен, более того, в ходе непосредственного и свободно расширяющегося опыта он является миром, доступным непосредственному схватыванию и наблюдению» [7]. Согласно Гуссерлю, жизненный мир — это собственный повседневный мир субъекта, который дан ему в модусе практики. Жизненный мир у Гуссерля интерсубъективен. Интерсубъективность выступает основой общности индивидуальных повседневных миров.

А. Шютц развил программу Э. Гуссерля. Жизненный мир понимается им как естественная установка сознания, как интерсубъективный универсум жизнепрактических смыслов, индивидуальных повседневных миров. Условием социального взаимодействия в повседневной жизни является ситуация «лицом к лицу», в которой «я конституирую другого как конституирующего меня самого в тот же самый момент». Следуя Гуссерлю, Шютц отмечает, что для повседневности характерны идеализации «и так дальше» и «я могу это снова», предполагающие бесконечную повторяемость как объектов, так и направленных на них действий субъекта.

Шютц выдвинул важный для социального знания тезис о множественности реальностей, в которых пребывает человек. Причем любой мир человеческого опыта включает в себя определенное число «конечных областей смысла», «конечных регионов значений» (мир сновидений, грез и фантазий, театрального представления, научной теории, религиозного экстаза и т. п.) [19, *426–427*], но центральным из них является мир повседневности, непосредственного опыта, в котором нерефлексивно действует, живет и общается каждый из нас. По Шютцу, повседневность, будучи одной из конечных областей значений, прежде всего определяется как «верховная реальность», связанная с деятельной природой человека и его личностной вовлеченностью в мир социального действия и коммуникации. Человек в повседневность погружен полностью, в отличие от других «конечных областей значений», где он участвует «частично». Именно в повседневном мире «предикат реальности и предикат существования» (объективное и субъективное) совпадают, и человек здесь дан сам себе как целостность. Можно сказать, что в рамках данного подхода произошла суверенизация повседневности как особого мира, не сводимого к другим мирам и не связанного с ними.

Значимым моментом для современной трактовки повседневности в теории Шютца является «общий тезис о взаимозаменяемости перспектив». Взаимодействие и понимание людьми друг друга, по Шютцу, базируется на бессознательно используемом каждым из нас предположении, что мои партнеры по коммуникации видят мир, в сущности, так же, как и я сам. Этот тезис не отрицает наличие индивидуальных различий в восприятии мира, уникальности биографического опыта, но тем не менее подчеркивает, что повседневные взаимодействия возможны только тогда, когда действующие индивиды приобретают черты социальности-универсальности и безличности. Следовательно, повседневность есть общий, интерсубъективно типизированный мир социального действия и коммуникации, где мы имеем дело с привычными формами, типами взаимодействий. Анализируя типологические структуры повседневности (типические ситуации, мотивы и т. д.), Шютц показывает, что они представляют собой репертуар культурных моделей, используемых индивидами в практической деятельности. Таким образом,

в социально-феноменологическом подходе Шютца повседневность представляет собой мир культуры, который мы воспринимаем в его традиционности и привычности. Этот мир доступен наблюдению, потому что существует как «уже данное» человеку. Он «отсылает человека к его собственной деятельности и к деятельности других, осадком и остатком которой оно является» [20, *133*].

Ценность социальной феноменологии заключается в том, что повседневность больше не полагается как нечто неподлинное и неистинное. Признавая привилегированный статус повседневности, Шютц, прежде всего, акцентирует внимание на универсальном, целостном, общем в структуре повседневных индивидуальных человеческих практик, по сути, онтологизируя повседневность. С точки зрения Шютца, в повседневности индивиды, взаимодействуя, адаптируются к существующим нормам и стандартам. Индивиды в концепции Шютца рассматриваются в их типическом, а не специфическом бытии, его разнообразии и особенностях. Таким образом, они в своем повседневном опыте лишь воспроизводят определенные нормы, стандарты и сценарии поведения, не преобразуя и не перерабатывая их.

Дальнейшее осмысление феномена повседневности, его текучей и многомерной природы было связано с отказом от «обезличенных универсальных» типологических схем объяснения общества и культуры. Центр анализа социокультурной реальности сместился с макроуровня на микроуровень «малых» социальных групп, отдельных людей, практики повседневной жизни. Соответственно изменялись и методы изучения повседневности, главное внимание стало уделяться не практике, а практикам, т. е. именно множественности феноменов «жизненного мира».

Повседневность начинает рассматриваться как сложно структурированный мир, переставший быть единым. Такой сдвиг в методологических установках позволяет обратить внимание на то, что раньше казалось неважным — на практики повседневной жизни, которые «не воплощаются ни в каком официальном институте и образуют своеобразные “свободные зоны”, защищенные или защищающиеся от институциональных давлений» [9, *18*].

Выделяются новые исследования повседневности. Это наличие возможных миров повседневной жизни человека (миров опыта), что придает повседневности неповторимый и уникальный характер, но при этом нарушает сложившиеся стереотипы и тем самым известную комфортность существования. Как отмечает О. Хархордин, «прагматический поворот занимается процессами, а не сущностями», его теоретиков П. Бурдье, Э. Гидденса, Н. Элиаса интересуют не абстрактные проблемы истины или справедливости, а процессы оправдания, обоснования своих действий в повседневной жизни.

В связи с этим особый интерес вызывает теория габитуса П. Бурдье, который сделал попытку определить, а затем и структурировать «неуловимую» природу повседневности. П. Бурдье рассматривает повседневность как определяемую самим человеком систему его повседневных практик, которые выражают его основные диспозиции: социально-психологические предпочтения, вкусы в отношении предметов и ценностей. Повседневность, по Бурдье, это проявляющаяся в предпочтениях и действиях активных субъектов реакция, ответ на репрессивную

(нормирующую) социальную реальность. Здесь речь идет, по сути, о двойном структурировании. С одной стороны, социум, его социальные институты являются причиной повседневных практик (источником габитуса), а с другой стороны, социально-культурные нормы и ценности проходят через систему представлений и предпочтений человека. Пропущенные через «фильтр» габитуса, они в измененном модифицированном виде выстраивают структуру значимых для человека общественных отношений, определяющих его место в обществе.

Двойственность, дуализм повседневности проявляется в том, что она принадлежит сразу двум мирам — двум сферам общественной жизни: макрокосму общественных институтов и производимых ими норм и ценностей и микрокосму — ближайшему окружению человека, в котором разворачивается, протекает его ежедневная жизнь, с ее рутиной и цикличностью. Стремление человека гармонизировать в своей повседневной жизни эти две сферы — общественный и личный опыт может дать только временный эффект в силу несовпадения, противоречивости, а иногда и антагонизма этих сфер. В современном мире именно повседневность становится пространством, местом возникновения и разрешения постоянных противоречий личного, частного и общественного (социально-нормативного), человеческого целеполагания и его результатов, ожиданий и несбывшихся надежд. А так как социальный и личный опыт человека имеет свои возможные границы, возникает много нестандартных ситуаций, которые человек не в силах разрешить, обращаясь к уже апробированному прошлому опыту. В этом случае его повседневная жизнь теряет устойчивость и стабильность, человек вынужден выходить за рамки стереотипов, рисковать («идти на авантюру») или прибегать к фантазии, вере в сверхъестественное. Когда стандартный метод «обыденной интерпретации» (превращение непонятного в понятное, невозможного в возможное) не дает желаемого результата, тогда мы имеем дело с различными иллюзиями и мистификациями, по сути — с имитационной деятельностью.

Способность критически мыслить закрепляется исключительно за ученым, тогда как индивиды в своей повседневной жизни поступают либо как «циники-стратеги», либо как бессознательные существа. Рассуждая о габитусе как «объективном фундаменте упорядоченного поведения», позволяющего агентам «вести себя определенным образом в определенных обстоятельствах» [4, *119*], автор ищет в «действиях по габитусу» скрытые стратегии и интересы, бессознательные поступки и холодный расчет индивида. Тем самым Бурдье в повседневных практиках видит «только воспроизводство социальных иерархий и повторение их идеологий», не учитывая критические способности самих индивидов.

М. де Серто разрабатывает свой метод анализа повседневной культуры, ее «деталей», а именно «повседневных способов делания» — практик потребления, характерных моделей и способов действий пользователей. В работе «Изобретение повседневности» де Серто обращает внимание, прежде всего, на то, что повседневность представляет собой не столько реализацию норм и вынужденного подчинения правилам и схемам, сколько импровизацию, «уловки», «браконьерство», «процедуры повседневной изобретательности» тех, кого «обычно считают обреченными на пассивность» [17]. Поэтому интерес исследователя перемещается

от «пассивной неподвижной фигуры» индивида к актору, способному к повседневному анонимному творчеству, которое проявляется в будничных актах потребления, обустройстве быта или освоении городского пространства. Теперь актором не управляют только коллективные представления, он сам становится человеком расчетливым, способным действовать, руководствуясь собственными предпочтениями.

Именно в акте потребления происходит то, что М. де Серто называет «тактическим нападением на систему», — выстраивание индивидом своего мира (self made), в котором потребляющий субъект противостоит массовому урбанизированному бюрократическому обществу. Чтобы достичь успеха (реально или иллюзорно) в противостоянии тотальности, человек вынужден овладевать искусством повседневной жизни, т. е. всеми возможными и доступными ему способами адаптации к среде своего социального обитания. По Серто, «повседневное само по себе наполнено чудесами: это кипение жизни», броуновское движение антиподчинения, микросопротивления, которое мобилизует ресурсы, скрытые в обычных людях, и тем самым переустанавливает подлинные границы распространения власти. Серто говорит о потребителях, которые исходят из собственных интересов и привилегий, что приводит к бесчисленным изменениям в структуре повседневности. М. де Серто вводит такое понятие, как «культура повседневной жизни», понимая под ним способность человека к сопротивлению, противостоянию нежелательным влияниям внешней среды или социальной системы.

Исследование феномена повседневности получило развитие в релятивистской программе И. Гофмана. Его интересуют устойчивые, повторяющиеся ситуации социального взаимодействия, формы организации повседневного опыта и общения. Инструментом изучения повседневности становится фрейм-анализ. По мысли Гофмана, фрейм — «это точка зрения», «рамка», через которую человек воспринимает и интерпретирует мир, являясь при этом коллективным субъектом. Фреймы, говоря словами Гофмана, позволяют индивидам «локализировать, осмыслить, идентифицировать и маркировать» события в мире в целом или внутри жизни человека. В «Анализе фреймов» он подчеркивает, что исследует «не взаимодействие, а фреймы», наблюдая и анализируя множество действий в повторяющихся ситуациях повседневной жизни. В интерпретации социальной жизни Гофман использует аналогию с театром, применяя для анализа такие теоретические метафоры, как «пьеса», «драматургические тексты», «представление», «персонажи». Человек в теории Гофмана не «ценит», а «приценивается», он циник, у него нет нравственного ядра, но есть понимание, чего требует ситуация и как ее можно повернуть в свою сторону, с разной степенью мастерства представляя себя аудитории под той или иной маской.

Гофман делает важное замечание, что «первичные системы фреймов» связаны с культурным полем, конституируют культуру определенной социальной группы. Он утверждает, что «совокупное групповое знание черпается из моральных традиций культурного сообщества, бытующих в народных сказаниях, литературных образах, рекламе, мифах, сплетнях о поведении кинозвезд и их окружения, Библии и других источниках, содержащих образцы репрезентации. Поэтому повседневная

жизнь, сама по себе достаточно реальная, довольно часто оказывается многослойным отображением некого образца или модели, которые сами являются воплощением чего-то весьма неопределенного в своем бытийном статусе» [5, *62*].

Поддерживая воспроизводство социального мира и картин мира, фреймы не задаются извне как неизменные эталоны, они постоянно пребывают в процессе формирования и рефреймирования, что обеспечивает их постоянную трансформацию, а значит, гибкость и мобильность опыта повседневности.

Мир уже «фреймирован», воспринимаемая реальность уже зашифрована определенным образом, а мы, по мысли Гофмана, активные «процессоры», способные декодировать ее самым разным образом, в особенности с появлением такого интегрирующего инструмента, как социальные сети. То, что, казалось бы, «мешает познавать мир, оказывается искусно выстроенной защитой от него. Мы тиражируем истории, и они не позволяют миру выбить нас из колеи» [Там же, *67*].

Таким образом, практически произошло переосмысление основных представлений о повседневности, сложившихся в классической научной традиции. Генерализирующей идеей стало построение концепции повседневности, исходя из различий отдельных жизненных миров.

В современном культурологическом знании формируется подход, который выявляет «новые конфигурации социальности» и, как следствие, изменяет масштаб изучения микроуровня повседневности, в ее сопряженности с макроуровнем. Так, в центре внимания Л. Болтански и Л. Тевено находится плюрализм социальной жизни, который приводит исследователей к разработке нового понятия «вовлеченность», существенно дополняющего такие понятия, как «практики» и «действия». Данное понятие позволяет не столько анализировать социальные структуры и идеологии, сколько характеризовать конкретные ситуации взаимодействия, «состояния людей и вещей, “вовлеченных” в прагматические испытания». Как отмечают Болтански и Тевено, «вместо того чтобы закреплять за человеком устойчивую социальную идентичность или габитус, мы стараемся рассмотреть целостность человека не как фиксированную данность, а как проблематичное интегрирование множественных и разноуровневых форм вовлеченности в мир» [18]. Разрабатывая «теорию градов», авторы показывают, как принципы каждого из них могут сочетаться, сталкиваться и быть задействованы в конкретных повседневных ситуациях. Предметом исследования в их работе «Критика и обоснование справедливости» является комплексная ситуация (своеобразное «испытание реальностью»), в которую «вовлечены не только люди с их телесностью, но и предметы окружающего мира, служащие опорой суждениям». Являясь практической реализацией градов, отдельные миры (мир вдохновения, патриархальный мир, мир репутации, гражданский мир, рыночный мир, технократический мир) конституируются не только особым способом оценивания действительности, а также типичными объектами и типичными действующими лицами.

Именно в ходе жизненных испытаний и многообразных форм вовлеченности в мир человек проверяет себя и свои суждения о мире, нередко подвергая пересмотру и переоценке ранее устоявшиеся представления. Л. Болтански и Л. Тевено полемизируют с теорией Ю. Хабермаса.

Отталкиваясь от понятия жизненного мира Гуссерля, Хабермас определяет публичную сферу как некое пространство, в котором взаимодействуют отдельные жизненные миры или повседневности, где приватное может стать массовым или общественно-политическим. В публичной сфере как пространстве воспроизводятся и интерпретируются культурные коды, общедоступные символы своей эпохи. Публичная сфера — это сфера, которая включает разную публику: читающую, пишущую, оценивающую. Публичная сфера постоянно трансформируется, с одной стороны, ориентируясь на личные запросы, а с другой — на изменения в обществе и культуре. Все эти изменения фиксируются в культурных кодах, которые транслируются и интерпретируются.

Концепция публичной сферы воплощает у Хабермаса идеальную модель взаимодействия, в процессе которого устанавливается «мораль равного уважения». Хабермас исходит из идеи множественности личных жизненных миров, которые разрабатывались в учении Гуссерля и его последователей.

По мнению Хабермаса, система интерсубъективной повседневной коммуникации гарантирует стабильность и устойчивость социальным взаимодействиям, которые скреплены общими символами и значениями. Этот жизненный мир противоположен миру социально-политических структур, цель которых манипулирование и подчинение личности. Но, с другой стороны, происходит «колонизация» жизненного мира через «обезмолвленные» медиумы коммуникации — власть и деньги, что приводит коммуникацию к структурным искажениям и в конечном счете к нарушению социальной интеграции, овещнению жизненных взаимосвязей.

Ситуация речи (языка) и проблема взаимопонимания стали основой теории коммуникативного действия у Хабермаса. Однако Хабермас, по мнению его критиков Л. Болтански и Л. Тевено, рассматривает социальное взаимодействие только на основе коммуникативных или интерсубъективных моделей. В отличие от Хабермаса, Л. Болтански и Л. Тевено подчеркивают, что социальное взаимодействие в публичном пространстве не сводится к языку или коммуникации, а включает выработку акторами своей позиции, которая, в свою очередь, связана с трансформацией материального пространства предметов и правил, форм организации самих акторов.

«Обновленный аналитический подход и способ видения» Л. Болтански и Л. Тевено позволил определить ряд основополагающих принципов для изучения повседневности: 1. Социум — это результат взаимодействия человеческих индивидов, их совместной индивидуальной жизни, где люди выступают не только как носители, но и акторы социальных процессов. 2. Индивидуальное бытие автономно и носит процессуальный характер, оно не может растворяться в какой-либо целостности или системе. 3. Индивидуальное бытие человека обладает такой чертой, как мобильность, способностью менять ролевые функции, т. е. способностью переключаться с одного уровня вовлеченности на другой.

Таким образом, на смену функциональной трактовке повседневности пришла трансформационная модель, которая понимает социум как результат взаимодействия индивидов в их совместной и индивидуальной жизни. Как показано в работе Ф. Броделя «История и социальные науки. Длительная временная

протяженность», на смену представлению о времени как длительности прошлого пришло представление о множественности времен, о прерывности в течение социального времени, о его разнообразных временных ритмах. Поэтому процессуальность, временность, событийность и изменчивость становятся стержневыми концептами для нового понимания повседневности.

В «текучей современности» повседневность больше не сохраняет свою функцию прибежища стабильности. Присущие ей гибкость и подвижность не успевают за быстрыми изменениями информационной, материальной, культурной, социальной среды. Появление таких новых качеств социальной жизни, как технологические перемены, глобализация, мегаурбанизация, потребительство, гибкие формы труда, преобразования интимной сферы, нарастание рисков и насыщение визуальностью привело к тому, что на уровне повседневных практик люди стали все более остро сознавать свой быстро меняющийся и во многих отношениях поразительно новый «жизненный мир».

Проблемой современного человека становится не наличие жестких норм, образцов, обычаев, ограничивающих свободу, а, наоборот, отсутствие таковых вследствие обилия предлагаемых вариантов. Современный человек уже не может положиться на однажды сложившиеся структуры повседневности, он должен сам их выбирать для себя из множества возможных. Таким образом, в современном обществе повседневность уже не может регулироваться ранее сложившимися традиционными и стабильными образцами интерпретации реальности, стереотипами поведения и структурами отношений. Они непрерывно подвергаются деконструкции со стороны социальных институтов, обеспечивающих конструирование и внедрение новых мифов и стереотипов с использованием каналов средств массовой информации, рекламы, массовой культуры. Современная повседневная жизнь представляет собой «текучую, непрерывную, хаотичную», трансформирующуюся реальность. Ей присущ «плюрализм маленьких жизненных выборов», микрособытий, что выводит повседневность за рамки рутинных нерефлексируемых актов.

Еще одним направлением изучения повседневности являются подходы в парадигме «культуральных исследований», которые представлены и в США, и в Европе, и в России.

Особенность подобных подходов заключается в применении идеографических методов, способных описать и представить артефакты повседневной культуры. Речь идет именно о подходах, а не об одном каком-то методе, так как описательные методы берутся в качестве обязательных, но они могут сочетаться с другими методами.

В отечественной культурологии начало этим подходам задал Ю. М. Лотман [13], который при анализе описания бытовой культуры русского дворянства соединил описательные и семиотические методы. Близок к нему и Д. С. Лихачев, который представляет сады и парки как особый текст [12, *25*]. Их традиция продолжается и в современных работах [14].

В двухтысячные годы издательство «Молодая гвардия» выпускает серию «Повседневная жизнь», в которой публикуются работы как зарубежных, так

и отечественных авторов, содержащие описание различных сфер повседневной жизни в разные исторические периоды (публичные дома во времена Золя и Мопассана [1], жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина [11] и т. д. и т. п.). Особенностью этих исследований является внимание к историческим периодам, к прошлому и настоящему. При анализе прошлого явно обнаруживается влияние Ф. Броделя.

Идеографические методы могут соединяться с нарративными (исследования дневников, писем, мемуаров), с дискурс-анализом текстов (газет, журналов, визуальных «текстов» и знаков, писем, объявлений, книг, жалоб и предложений, рассказов-интервью, анекдотов и т. п.).

Значительное влияние на исследование повседневности оказали работы С. Бойм, посвященные мифологии повседневной жизни России XX в. [3].

Близкими по тематике и подходу являются работы, где представлена повседневная советская культура как советская идеология, ставшая повседневностью (советское нижнее белье, как наряжали советскую елку, советский парк культуры и отдыха, советские анекдоты, советские плакаты и журналы, советская скульптура и т. п.) [2, 6, 8, 10, 15, 16]. В этих работах автор — «человек повседневности», опираясь на свои личностные переживания, свой опыт, как бы «выныривает» из потока быта, осуществляя рефлексию над обыденностью.

Культуральные исследования ломают прежние дисциплинарные границы между философией, культурологией, историей, социологией, политологией, экономическими науками, имеют междисциплинарный характер. Разрыв междисциплинарных границ сопровождается интеграцией различных методов и методологических установок. Помимо уже отмеченных семиотического, нарративного подходов, дискурс-анализа, задействуются структурализм и постструктурализм, топологические, компаративистские, феноменологические, герменевтические, постмодернистские методы.

Итак, повседневность является неотъемлемым атрибутом социального бытия в целом, она гетерогенна, пронизана коммуникацией на всех уровнях взаимодействия со средой (индивид, группа, общество), детерминирована экономической, культурной, политической сторонами социального бытия, исторически изменчива и представляет собой сплав природных, коммуникативных и общественных структур.

---

1. *Адлер Л.* Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана. М., 2005.
2. *Андреева И.* Частная жизнь при социализме: Отчет советского обывателя. М., 2009.
3. *Бойм С.* Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002.
4. *Бурдье П.* Начала. М., 1994.
5. Гофман *И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.
6. *Гурова О.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.
7. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск ; Москва, 2000.
8. *Дашкова Т. Л.* Телесность — идеология — кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность. М., 2008.
9. *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология. М., 1998.

10. *Козлова Н. Н.* Советские люди: сцены из истории. М., 2005.
11. *Курукин И. В.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007.
12. *Лихачев Д. С.* О садах // Избранные произведения : в 3 т. Л., 1991. Т. 3. С. 25.
13. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994.
14. *Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009.
15. *Сальникова А.* История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011.
16. *Сальникова Е. В.* Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М., 2010.
17. *Серто Мишель де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.
18. *Тевено Л.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности [Электронный ресурс] // НЛО. 2006. № 77. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html (дата обращения: 15.05.2015).
19. *Шютц А.* О множественности реальностей // Социол. обозрение. 2003.Т. 3, № 2. С. 3–34.
20. *Schutz A.* Collected Papers. Hague, 1962. Vol. 1.

Статья поступила в редакцию 19.05.2015 г.

УДК 316.334.56:394.014 + 008

Л. Э. Старостова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ*

Предметом статьи является понятие территориальной идентичности, рассматриваемое как ключевой компонент методологического инструментария в теории территориального брендинга. Автор анализирует ряд подходов к определению территориальной идентичности и предлагает свою модель идентичности территории, опирающуюся на прагматический подход.

К л ю ч е в ы е с л о в а: идентичность; территориальная идентичность; брендинг территорий; город; модель; коммуникация.

Понятие идентичности, первоначально возникшее в психологии, довольно быстро приобрело популярность в качестве методологического инструментария социальной теории. При анализе социальных процессов понятие идентичности помогает зафиксировать процессы соотнесения индивидом самого себя с социальной общностью, к которой он принадлежит. И поскольку отношения между индивидом и общностью имеют динамический характер, идентичность также воспринимается исследователями как трансформирующаяся реальность. Можно

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области, грант № 14-13-66011.

СТАРОСТОВА Людмила Эдуардовна — кандидат философских наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: starostova5@mail.ru).

© Старостова Л. Э., 2015

сослаться на суждения Л. Гудкова, очень точно, на наш взгляд, определяющего формы проявления идентичности. По мнению исследователя, идентичность — это:

— разделяемое членами сообщества чувство причастности достижениям;

— ощущение выделенности, т. е. все, что может считаться ценным для других и в самих себе [5, *266*].

Согласно мнению Л. Гудкова, идентичность является средством дифференциации социального сообщества в своих глазах по отношению к другим сообществам.

Субъектом формирования идентичности выступают члены сообщества. Поэтому становятся возможны разные версии идентичности. Эта идея была положена в основу концепции конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих идентичность как феномен, формирующийся в зависимости от направленности и характера субъектного взгляда [2].

По отношению к городу идентичность является формой территориальной самоидентификации местных жителей. Значимыми в городской идентичности становятся проявления уникальности города в сравнении с другими городами, приписываемые ему людьми, которые выступают в роли как создателей, так и реципиентов идентичности. Город представляет собой сложную систему социальных взаимодействий, поэтому возникает вопрос о маркерах и факторах формирования городской идентичности.

В теории территориального брендинга как коммуникационной технологии в маркетинге территорий понятие идентичности, как правило, используется для характеристики реальных качеств территории. Если при анализе территориальной (региональной, городской) идентичности опираться на понятие идентичности в том его виде, как оно разрабатывалось еще в психологической теории, то главным для нас будет процесс конструирования идентичности со стороны отдельной личности или социальной общности. В этом смысле идентичность ближе всего к такой категории из области территориального брендинга, как территориальный имидж. Собственно, это и позволяет Д. Визгалову при обосновании понятия территориального бренда объединить понятия территориальной идентичности и территориального имиджа в единую систему отношений: «Бренд города — это городская идентичность, системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [4, *41*]. В отличие от имиджа, представляющего собой результат взгляда со стороны, идентичность формируется в сознании людей, для которых восприятие места является формой их самоидентификации как части этого места. Поэтому то, как идентифицируют себя именно местные жители, можно рассматривать как базовый компонент территориальной идентичности. Присутствие понятия идентичности в моделях территориального бренда чаще всего означает отсылку к реально воспринимаемому качеству территории — ее самотождественности, непосредственно воспринимаемой при контакте с местом.

В теории и практике территориального брендинга на первое место выходят задачи прагматического толка. Коммуникации территории с целевыми аудиториями рассматриваются как управляемые в соответствии с маркетинговыми

целями — привлечь ту или иную группу потребителей. Эта точка зрения вынуждает теоретиков и практиков территориального брендинга рассматривать идентичность места (т. е. естественным образом сложившееся восприятие этого места локальным сообществом) как, во-первых, высоко значимую для продвижения территории и, во-вторых, не только как естественно формируемую, но и как сознательно управляемую реальность. Для решения задачи управления коммуникациями территории методом формирования ее бренда теоретикам и практикам геобрендинга приходится выделять составляющие идентичности и учитывать их как факторы формирования бренда территории. Например, А. Каландидес выделяет в идентичности территории пять компонентов. Это территориальный имидж, т. е. восприятие места, это материальное измерение территории (здания, улицы и другая инфраструктура), это различные институции (законы, организации и т. д.), это отношения между людьми (гендерные, властные, классовые и т. д.), а также сами люди и их практики (традиции, повторяемые действия, повседневная жизнь и т. п.) [10, *4*]. С. Анхольт идет дальше и отождествляет понятие идентичности и территориального бренда, рассматривая бренд страны как конкурентную идентичность [1, *21*]. Впрочем, так же поступают и другие авторитетные авторы в этой области — М. Каваратзис и Г. Эшворт (Kavaratzis & Ashworth), согласно мнению которых, «место нуждается в том чтобы дифференцироваться посредством уникальной *идентичности бренда* (выделено мной. — *Л. С.*), если оно хочет, во-первых, осознаваться как существующее, во-вторых, восприниматься в сознании потребителей места как предлагающее более высокие качества, чем его конкуренты, и в-третьих, потребляться в соответствии с его целями [11, *510*].

Поэтому не случайно ряд моделей территориального бренда опирается на понятие идентичности. Например, в модели Л. Кай (Cai) идентичность рассматривается как ядро бренда, включенное в систему отношений при построении имиджа и микса элементов бренда [8]. В результате отношений между идентичностью и миксом элементов бренда складывается структурированная коммуникация, состоящая из имиджа (органического и произведенного) и комплекса маркетинговых коммуникаций, включающего позиционирование и размер дестинации.

В интегративной модели территориального бренда С. Ханна и Дж. Роули (Hanna & Rowly) реализована попытка дать исчерпывающее описание структуры всего процесса формирования и затем поддержания бренда, идентичность здесь включена в сложную систему отношений и занимает позицию между инфраструктурой бренда и артикуляцией бренда (рис. 1). В системе взаимосвязей идентичность, таким образом, трактуется как результат инфраструктурных отношений (как управляемых, так и сложившихся) и в то же время как основание для артикуляции бренда. При этом идентичность уравнивается с понятием архитектуры бренда, тоже занимающей позицию между инфраструктурой и артикуляцией [9, *464*].

Само понятие идентичности в данной модели слабо проработано, но если попытаться конкретизировать его, то окажется, что идентичность обусловлена управлением отношениями со стейкхолдерами и тем, что включено в инфраструктурные

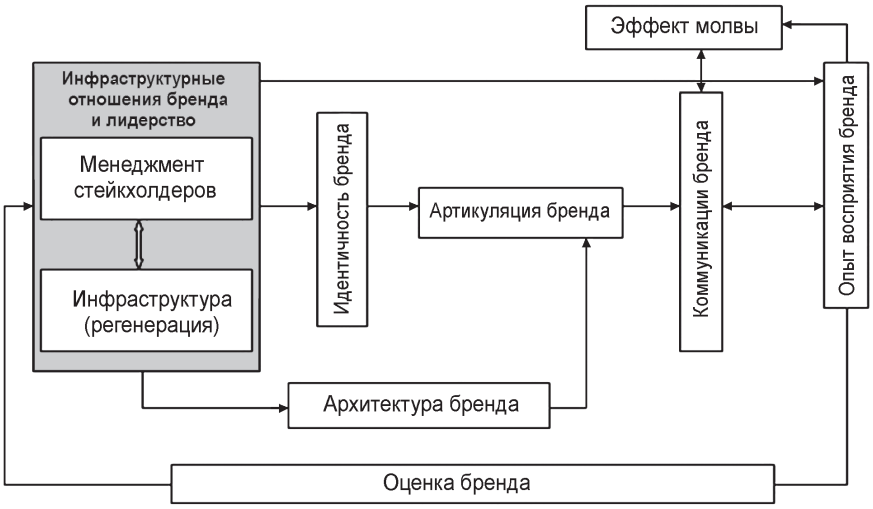


Рис. 1. Модель стратегического территориального бренд-менеджмента С. Ханна и Дж. Роули [9]

отношения, а это осязаемые функциональные атрибуты (собственно инфраструктура места и ландшафт) и неосязаемые переживаемые атрибуты (символы, рассматриваемые как единство культуры и сервиса).

Более внимательное отношение к идентичности бренда продемонстрировали М. Конецик Рузир и Л. де Чернатони (Konecnik Ruzzier & de Chernatony). Ранее Л. де Чернатони предложил модель идентичности бренда, в которой большое внимание уделено стейкхолдерам. Эта модель идентичности бренда включает такие ключевые элементы, как видение, ценности, личность, и дифференцирующие преимущества как основу позиционирования. Адаптируя данную модель к задаче разработки бренда Словении, Л. де Чернатони и М. Конецик Рузир включили в нее следующие элементы: миссию как путеводный указатель будущего страны и выгоды, способные привлечь стейкхолдеров и дифференцировать страну среди других стран [12, *47*].

Согласно данной модели, идентичность бренда содержит в своем ядре переживаемое обещание, эмоциональную и функциональную ценности. Вокруг этого ядра, которое упрощенно можно свести к ключевой(ым) ценности(ям) бренда, выстраивается комплекс одинаково значимых взаимосвязанных элементов: выгоды, миссия, видение, ценность, личность, функциональные преимущества. Так называемой «оболочкой» идентичности бренда становятся стейкхолдеры как акторы, без действий которых данная идентичность не может быть реализована. Хотя авторы данной модели оперируют понятием идентичности бренда, приходится признать, что речь, по сути, идет о бренде территории, ведь данная идентичность составлена из категорий брендинга (именно они входят в так называемые пирамиду или колесо бренда в теории брендинга).

Между тем значимость категории идентичности для технологии территориального брендинга трудно переоценить. Ведь от выделения элементов идентичности зависит область применения коммуникационного инструментария брендинга. Однако при переносе понятия идентичности из социологии в теорию территориального брендинга возникает трудность предметной адаптации данного понятия. Можно ли считать тождественными понятия социальной и территориальной идентичности? Скорее всего, нет.

Эту сложность с концептуализацией понятия территориальной идентичности по-своему фиксирует Н. С. Дягилева, предлагающая ввести несколько понятий, описывающих разные аспекты городской идентичности. Это понятия «городская идентичность», «идентичность города» и «идентичность с городом». Городская идентичность представляет собой видение жителями города самих себя, т. е. идентичность города есть результат описания сущности города в сравнении с другими городами. А идентичность с городом является частью персональной самоидентификации личности, «когда город воспринимается как контекст индивидуальной биографии индивида» [6, *55*]. По нашему мнению, трудно строго разграничить идентичность города и идентичность с городом, поскольку в любом случае идентичность есть конструкт сознания, а последнему трудно абстрагироваться от соотнесения себя самого с идентифицируемым объектом. Но попытка Н. С. Дягилевой дифференцировать разные формы идентичности уместна, поскольку социальная идентичность и территориальная идентичность — понятия не тождественные, хотя и связанные друг с другом. Если попытаться выразить это максимально общо, то социальная идентичность горожан является частью городской идентичности, в то время как городская идентичность является одной из социальных идентичностей горожан.

Дягилева полагает, что на формирование городской идентичности оказывают влияние «...три рода факторов.

1. Во-первых, стабильные факторы: местоположение города, климат, история города.

2. Во-вторых, изменчивые факторы: размер и население города, внешний облик города, благосостояние жителей, культурные традиции местного сообщества.

3. В-третьих, символические факторы: городская символика, политический климат, культурные коды поведения жителей, знаковые события, знаковые личности, мода на отдельные товары и услуги, характер коммуникаций внутри сообщества и др.» [6, *56*].

В этой классификации факторов формирования городской идентичности заметно влияние категорий жестких (трудно поддающихся преднамеренной корректировке) и мягких (относительно пластичных) факторов маркетинга территории, выделенных Ф. Котлером [7].

Но отдельную группу составляют символические факторы, в которых, по-видимому, и сосредоточен основной коммуникативный потенциал. Если судить об идентичности города на основе символических факторов, образно маркирующих идентификацию горожанами места своего проживания, то выявление консенсуса относительно символов города и будет тем действием, которое позволит оформить идентичность города.

В конструктивистской теории символическая реальность рассматривается как одна из форм трансляции идентичности: «Теории идентичности всегда включены в более общую интерпретацию реальности; они “встроены” в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются вместе с характером последних» [2, *281*]. Это представление о символической природе идентичности корреллирует с интерпретацией символа в концепции П. Бурдье, который в своем анализе социального поля рассматривает символ как ключевое средство социальной интеграции: «Символы являются инструментами par excellence “социальной интеграции”: как инструменты познания и общения... они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира» [3, *91*].

В ситуации, когда социальная идентичность нестабильна, процессы символизации приобретают особо драматичный, острый характер. В этом смысле интересно утверждение П. Бергера и Т. Лукмана относительно специфики процесса символизации в условиях проблематизации идентичности. Как пишут исследователи, накопление в символах биографического и символического опыта происходит выборочно, «в зависимости от семантических полей, определяющих, что должно быть сохранено, а что “забыто” из всего опыта индивида или общества» [2, *72*]. И если «идентичность станет проблематичной внутри самой теории», тогда теории будут придумываться «прежде фактов» [Там же, *289*], и тогда политически ангажированные группы смогут осуществить идеологическую обработку и манипуляцию сознанием различных социальных слоев общества для формирования определенного «социального интереса». Это значит, что в условиях социальной перестройки символы заново «простраиваются» ангажированными субъектами.

В модусе коммуникации идентичность города воплощается в тех объектах, которые несут в себе символический потенциал. Причем поскольку участников производства символов много, идентичность города оказывается многослойной. Город — это просто пространственный узел конвейеров идентичностей. Его идентичность потому всегда сложная.

Сегодня российские города оказались в транзитивном положении, когда глобальная конкуренция за ресурсы (в том числе человеческие) ставит перед местным сообществом задачу поиска ресурсов эффективного позиционирования и коммуникации с целевыми аудиториями, опираясь как на исторический опыт, так и на актуальные возможности развития. Это обостряет внутреннюю борьбу между участниками конкуренции за ресурсы, отражающуюся в том числе в процессах поиска и предложения маркеров территориальной самоидентификации. Яркое свидетельство тому — опыт Екатеринбурга, города, активно ищущего собственную идентичность.

На поверхности в коммуникационном пространстве Екатеринбурга — города крупного и по-своему столичного (главный город Свердловской области, «столица Урала» в дискурсе региональных СМИ) — мы увидим несколько самых активно артикулируемых идентичностей. Рассмотрим вкратце каждую из них.

Первая версия идентичности Екатеринбурга — это тема индустриального города, формировавшаяся с момента его основания и сегодня проявляющаяся

в активной творческой переработке индустриального наследия, отложившегося, прежде всего, в промышленной инфраструктуре, городской архитектуре и топонимике.

Вторая версия идентичности Екатеринбурга как центра международной деловой активности активно продвигается региональной и муниципальной властью и опирается на интеграцию в мировые коммуникационные потоки через проведение в Екатеринбурге глобальных событий (Саммит ШОС 2009 г.) и на претензии на привлечение глобальных событий в будущем (участие в конкурсе на проведение в Екатеринбурге ЭКСПО-2020; включение Екатеринбурга в число городов, которые примут игры чемпионата мира по футболу в 2018 г.). В городе активно растет современная бизнес-инфраструктура (Екатеринбург-Сити, небоскреб Высоцкий, крупные торговые центры), несущая в себе символику современного делового центра. В эту же версию органично вписывается тема близости Екатеринбурга к границе Европы и Азии, пусть не уникальная, но значимая в качестве символического выражения сильного архетипа перекрестка путей.

Третья заметная версия идентичности Екатеринбурга развивается по линии православной церкви, встраивающей тему расстрела царской семьи в дискурс нравственного покаяния. Этот дискурс укрепляется вместе с ростом в Екатеринбурге старых/новых храмов и большими планами по восстановлению дореволюционного архитектурного церковного наследия (отстройка заново храма Большой Златоуст в центре города, предложения по реконструкции храма Святой Екатерины, когда-то стоявшего на месте построенного в советскую эпоху и любимого поныне горожанами фонтана «Каменный цветок»).

Четвертая в этом ряду версия идентичности Екатеринбурга — активно воплощаемая в коммуникации тема города Бориса Ельцина. Присвоение имени Б. Н. Ельцина Уральскому федеральному университету, открытие Центра Ельцина и памятника Ельцину — это только начало коммуникативного простраивания идеи связи Екатеринбурга с первым президентом России.

И наконец, нельзя обойти стороной версию креативного города, складывающуюся из активности представителей креативного класса (представители сфер рекламы, коммуникационных услуг, художественного творчества, медиа), инициирующих в городе разнообразные креативные проекты. В некоторые из этих проектов готовы включаться местные власти (например, поддержка фестиваля «Стенографффия»), все в большей степени осознающие значимость мягких форм коммуникации с жителями города.

В целом можно сказать, что разные идентичности Екатеринбурга продвигаются разными стейкхолдерами, самые влиятельные из которых — это местные власти, представители крупного бизнеса, региональное представительство православной церкви. Иногда одна идентичность воспринимается как мешающая другой. Так, для православной церкви советская идентичность города явно является большим раздражителем, судя по поступающим от ее представителей предложениям о переносе памятников советской эпохи.

Между тем простые жители города также являются создателями и носителями его идентичности. Для того чтобы выявить, какие идентификационные

городские маркеры значимы для горожан, исследовательская группа кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга на базе лаборатории стратегических коммуникаций департамента маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства в декабре 2014 г. — январе 2015 г. провела социологическое исследование. Всего в рамках исследования было опрошено 319 жителей Екатеринбурга. Применялась квотная выборка по трем основаниям: по полу, возрасту и району проживания респондентов. У данного исследования были задачи, выходящие за пределы тематики данной статьи, но один из вопросов анкеты напрямую относился к обсуждаемой проблематике. Он заключался в просьбе выбрать наиболее значимые для респондента символы Екатеринбурга. При желании опрошенные могли дать собственный вариант ответа. Основные ответы распределились следующим образом, %:

— город убийства царской семьи — 31,0;
— город Ельцина — 15,7;
— столица уральского рока — 13,8;
— столица горнозаводской цивилизации — 11,6;
— центр международных выставок — 7,2;
— город Бажова — 6,9;
— центр советской индустриализации — 6,3.

Как видно из распределения ответов, ни один вариант не набрал более 50 % голосов. Среди собственных вариантов ответов: город олимпийских чемпионов, город формирования добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны, город Петра I, город ущербной архитектуры, город культуры, но данные варианты носили единичный характер.

Так что можно сделать вывод, что для значительной части жителей Екатеринбурга этот город остается городом убийства царской семьи, видимо, носители данной идентичности сильнее других звучат в коммуникационном пространстве города. Но несмотря на эту самую распространенную идентичность, процентное распределение различных ответов свидетельствует о том, что идентичность города еще не сформирована. Ни одна из идентичностей, претендующих на известность и значимость, не стала привлекательной для большинства жителей Екатеринбурга.

Причем распределение ответов не зависит от пола респондентов. Можно только говорить о зависимости распределения ответов от возраста опрашиваемых. Например, идентичность Екатеринбурга как города Ельцина тем более значима, чем старше респонденты (рис. 2).

Еще более заметна разница в возрасте при выборе такого идентификатора Екатеринбурга, как столица уральского рока. Здесь существенно преобладает процент молодых респондентов. Для респондентов в возрасте старше 50 лет идентичность столицы уральского рока практически не значима (рис. 3).

Опыт исследования идентичности Екатеринбурга показывает, что идентичность нашего города активно формируется группами заинтересованных стейкхолдеров, но весьма слабо представлена в восприятии города жителями. Это означает, что вопрос об идентичности города открыт, а следовательно, далек от решения и вопрос о позиционировании Екатеринбурга.

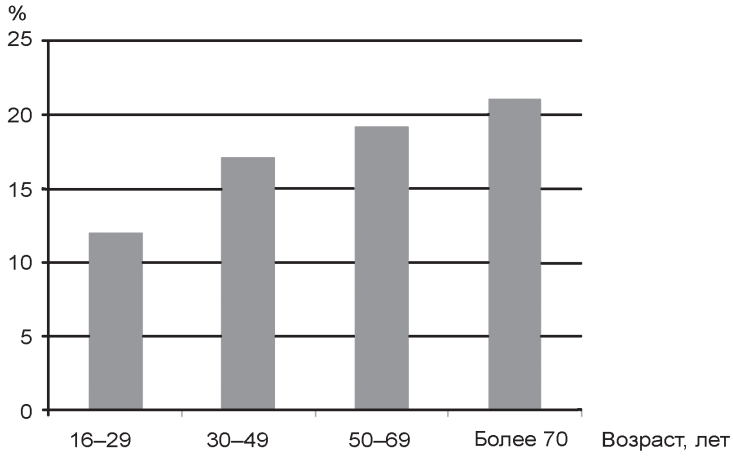


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о идентичности Екатеринбурга как города Ельцина в зависимости от возраста респондентов

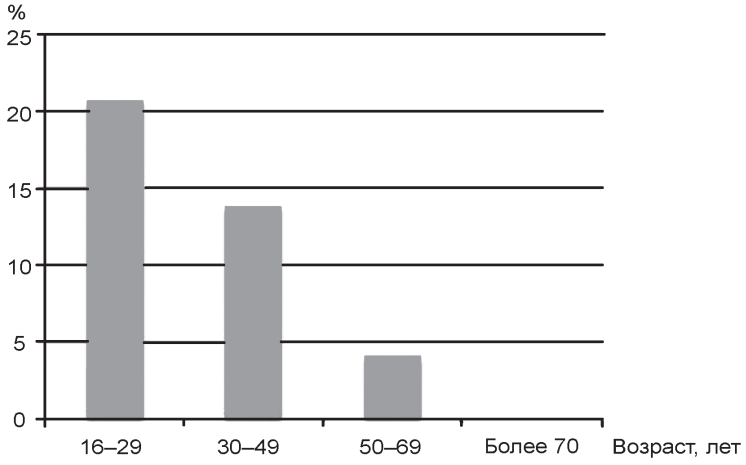


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о идентичности Екатеринбурга как столицы уральского рока в зависимости от возраста респондентов

С методологической же точки зрения ситуация с идентичностью Екатеринбурга демонстрирует, что процесс формирования идентичности, во-первых, зависит от участия заинтересованных сторон, активно продвигающих свою версию территориальной идентичности, а во-вторых, от людей, которые просто живут в городе и идентифицируют город в процессе своей повседневной жизни. Если попытаться понять территориальную идентичность как комплекс прагматически ориентированных символически репрезентированных реальностей, то можно выделить три фактора, влияющих на формирование идентичности, — отношения, средства и субъекты.

Уточним наполнение трех выделенных факторов формирования территориальной идентичности:

— отношения — комплекс осмысленных процессов (экономические, политические, социальные, отношение к природе и т. д.), существовавших и существующих на данной территории;

— средства — архитектура, литература и искусство, инфраструктура и среда, СМИ — формы репрезентации (или посредники формирования) идентичности, часто выступающие в роли символических носителей идентичности;

— субъекты — группы, мотивированные собственными интересами: власти, церковь, хозяйствующие субъекты, жители — каждая на своем уровне прокладывающая траектории социальной самореализации. Именно эти траектории используют ресурсы и трансформируют средства формирования территориальной идентичности. Наглядно прагматически ориентированная модель территориальной идентичности представлена на рис. 4.

Рис. 4. Прагматически ориентированная модель территориальной идентичности

Прагматическая модель территориальной идентичности позволяет в общем виде трактовать идентичность места как результат совокупности отношений между различными субъектами, независимо от того, насколько они активны в коммуникационном пространстве, которое сегодня стало осознаваться как мощный фактор конструирования идентичности.

---

1. *Анхольт С., Хильдрет Дж.* Бренд Америка: мать всех брендов. М., 2010. 232 с.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995.

3. *Бурдье П.* О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства. М. ; СПб., 2007. С. 87—96.

4. *Визгалов Д. В.* Брендинг города. М., 2011. 160 с.

5. *Гудков Л.* К проблеме негативной идентификации // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 262–299.

6. *Дягилева Н. С.* Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2013. С. 54–59.

7. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб., 2005. 375 с.

8. *Cai L. A.* Cooperative branding for rural destinations // Annals of Tourism Research. 2002. Vol. 29, № 3. P. 720–742.

9. *Hanna S., Rowley J.* Towards a Strategic Place Brand Management Model // Journal of Marketing Management. 2011. Vol. 27, № 5–6. P. 458–476.

10. *Kalandides A.* The Problem with Spatial Identity: Revisiting the 'Sense of Place' // Journal of Place Management and Development. 2011. № 4, iss. 1. P. 28–39.

11. *Kavaratzis M., Ashworth G.* City branding: an effective assertion of Identity or a transitory Marketing Trick? // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2005. Vol. 96, № 5. P. 506–514.

12. *Konecnik Ruzzier M., Chernatony L. de.* Developing and applying a place brand identity model: The case of Slovenia // Journal of Business Research. 2013. Vol. 66, № 1. P. 45–52.

Статья поступила в редакцию 08.05.2015 г.

УДК 008:7.038.6 + 316.334.52

Е. В. Головнева

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

В статье проводится выявление концептуальных оснований термина «региональная идентичность», выделяются различные ракурсы рассмотрения этого феномена. Делается вывод о том, что региональная идентичность является форматирующим признаком региона как социокультурного феномена и как явление сохраняет свою устойчивость в культуре постмодерна, несмотря на современные попытки подвергнуть этот термин исследовательской критике и вписать его в новые теоретические контексты.

Ключевые слова: региональная идентичность; идентификация; регион; региональная культура; культура постмодерна.

Дискуссия вокруг региональной идентичности является одним из самых оживленных исследовательских дискурсов, развернувшихся в последние десятилетия в западном и отечественном научном пространстве. Как отмечает финский исследователь А. Пааси, введение в Google термина «региональная идентичность» дает ссылку более чем на 400 тыс. страниц текста, а многие веб-страницы характеризуют данное понятие как ключевое в условиях экономической конкуренции и культурной стратегии регионов [33, *8*]. Такое внимание к региональной идентичности обусловлено как внешними процессами (например, изменением роли самоорганизации региональных сообществ в условиях глобализации и культуры постмодерна), так и ситуацией, происходящей внутри самой науки (трансформацией знания о регионах и идентичности в целом).

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: golovneva.elena@gmail.com).

© Головнева Е. В., 2015

Современные концепции, рассматривающие регионы, исходят из относительности их разграничения и значения границ между регионами, расширения значимости метрополий и «мировых городов», а получивший в их рамках развитие реляционный подход к регионам [19, 20] противопоставляется субстанциональному подходу [30]. По сути, реляционный подход отказывается от «контейнерного мышления» и рассматривает регионы как открытые, негомогенные образования, представляющие собой «калейдоскопические сети отношений» в культуре постмодерна, в то время как субстанциональный подход видит регионы как пространственно определенные сущности с ясно выраженными дифференцирующими признаками.

Реляционный подход к исследованию региона обозначает также тенденцию к усложнению понятия «регион» за счет выявления в его структуре компонентов, имеющих субъектный характер и конструктивистскую природу. В этом контексте регионы не существуют сами по себе, как данность: их конструирует субъект, наделяя смыслом и значениями [19, 32]. Предполагается, что в рамках региона существует не одно, а множество реальностей/пространств, сконструированных разными действующими лицами (акторами) и сосуществующими в одно и то же время. Возникновение регионов рассматривается как результат разнонаправленного действия множества детерминант, причем источником появления и развития региона может стать любая из них. В рамках региона «строительным материалом» могут быть и социально-экономические, и символические (духовные), а не только «чисто политические» или «чисто экономические» детерминанты развития [25, 7].

Очевидно, что на фоне восприятия региона в реляционных терминах требует переосмысления и феномен региональной идентичности, поскольку в сетевом и мобильном пространстве культуры постмодерна ее нельзя уже воспринимать как идентичность разграниченных территорий [19, 22]. Согласно К. Терлоу, новые регионы настолько нестабильны и отличны от «устоявшихся» регионов, что нет возможности для развития отличительной «традиционной региональной идентичности»; мы можем говорить о «плотной» (thick) и «истонченной» (thin) региональной идентичности [35]. Различные виды движения людей, вещей и информации требуют перефокусировки социального знания о региональной идентичности и специфической методологии. В духе идей норвежского антрополога Ф. Барта фокус анализа переносится с объективных культурных различий сообществ на чувство принадлежности к группе, на более внимательное рассмотрение конструктивистских аргументов (идей Р. Брубэйкра, Ф. Купера [23]и др.), ставших интеллектуальным мейнстримом в современных социальных теориях.

В этом процессе заключена опасность отождествления понятий «идентичность» и «имидж», поскольку оба они используется в современных исследованиях скорее в инструментальном ключе, для брендирования регионов, посредством репрезентаций и дифференциаций. Для преодоления этой смысловой путаницы требуется провести анализ содержания и характерных особенностей региональной идентичности. Это, в свою очередь, требует рассмотрения понятийно-категориального аппарата, связанного с проблемно-теоретическим полем региональной

идентичности, и одними из базовых понятий здесь оказываются концепты «идентичность» и «идентификация».

Понятие «идентичность» сохраняет свою актуальность в междисциплинарном дискурсе социально-гуманитарного знания уже довольно продолжительное время, несмотря на постмодернистские попытки подвергнуть этот термин исследовательской критике и вписать его в новые теоретические контексты [см., например, 29]. В ставшем уже классическом определении идентичности, данном Э. Эриксоном, идентичность понимается как «субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности (постоянства), соединенной с определенной верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми» [26, *675*]. Если идентичность — это состояние, то идентификация — это процесс, ведущий к данному состоянию [17].

Идентичность не подменяется понятием «самосознание» или тем, что в западной науке именуется «Я-концепцией». Самосознание в отечественной философии и психологии традиционно понимают как выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценку своего отношения к миру, себя как личности, своих поступков, действий, мыслей, чувств, желаний [6, 11, 13]. Идентичность же — это переживание тождественности, определенности и целостности, поэтому единицей анализа идентичности выступает «образ Я» [7]. В соответствии с концепцией В. В. Козлова, Я-идентификации — фундаментальные элементы самоопределения субъекта и именно они формируют его представления о самом себе [5].

Условием идентификации является то, что идентифицируемое характеризуется отчетливо выраженной сущностью. Нечто признается идентичным с *самим собой*, если оно во всех рассматриваемых обстоятельствах остается одним и тем же, следовательно, оно может идентифицироваться или идентифицировать себя как *то же самое* [4, *16*]. Позднелатинское слово *identifico* (отождествляю) и английское *identity* аккумулируют смыслы, связанные с качественной определенностью и принадлежностью к некоторому множеству [18]. Монсеррат Гибернау обозначает это свойство идентичности как «континуальность», считая его, наряду с дифференциацией с «другими», определяющими критериями любой идентичности [28, *10*]. «Другой» здесь становится способом достижения самотождественности, способствует «замыканию» субъекта в отдельную целостность, выделенную из внешнего мира.

Критерии «континуальности» (тождественности самому себе) и ощущение внутри себя «другого» требуют наличия системы отношений, социально-исторических оснований. Субъект утверждает и укрепляет чувство своего бытия только на основе связанности с другими. Онтологически чувство бытия не сводимо к «я есть», в любом случае «я есть» будет стремиться к более развернутому «я есть где и как?» [2, *10*]. Идентичность включает выделение субъектом своей социальной ценности, смысла своего бытия, представления о своем прошлом, настоящем и будущем, ценностные ориентации. Понять суть идентичности оказывается возможным, лишь рассматривая ее в рамках конкретного социально-исторического и культурного контекста. Данный контекст оказывается основанием для формирования идентичности, которая в конечном итоге зависима от него. В то

время как факт принадлежности/идентификации остается постоянным, элементы, вокруг которого выстраивается чувство принадлежности, могут изменяться. Это связано с изменением социальных условий, а сама идентичность рассматривается как процессуальный феномен [10, 16, 21].

По форме существования можно разграничить идентичность «внешнюю» и идентичность «внутреннюю». Первая устанавливает основные характеристики субъекта, черты его характера и личные склонности, объясняющие манеру его поведения в обществе и его взаимоотношения с окружающими. Согласно концепции Дж. Г. Мида, это как бы «обобщенный другой в индивидууме», способ концептуализации и интериоризации определенных ролей [34, *312*]. Идентичность «внутренняя» основана не на положении в обществе, а на личной истории. Она может принимать две формы — психологическую и нарративную, которые конструируются на основе хронологии повседневной деятельности и личных контактов субъекта [12, *60*]. Здесь проявляется процессуальная и функциональная характеристика идентичности.

Типология идентичностей включает в себя идентификацию индивида или группы на основе гендера, религии, классовой принадлежности, профессионального занятия и иных характеристик. Любая идентичность отражает свойства и характеристики индивида, которые позволяют ему не только осознать общность с другими индивидами — носителями таких же свойств, но и создавать временные ситуативные альянсы с ними. Индивидуальная жизненная траектория и смысл, придаваемый тем или иным идентификациям — будь это реальные идентификации или воображаемые, — составляют важный элемент для понимания социальных координат личности, ее ценностных ориентаций и поведения. Идентичность имеет организующую функцию в развитии субъекта.

Постмодернистский подход к пониманию идентичности часто связан с фиксацией разрывов в формировании индивидуальных семейных, гендерных, профессиональных и прочих траекторий, кризисами разного уровня и типа сложности, что обусловливает понимание идентичности как явления по своей сути гибридного [36]. Признается, что ориентиры идентификации в современных реалиях тем менее стабильны и линейны, чем более разнообразные социальные роли приходится исполнять индивидам в различных ситуациях. Отныне принадлежность к той или иной социальной категории, например политической или религиозной группе, уже недостаточна ни для того, чтобы определить место человека в обществе, ни для того, чтобы составить основу его индивидуальности. Как отмечает Роджер Брубэйкер, в современном мире «идентичность является разнообразной, нестабильной, постоянно изменяющейся, непредвиденной, фрагментарной, созданной, договорной и т. д. и т. п.» [23, *13*]. Мануэль Кастельс определяет идентичность как «процесс конструирования значений на основе культурных свойств или набора культурных свойств, которые имеют приоритет над другими источниками значений» [24, *6–7*]. К. Леви-Стросс предложил еще более сильное определение идентичности: «это — своего рода виртуальная общность, которую необходимо учитывать, чтобы иметь возможность объяснить определенные явления, но которая никогда не существует в реальности» [цит. по: 1, *38–39*].

Подобная ситуация с идентичностью не просто обостряет проблему выбора человеком своего места, а усиливает ее значимость, обостряет вопросы определения и самоопределения, раскрытия своих позиций и соотнесения их. По словам П. Штомки, «в природе человека есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности» [14, *7*]. Роберт Парк отмечает, что «для поступательного развития общества и для его устойчивости индивиды, его составляющие, должны быть местоположены; это необходимо, прежде всего, для того, чтобы они могли коммуницировать, ибо только посредством коммуникации можно сохранить то подвижное равновесие, которое мы называем обществом» [9, *36*]. В этой ситуации, по мнению антрополога Лиисы Малки [31], в современном коллективном воображении оказывается востребованной «метафора дерева», которая преобладает в характеристике отношений человека с миром.

Первый тип такого отношения происходил при полном слиянии индивида с родовым коллективом как главным субъектом исторической и социальной действительности. Появление исторически такого отношения как собственно человеческого качества обеспечило возможность формирования идентичности, порождающей углубление и расширение отношений человека к себе в мире. Усложнившаяся со временем дифференциация систем отношений с миром, появление различных типов и уровней идентификации индивидов по отношению к семье, роду, этносу, различным социальным группам, государству привело к формированию различных «образов Я». Сегодня «метафора дерева», предложенная Лиисой Малки, может быть использована в том числе для описания актуализации идентичности, связанной с прикреплением индивида к определенной территории, местности, региону, что часто обозначается как региональная идентичность.

Наличие региональной идентичности является форматирующим признаком региона как социокультурного феномена. По словам В. Л. Каганского, «пространственная идентичность в случайном фрагменте пространства вряд ли существует... в реализации идентичности необходима ощущаемая *специфика* определенной территории и определенной группы. Идентичность в определенном смысле и есть ощущение, проживание и даже рефлексия (чаще нерациональная) специфики “своей” территории на уровне группового и личного сознания» [3, *11*]. Выраженная региональная идентичность опирается на реальные или воображаемые географически, экономически, политически, культурно фундированные регионы со своей историей и коллективной памятью.

Чувство региональной тождественности, общности маркирует границу региона. Это означает, что если нет сообщества людей, считающих себя жителями региона, то нет и самого региона как смыслового пространства. Регионы представляют собой динамические пространства, которые форматируются чувством тождественности действующих в этом пространстве людей, в соответствии с доминирующим основанием социальной консолидации. Каждое новое поколение в региональном сообществе не только создает свои представления о регионе, но и усваивает уже существующую систему социальных значений и смыслов,

выраженных в языке, духовном историческом наследии, объектах материальной культуры.

Значимость теоретического изучения региональной идентичности для понимания формирования и функционирования регионов определяется, прежде всего, тем, что она является культуромаркирующим основанием региона, инструментом воссоздания специфической коллективной социальности, задает норму антропологического воображения и является продуктом коллективной памяти [4, *19*]. Отмечается также, что региональная идентичность является важным компонентом формирования персональной идентичности, поскольку: 1) принципы дифференциации и отличия одних сообществ от других выстраиваются, прежде всего, в отношении территории, на которой проживают люди; 2) на самоопределение человека влияет тот факт, живет ли он постоянно в одном месте или вынужден перемещаться; 3) личностная самооценка во многом зависит от испытываемого чувства гордости за ту территорию, на которой человек проживает; 4) территория проживания в значительной степени степени формирует действенность, активность человека, придает ему веру в собственные силы [27].

В широком смысле интерес к региональной идентичности инициирован также современной ситуацией роста конкуренции между регионами в условиях влияния глобального капитализма на субнациональном и региональном уровне. По словам М. Кастельса [24], основным противоречием формирующегося общества, основанного на сетевых структурах, является противоречие между глобализацией мира и самобытностью (идентичностью) конкретного общества. Опираясь на концепцию А. Турена, он вводит такие понятия, как: «легимитизирующая идентичность», «идентичность сопротивления» и «идентичность, устремленная в будущее» (project identity). Первый вариант идентичности порожден индустриальным обществом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, «проективная идентичность» определяется формированием личности, субъекта. В обществе сетевых структур наряду с государствами, глобальными сетями и индивидуумами существуют сообщества, которые объединились вокруг «идентичности сопротивления», направленной против глобализации и национальных идеологий.

В. С. Малахов отмечает: «Что общего между Бретанью во Франции и Тибетом в Китае? То, что они настаивают на удержании этнического своеобразия (на уровне языка, религиозных практик, или хотя бы жизненного стиля), вопреки ассимиляционному давлению государства» [8, *11*]. Еще один яркий пример выживания региональной культуры под прессом централизованной власти государства — Ирландия. Формирование региональных идентичностей в России также во многом носит протестный характер. Этнологи, в частности, указывают на очевидный парадокс: чем больше реальные культурные различия между регионами нивелируются, стираются, тем больше и красноречивей о них говорят. По словам Стюарта Элдона, онтологически глобализация и культура постмодерна основываются все на той же идее гомогенного, исчислимого пространства [15], и в этих условиях мы наблюдаем «возрождение регионов» (regional revival) и актуализацию региональной идентичности.

1. Идентичность во французском обществознании. К вопросу о переводе понятий [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1547.pdf (дата обращения: 02.04.2015).

2. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты : монография / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов, Е. Ю. Мазур и др. Пермь, 2012. 251 с.

3. *Каганский В. Л.* Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестн. Перм. науч. центра : спецвыпуск. 2014. № 5. С. 10–19.

4. *Казакова Г. М.* Российская региональная идентичность: культурологический ракурс // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств : науч. журн. 2008. № 6. С. 16–20.

5. *Козлов В. В.* Интегративная психология: Пути духовного поиска, или Освящение повседневности. М., 2007. 528 с.

6. *Кон И. С.* Открытие Я. М., 1978. 367 с.

7. *Малахов В. С.* Неудобства с идентичностью // Вопр. философии. 1998. № 2. С. 43–54.

8. *Малахов В. С.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. 232 с.

9. *Парк Р.* Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения / пер. С. П. Баньковской // Социол. обозрение. 2003. Т. 3, № 1. С. 35–37.

10. *Смирнова А. Г., Киселев И. Ю.* Идентичность в меняющемся мире : учеб. пособие. Ярославль, 2002. 300 с.

11. *Столин В. В.* Самопознание личности М., 1983. 288 с.

12. *Филиппова Е. И.* Интервью с Франц Герен-Пас и Изабель Виль // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 58–64.

13. *Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977. 144 с.

14. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.

15. *Элдон С.* Утраченная точка: глобализация, детерриториализация и пространство мира [Электронный ресурс]. URL: http://jkhora.narod.ru/2008-2-04.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

16. *Элиас Н.* Общество инвалидов. М., 2001. 330 с.

17. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Mir_Rossii_1995_no3-4_Yadov.pdf (дата обращения: 03.04.2015).

18. *Яковенко И. Г.* Базовые идентичности и социокультурные основания их трансформации: факторы,тренды, сценарии // Мир психологии. 2004. № 3 (38). С. 28–37.

19. *Allen J., Cochrane A.* Beyond the territorial fix: regional assemblages, politics and power // Regional Studies. 2007. Vol. 41, iss. 9. P. 1161–1175.

20. *Amin A.* Regions unbound: towards a new politics of place // Geografiska Annaler. 2004. Ser. B. Vol. 86, iss. 1. P. 33–44.

21. *Beck U.* Rick Society. Towards a new Modernity. L., 1992

22. *Boås M., Hveem H.* Regionalisms compared: The African and Southeast Asian experience // Comparing Regionalisms / B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel (eds.). L., 2001. P. 93–131.

23. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. P. 1–47.

24. *Castells M.* The power of identity. Cambridge, Mass., 1997.

25. *Curry M.* Digital people, digital places: rethinking privacy in a world of geographic information // Ethics and Behaviour. 1997. Vol. 7, iss. 3. P. 253–263.

26. *Erikson E.* Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / ed. by S. Schlein. N. Y., 1995.

27. *Fialova D., Chromy P.*, etc. The forming of regional identity and identity of regions in Czechia — introduction to the research on the impact of second housing and tourism // Acta Universitatis Carolinae. Geographica. 2010. № 1–2. P. 49–60.

28. *Guibernau M.* The identity of nations. Cambridge ; Malden, 2008

29. *Hall S.* Introduction: Who needs “identity”? // Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall and P. du Gay. Sage Publications, 1996. P. 1–17.

30. *Johnston R. J., Gregory D., Pratt G., Watts M.* (eds.). The dictionary of human geography. Blackwell Oxford, 2000.

31. *Malkii L.* National Geographic: The Rooting of Peoples and the Territorialization on Nsational Identity among Scholars and Refugeers // Culture, Power, Place: Exploration in Critical Anthropology / A. Gupta, J. Ferguson (eds.). Durham, 1997. P. 52–75.

32. *Massey D.* The conceptualization of place // Place in the World / D. Massey, J. Pat (eds). Oxford, 1995. P. 45–86.

33. *Paasi A.* The Resurgence of the "Region" and "Regional Identity": Theoretical Perspectives and Empirical Observations on Regional Dynamics // Europe, Review of International Studies. 2009. Vol. 35, s. 1. P. 121–146.

34. *Stryker S., Stratham E. A.* Symbolic interaction and role theory // Handbook of social psychology. N. Y., 1985. Vol. 1. P. 311–378.

35. *Terlouw K* From thick to thin regional identities? // GeoJournal. 2012. Vol. 77, № 5. P. 707–721.

36. *Yuval-Davis N.* National Spaces and Collective Identities: Borders, Boundaries, Citizenship and Gender Relations: Inaugural Lecture Series. The University of Greenwich, 1997.

Статья поступила в редакцию 14.05.2015 г.

УДК 821.161.1 Лермонтов: 141.21 + 008

Н. Б. Кириллова
Н. М. Улитина

ИСТОКИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье в новом культурологическом ключе дана концепция литературного творчества М. Ю. Лермонтова, которое рассматривается в контексте предыстории русского экзистенциализма как философии бытия. Авторы доказывают, что образы многих литературных и драматических произведений Лермонтова (романтических и реалистических) не только многогранны в идейно-художественном плане, но и глубоки с нравственно-философской точки зрения. Это дает возможность рассмотреть экзистенциальные аспекты творчества Лермонтова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура XIX в.; междисциплинарное исследование; художественное творчество; философия творчества; реализм; романтизм; экзистенциализм; философия жизни.

Актуальность темы исследования и степень ее изученности. Среди гениев слова и мысли в русской культуре первой половины XIX в. особое место занимает Михаил Юрьевич Лермонтов — великий художник (поэт, писатель, драматург,

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru).

УЛИТИНА Наталья Михайловна — аспирант кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: fortunato@mail.ru).

© Кириллова Н. Б., Улитина Н. М., 2015

живописец, мыслитель). В его творчестве затронуты важные проблемы существования человека, смысла его жизни, отражены нравственно-этические принципы, которые отличаются вневременной актуальностью.

Лермонтоведение как самостоятельная отрасль научного знания начинает формироваться еще в прижизненной критике поэта. Среди исследователей жизни и творчества М. Ю. Лермонтова: В. Г. Белинский, С. П. Шевырев, Е. Ф. Розен, П. А. Плетнев, П. А. Вяземский и др. Классиками отечественного лермонтоведения справедливо считаются литературоведы П. А. Висковатов, И. Л. Андроников, М. И. Гиллельсон, Э. Г. Герштейн, О. В. Миллер, Б. Т. Удодов, философы В. С. Соловьев и Н. Г. Чернышевский, культурологи Ю. М. Лотман, А. М. Гуревич, В. А. Мануйлов. Каждый исследователь подчеркивал особую грань лермонтовского миропонимания и таланта. Взаимодействию Лермонтова и европейской культуры и месту поэта в этой культуре уделяли особое внимание П. В. Анненков, В. П. Боткин, А. Д. Галахов, А. В. Дружинин. А. И. Герцен рассматривал Лермонтова как фигуру, типичную для постдекабрьского поколения дворянской интеллигенции. Психологический и философский контекст лермонтовского творчества, воздействие на его лирику философии и эстетики немецкого романтизма и других направлений интересовали И. И. Замотина, Д. Н. Овсянико-Куликовского, С. И. Родзевича. Среди выдающихся деятелей, занимавшихся вопросами лермонтоведения, такие имена, как: Л. П. Гроссман, Т. А. Иванова, К. Н. Ломунов, Н. А. Любович, П. Е. Селегей, У. Р. Фохт и др. По сей день Лермонтов как художник и мыслитель привлекает внимание не только представителей отечественной науки (В. Г. Бондаренко, Л. В. Витковская, В. А. Захаров, В. Г. Москвин, А. А. Остахов, Л. А. Ходанен, Т. К. Черная), но и иностранных специалистов (А. Карбоне, А. Мейер-Франц, А. Ямадзи) и др. Среди исследователей личности и творчества поэта — литературоведы и философы, культурологи и историки, искусствоведы, психологи, эстетики и др., что свидетельствует о междисциплинарном характере лермонтоведения как науки.

Однако в научной литературе в настоящее время нет ни одного комплексного, системного труда, освещающего те экзистенциальные проблемы, которые были подняты Лермонтовым (уникальность человеческого бытия; способность человека к трансцендентному познанию мира; отношения в системе антитез «жизнь и смерть», «добро и зло»; дилеммы «человек и Бог», «человек и природа», «человек и общество»; проблемы ответственности и т. д.). Отсутствуют самостоятельные исследования и монографии по указанной теме, если не брать во внимание единичные работы по близким, смежным темам, затрагивающие, как правило, только небольшую часть всего комплекса лермонтовских воззрений, касающихся фундаментальных аспектов человеческого бытия: В. Г. Белинский подчеркивал величие человека в «Герое нашего времени», Д. С. Мережковский констатировал появление образа сверхчеловека; М. В. Фролова и А. Любинский анализировали проявления и следствия вседозволенности лермонтовских героев; В. И. Мильдон, В. В. Перемиловский, Н. Б. Тетенков и В. В. Лашов проводили параллели между философскими воззрениями М. Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора; Т. Т. Уразаева, А. Л. Рубанович, И. А. Гуревич исследуют нравственно-этические

аспекты лермонтовского творчества; Л. Н. Вольперт, С. Н. Левагина — «странных людей» эпохи.

Объектом нашего исследования является культурологический аспект творчества М. Ю. Лермонтова; предмет исследования — истоки экзистенциализма в творчестве М. Ю. Лермонтова. **Цель данной статьи** состоит в том, чтобы осмыслить экзистенциальные аспекты в творчестве Лермонтова, рассмотрев предысторию экзистенциализма и основные особенности этой философской концепции.

Одной из **главных задач** исследования является ответ на вопрос: что объединяет творчество Лермонтова с философией экзистенциализма? В XIX в., «веке философствующего духа», произошло слияние философии и литературы. Новые философские мысли о человеке, его выборе и достоинстве, его бытии и осознании своей личности С. Кьеркегор назвал «экзистенциальными», став основоположником экзистенциализма как нового философского направления [5, *290–291*]. Датский философ, протестантский теолог и писатель Серен Кьеркегор, находясь у истоков экзистенциализма, дал определение складывающейся новой актуальной философской концепции. Творчество Кьеркегора, провозглашающее иррационалистическую природу человеческого бытия, обращенное к интимно-личностным переживаниям и рефлексии самонаблюдения, неразрывно связано с его личной жизнью, что можно справедливо сказать и о творчестве Лермонтова.

В статье «Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели» профессор ВГИКа В. И. Мильдон сопоставляет литературно-философские сочинения С. Кьеркегора и его современника Лермонтова. Сходство во многом: в отрицании неблагоприятных условий жизни, в личной трагедии, в чувстве одиночества и в отражении своих дум и переживаний в дневниках. Оба писателя показали двойственность внутреннего мира человека. Чтобы никто не узнал, о чем думает герой и что собирается делать, он надевает «маску». Схоже судят писатели и о любви, даже изображения женских портретов у них одинаковы. Герои хотят счастья, свободы, они не желают быть связанными семейными обязательствами. У Лермонтова «жизнь ненавистна, но смерть страшна». И у Кьеркегора человек одинок перед страхом смерти («Болезнь к смерти», 1849), он заброшен в безнадежный мир, незащищен [9, *184–185*]. Печорин говорит, что его сердце пусто, потому что он потерял надежду, ему скучно. «Вот причина экзистенциальной философии», — сказал бы Кьеркегор. Л. И. Шестов считает, что Кьеркегор — первый из европейских умов, взглянувший с этой точки зрения на человеческое бытие. А Лермонтов первый в русской литературе описал эти ощущения, чувства и мысли человека.

Философы-экзистенциалисты рубежа XIX–XX вв. (как отечественные — Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, так и европейские — М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс и др.) стремились понять бытие как нечто непосредственное и отказывались от чисто интеллектуального познания мира, от рационалистического понимания. Бытие, согласно экзистенциализму, не есть ни эмпирическая реальность, данная нам во внешнем восприятии, ни рациональная конструкция, предлагаемая научным мышлением, ни «умопостигаемая сущность» идеалистической философии. Бытие можно постичь лишь на интуитивном уровне. Именно

через собственные переживания человек познает этот мир. Бытие такое, каким человек его ощущает. В экзистенциализме онтологический смысл переживания направлен на нечто трансцендентное самому переживанию, понимание смысла бытия связано с иррациональностью. Главное определение собственного бытия, именуемого экзистенцией, — это незамкнутость, открытость. И отсюда другая важнейшая характеристика экзистенции — трансцендирование, т. е. выход за свои пределы. Но многие представители данного философского направления подчеркивают, что человеческие чувства нельзя понять интеллектуально, а потому относят их к сфере «таинств». Такие фундаментальные понятия для бытия личности, как жизнь, смерть, страх, совесть, свобода, напрямую связаны со смыслом человеческого существования, потому поиск этого смысла в мире, изначально невечном, неидеальном, а для некоторых экзистенциалистов — даже абсурдном, — важная задача экзистенциализма как способа миропонимания и самоосмысления.

Подобные проблемы встают перед человеком, живущим на стыке эпох, на границе разных социальных и культурно-исторических типов, когда кризис привычной системы миропонимания приводит внутреннее душевное состояние личности к конфликту. Именно такие вечные вопросы ставили перед собой мыслители-экзистенциалисты, представители возникшего в начале XX в. нового философского направления, провозгласившего иррациональность человеческого существования, ценность человеческой личности, сочетающей в себе изначальную неповторимую уникальность с драматизмом осознания конечности собственного бытия. Эти же вопросы в первой половине XIX столетия, задолго до появления экзистенциализма как философской концепции, волновали и Лермонтова, чему способствовала политическая и социальная ситуация николаевской эпохи, те историко-культурные обстоятельства, в которых поэт жил и творил.

Лермонтов, безусловно, был знаком с типами «странных людей» (определение С. Кьеркегора) на Западе и в России, шагнувших дальше в своем развитии, чем их современники. Одаренные, интеллектуальные, неудовлетворенные духовным рабством человека, «странные люди» искали и не находили выход. Крушение их идеалов, страдания, безверие, безысходность, скептицизм приводили одних к гибели, других к борьбе и бунту, отрицанию и одиночеству, третьи находили выход в эгоистическом индивидуализме, пусть временной и жестокой, даже гибельной победе над другими, во вседозволенности. На Лермонтова повлияла не только реальность постдекабрьского периода, но и произведения многих авторов (зарубежных: Байрона, Гейне, Гете, Гюго, Шиллера, и отечественных: Чаадаева, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, А. и В. Одоевских, поэтов-декабристов и др.).

Рассмотрим ряд экзистенциальных проблем, которые являются ведущими в творчестве М. Ю. Лермонтова.

Уникальность человеческого бытия

Представители экзистенциализма считали человека уникальным творением Вселенной. Он разумен, осознает свое существование, познает свое внутреннее «я» (М. Хайдеггер). «Утверждение человеческой личности было тем идеалом,

которому М. Ю. Лермонтов оставался верен всю свою жизнь» [14, *149*]. Человек обладает разумом, но не холодным, как в классическом понимании И. Канта, а живым, отличающимся воображением, действием. Для поэта «венец прекрасного» в жизни — человек. Так, В. Г. Белинский, оценивая роман Лермонтова «Герой нашего времени», вывел лермонтовскую формулу человека: «...живой человек представляет собою... особый и замкнутый в самом себе мир: его... единый организм... единое неделимое существо — индивидуум... Человек... высшее и поразительное зрелище... слит с природой и тайною жизни... он во всем, вне себя... великое все нашло в нем свой орган, отделившись в нем от самого себя, чтобы взглянуть... вне себя... и осознать себя» [3, *561*].

Романтическим образом Мцыри Лермонтов объявил о своем идеале, это образ гармоничного человека, чья воля, воображение, дух и физические силы будут отданы патриотическим целям, долгу. Черты настоящего человека мы видим во многих произведениях Лермонтова (в первую очередь это поэмы: «Мцыри», «Сашка», «Измаил бей», «Каллы», «Хаджи Абрек»; пьесы: «Странный человек», «Маскарад»; среди прозаических произведений на первом месте, конечно, роман «Герой нашего времени»). Образ защитника вольности и свободы всегда привлекал Лермонтова.

Человек у Лермонтова — гордая Личность, богатая духовная натура, он — велик! Д. Л. Андреев в «Розе Мира» так охарактеризовал Лермонтова: «Миссия Лермонтова — одна из глубочайших загадок нашей культуры. С ранних лет — неотступное чувство собственного избранничества, какого-то исключительного долга, довлеющего над судьбой и душой; феноменально раннее развитие будущего, раскаленного воображения и мощного, холодного ума; наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств; пронизывающий насквозь человеческую душу суровый и зоркий взор... высшая степень художественной одаренности при строжайшей взыскательности к себе... <...> нечто и в самом деле титаническое» [1, *518*]. Лермонтов представляет человека таким, каков он сам:

...Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

(*«Стансы к Д***», 1831*)

Лермонтов глубоко осмысливает тему «человек и его бытие», которая проходит через все его творчество.

Трансцендентальное познание мира

Важным экзистенциальным аспектом является познание человеком мира через себя, свой опыт, свою экзистенцию, свои ощущения, свои чувствования. Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс выдвигают метод непосредственного,

интуитивного постижения реального мира. Созерцая мир, человек познает вещи, природу, космос, перемещаясь в них трансцендентально. Лермонтов, подобно И. Канту («Звездное небо надо мной и моральный закон во мне»), утверждает, что дом человека везде — это земля, небо, вся Вселенная. Мысли о вечности, о гармонии, о человеке, затерянном в этой громадной Вселенной, волновали Лермонтова. Д. С. Мережковский так говорит о «Демоне» Лермонтова: «Это попытка выразить глубокий опыт души, и... мистицизм его другой — его духовное зрение, слух и глубинная память, дар созерцания космических панорам, дар постижения человеческих душ — приоткрыты с рождения, и через них в сферу сознания просачивается вторая реальность, а не фантастика» [8, *349*]. Коснувшись трансфизического корня вещей, Д. С. Мережковский «имманентному» миру А. С. Пушкина противопоставил «трансцендентальный» мир М. Ю. Лермонтова, утверждая, что последний находился в «интимной» связи с таинственным запредельным миром, опыт вечности окрашивает его мироощущения. Это также доказывает экзистенциальность ощущений Лермонтова-философа, которые предполагают и трансцендентность — выход за пределы себя, своего бытия, за рамки эмпирического познания, «опыта», как уже было отмечено. Такой подход иллюстрирует обращение Демона к Тамаре:

...В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края...
<...>
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам...
<...>
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой...

(*«Демон», 1839*)

Человек и природа

В творчестве Лермонтова мы наблюдаем слияние с природой. Арсений, герой поэмы «Боярин Орша», умел жить «с природой жизнию одной», Мцыри был «братом бури». Но поэт не может, даже в мечтах, поменять свой земной жребий на блаженство растворения в природе: ведь он Человек! Лермонтов и восхищался природой, и не забывал, кто он, и оставался самим собой. Природа, вызывая определенные ощущения, мысли, состояния человека, подталкивает его к действиям:

...Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на Земле,
И в небесах я вижу Бога...

(*«Когда волнуется желтеющая нива», 1837*)

Человек и природа едины. Поэт видит в природе сложное сочетание свободы, красоты, счастья и жизненной силы, многогранная диалектика жизни природы и человека в центре его внимания. Через природу поэт передает тревогу души, страдания человека, природа воспринимается им в гармонии с человеком.

Определив земные границы бытия человека, Лермонтов обращается к самому «жильцу», который обладает способностью «измерять далекий путь», измерять «не взором, но душой». Душа проявляется в чувстве:

...Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
Объемлет в краткий миг оно...

(*«Мой дом», 1831*)

Лермонтов определил «пространство без границ», в отличие от И. Канта, который отрицал за видимыми звездами пространство и время. Лермонтов подчеркивал материальность мира, существование материальных тел (планет, звезд и т. д.) в невидимой части Вселенной. Герой Лермонтова не созерцает «свой дом», а живет в нем. Лермонтовский человек одарен великой силой постижения, познания. В поэме «Сашка» картина Космоса соединена с картиной «вечности»:

...О вечность, вечность! Что найдем мы там
За неземной границей мира? — Смутный,
Безбрежный обман, где нет векам
Названья и числа; где бескрайны
Блуждают звезды вслед другим звездам...

(*«Сашка», 1835*)

Душа героев Лермонтова — микрокосмос с законами бесконечной Вселенной. Демона угнетает, что он не знает цели своего движения, он стремится к познанию и становится «царем познанья и свободы». Герои Лермонтова, как утверждает Д. С. Мережковский, «выходят за пределы непознанного», с небес смотрят на землю, хотят ее познать. Мережковский определяет источник любви Мцыри, его земной страсти как «нездешней», как «неземную любовь к земле». Человек Лермонтова с небес смотрит на землю, но и с земли обозревает небо, он везде, везде его «дом»:

...Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел....

(*«Небо и звезды», 1831*)

Любовь к природе, слияние с нею ассоциируется у поэта с жизнью, а разлад с природой переживается как трагедия.

Черта внутренней жизни Лермонтова — непрерывная текучесть, движение. И в пространстве все движется, течет, вечность миров пребывает в движении, изменении. Через всю поэму «Демон» проходят картины необозримой Вселенной: «кочующие караваны в пространстве брошенных светил», «воздушный океан»,

«пространство синего эфира», «хоры стройные светил» «тихо плавают в тумане»; в своих странствиях Демон встречает «бегущие кометы».

Герои Лермонтова выходят за пределы непознанного. И только в мгновения душевной просветленности, в моменты осознания полноты бытия и своей всемирной причастности человек осознает неповторимую ценность своего «я». Земное и небесное — ключевые символы мироощущения. Лермонтов превращает их в критерии самопознания, опорные точки «я» во Вселенной.

Человек и Бог

Данная тема представлена у Лермонтова в развитии. Человек постоянно обращается к Богу, просит защиты от страданий и несправедливости, но при этом беседует с Богом на равных, задает вопросы, требует ответа, в его словах даже звучат нотки богоборчества.

Лермонтов всегда оставался глубоко верующим человеком. Поэт признавал Бога, любил его, верил в него и, постоянно ставя перед ним сложные, неразрешимые, казалось бы, вопросы, не обвинял, а просил защиты. Лермонтов, признавая исключительное право человека на свободу мысли и поступков, возводит его до уровня прямого общения с Богом, а Бога приравнивает к человеку и призывает к ответу за зло, неизбежно присутствующее в мире, бунтует, ищет выхода.

Герои Лермонтова вопрошают Бога: «Почему так, а не иначе устроен мир?» Ангел выступает против Бога («Демон»), его мечты о приобщении к добру, единении с миром заканчиваются трагично, что свидетельствует о несовершенстве мироздания. «С небом гордая вражда» связана с невозможностью понять разумом мир Божий. «Правосудие Божье» в судьбе Печорина — горький упрек небесам, их равнодушию к судьбам и правам человеческой Личности. Цель мечтаний Печорина — «отрада бытия», которую он не обнаружил ни на одном уровне небесно-земной иерархии. К идее мирового зла и его отражения в религии Лермонтов пришел не умозрительно, он заплатил за это кровью своего любящего сердца.

Игумен Нестор (Кумыш) в своей книге «Тайна Лермонтова» рассказывает о многих его «тайнах»: «Когда поэту было всего 16 лет, в нем обнаружилась еще одна способность, жить с которой в человеческом обществе весьма обременительно: в нем открылась способность пророческого предвидения будущего. Поэт предвещает России падение самодержавия и то страшное, гибельное разрушение, которое она претерпит в годы революции: “Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...”» [4, *12*].

Особые противоразумные силы лежат в основе мироощущения Лермонтова: могущество его мысли — это не просто сила абстрактного мышления, у Лермонтова это понятия личные, человеческие. Иррациональный способ его мышления проявляется в глубинных сущностных связях. Так, В. А. Архипов указывает, что «в Печорине не два, а пять человек: один наблюдает, другой анализирует, третий действует, четвертый пишет дневник, пятый разговаривает с читателем... Да и Печорин сам нуждается в объяснениях, поэтому себя проверял на Максиме Максимовиче, а тот схватывал сразу всех Печориных» [2, *444*].

Лермонтов воспринимал мир субъективно, через себя, через личный опыт — все то, что предопределено свыше:

...Мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит...

(*«Дереву», 1830*)

Иррационалистическое мышление соотносится с экзистенциальными мыслями. Как определяет философия человека, идет постижение бытия через «себя», личное ощущение, через личный опыт, интуицию, разум.

Проблемы жизни и смерти

Человек осознает конечность своего бытия, и в этом сконцентрирован драматизм его переживаний. У Лермонтова тема жизни и смерти прослеживается во всем его творчестве и выражается в целой гамме чувств. Смерть — бессмысленное поглощение мирозданием человеческой индивидуальности. Противник войн, Лермонтов восхищается геройской гибелью во имя Родины, свободы, справедливости, любви: это гордая и благородная смерть. Умом Лермонтов хочет понять свою кончину, он не боится смерти, просто боится, что не успеет совершить задуманное. И все же жаль умирать и расставаться с миром. «Я жить хочу, хочу печали...», — пишет поэт. Он восклицает:

Как Землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно...

(*«Земля и небо», 1831*)

Поэт-пророк предчувствует свою скорую кончину, можно сказать, что все творчество поэта — ожидание ранней гибели. Что такое смерть и что за нею? Трансцендентное перемещение в «иной мир», связь его с «земным»? Поэт грустит о бренности бытия, рисует страшные картины перехода в мир иной. Бесспорно, что интерес Лермонтова к проблемам жизни и смерти, мистическим явлениям объяснялся складом его характера, мировоззрением. Поэт жалуется, что умирает, а возлюбленная не приходит к нему, или говорит, что «долго и нежно» любившие друг друга люди «в мире новом друг друга... не узнали». Смерть — это роковая тайна, не вмещаемая человеческим разумом, и Лермонтов стремится не к разгадке, а к более глубокому ощущению тайны смерти. Трагизм Лермонтов видит в невозможности личного бессмертия, в бесследном исчезновении личного «я»:

...Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно...

(*«1830. Майя. 16 число»*)

Человек и общество: свобода или вседозволенность?

Зрелость личности поэта — в переоценке ценностей, разрешении внутренних противоречий, постижении закономерностей бытия. Д. Л. Андреев в «Розе Мира» говорит, что «богоборческая тенденция у Лермонтова — не только в мистическом опыте глубинной памяти, но и в слое сугубо интеллектуальном, в слое повседневных действительных проявлений, в жизни» [1, *521*]. Никогда до Лермонтова человеческое достоинство не распрямлялось во весь исполинский рост и любовь не заявляла о себе с такой силой и благородством. Лермонтов во всем своем творчестве поет гимн величию человека, его праву на свободу, равенство, счастье.

В раннем экзистенциализме утверждается, что человек индивидуален. У Лермонтова же человек неотделим от мира, природы, общества.

...Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...

(*«Как часто пестрою толпою окружен...», 1840*)

Разочарование, протест, отрицание, страдание от произвола сообщали его поэзии трагический характер. В. А. Архипов подчеркивает глубину потрясения Лермонтова — «человека и поэта от безнравственности “света”, от печальных зрелищ холопства. Гордость и достоинство человека-поэта не позволяет ему приспосабливаться и выводит его на путь борьбы. Нужно и мечтать о свободе, и бороться за счастье, достоинство, права человека» [2, *472*].

Исследование познания внутреннего мира героев позволяет размышлять Лермонтову о причинах преступлений и их последствиях. Вседозволенность, эгоизм и индивидуализм, безответственность ведут к трагедиям. Так, если проанализировать параллели между героями Лермонтова и Достоевского, можно по-разному осмыслить их поступки, приводящие к душевным терзаниям. Все это заставляет размышлять читателей на актуальные во все времена темы: что толкает человека на преступление, из чего рождается чувство вины за содеянное, как понять и трактовать голос совести, где заканчиваются границы человеческой свободы, в чем различие понятий «свобода» и «воля» и т. д.

Лермонтов наметил анализ причин злых и жестоких поступков неудовлетворенного жизнью Печорина. Достоевский эту психологию преступления довел до совершенства. Его интересовал процесс: как становятся преступниками (Раскольников и другие) и жертвами (князь Мышкин и другие). Но это не развитие личности, не становление мыслей и чувств, а борьба «двух начал» в человеке, ведущая к разрушению.

Печорин ставил вопросы о цели человеческого бытия и смысле жизни: «Зачем я жил? Для какой цели я родился?» Герой Достоевского вопрошает: «Обычный я человек или гениальный, как Наполеон? Позволено ли мне управлять жизнью других?» Достоевский увидел в Печорине черты эгоистического индивидуализма и еще ярче, жестче развил их в образах Раскольникова и братьев Карамазовых. У Лермонтова тема свободы выразилась в богоборчестве, которое обернулось

для Печорина покинутостью и незащищенностью. Мотивы демонизма как источника бунтарства звучат и у Достоевского (Раскольников, дьявольские двойники — Н. Ставрогин в «Бесах» и Иван Карамазов), и у Лермонтова (черт из «Сказки для детей» и Демон). Герои Лермонтова и Достоевского понимают, что нужно действовать, чтобы возвыситься над злом. Лермонтовский Вадим видит счастье в борьбе, а Раскольников вернется к Богу. «Экзистенциальная диалектика гуманизма Достоевского — это путь к добру, красоте, любви, свободе, это нравственность и гармония человеческого бытия», — подчеркивает Н. А. Бердяев. Но у Достоевского вера в Бога переходит в зависимость от Бога, что приводит к внутренним конфликтам и снова к несвободе. Достоевский пришел к вере в Бога, а Лермонтов — «человек не от мира сего, — как говорил В. Д. Спасович, — забросивший к нам откуда-то с недосягаемой высоты свои чарующие песни, был связан с вечностью, Вселенной».

Т. Т. Уразаева пишет: «Нельзя познать себя, не выходя за пределы собственного сознания. Надо научиться видеть себя со стороны, трансцендентально». Сравнительный анализ основных направлений творчества М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского показал, что в произведениях последнего слышны отголоски экзистенциального лермонтовского мировидения. Д. Л. Андреев в «Розе Мира» установил, что Лермонтов первый в русской литературе развил психоанализ, создал целую философию внутреннего мира человека, раскрыв диалектику души. Психологическое наследие Лермонтова углубил Достоевский. Оба писателя показали причины вседозволенности и ее следствие, причины преступления против личности человека. Оба верили в торжество гуманизма, нравственных принципов и подлинной свободы во имя счастья человека.

Ценность человеческой личности

Человек у Лермонтова борется за свободу жить и действовать, борется за достоинство личности. Такие важные жизненные аспекты, как гуманность, права человека, свобода и ответственность за свои действия, любовь, нравственность, способность творить свою судьбу, — все это показано в гармоничном единстве и развивается, раскрываясь во всей полноте содержания.

Исследователь Б. Т. Удодов так, к примеру, характеризует философские размышления Печорина: «Он прослеживал путь постижения истины развивающейся жизни. Сталкиваются между собою противоборствующие позиции, ум не признает ложного, но в каждом есть своя истина и своя доля лжи. Вместе же обе позиции образуют новое, целое понятие. Движется и изменяется жизнь, герои Лермонтова тоже изменяются и внешне, и в душе» [12, *136*]. Мятежные герои Лермонтова утверждают самоценность «земного» бытия человека. У человека должна быть возможность выбора в мыслях, действиях.

Для Лермонтова личное, сознательное, разумное в человеке — «лучший цвет» его жизни. Мир его жизни — это его идеалы, внутренние чувства, переживания, ощущения. Что такое дух, истина, жизнь человека? Внутри самого человека, таинственном святилище — возможность решения вопросов, которая называется

предощущением, предчувствием, чувством, внутренним созерцанием, внутренним ясновидением истины, врожденными идеями.

Человек свободен в своих поступках, но и ответственен перед миром — так трактует действия экзистенциализм. Лермонтов диалектически рассматривал и бытие человека, и развитие его чувств, и природу его «физического состава», с чем связаны такие утонченные явления духовной жизни человека, как разум, воля, воображение и т. п. Ф. Шеллинг воспринимал бытие человека как бытие духа, проявляющегося в созерцании, само мышление он связывал только с «интеллектуальной интуицией». Лермонтов же чувствовал реальность жизни и говорил, что «жизнь моя — это я сам...».

Личность обладает самосознанием, любое действие ее несет отпечаток тождественности самому себе, в которой человек себя определяет и утверждает, обнаруживая свою уникальность и незаменимость. Личность обладает душой, свободой мысли, выходя за пределы Вселенной, она открыта миру, развивается, эволюционирует, испытывая на себе ход времени. Человек через свою свободу управляет своей деятельностью, своим творчеством осознанно, он обладает талантом. Господствующий тонус творчества поэта — жизнелюбие, ничего прекраснее жизни, интереснее он не знает. Его герои жаждут счастья, за которое борются; их любовь — сущность гуманизма, она должна нести добро людям. Нежно и трепетно относится поэт к детям, с теплотой говорит о дружбе.

Лермонтов, зная философские системы многих великих мыслителей прошлого, выбирает свой путь понимания прекрасного. Это человек, природа, искусство, гармония, гуманизм, любовь и дружба . Мечтают о счастье и гармонии в жизни почти все герои поэта: «...и счастье я могу постигнуть на земле...», «он был рожден для них, для тех надежд, поэзии и счастья...». Поднятые в юности вопросы о назначении человека и его месте в мироздании проходят через все творчество Лермонтова. Утверждения духовной свободы человека, его нравственной суверенности, неисчерпаемости человеческой личности сочетались у Лермонтова с постоянным интересом к индивидуалистическому сознанию. Нравственно-философская проблематика лермонтовского творчества во многом определяет перспективу становления русского романа (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой), драматургии (А. П. Чехов), живописи (М. А. Врубель) в контексте развития отечественной культуры.

Экзистенциалисты (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер и др.) учили, как нужно ценить единственность личности: «я» требую к себе внимания, «я» — хозяин своей жизни. Цель поэта в жизни — его творчество.

Анализируя философские размышления Лермонтова по важным вопросам бытия человека, нам удалось выявить истоки экзистенциализма в его творчестве: это философское осмысление человеком своего бытия, свобода выбора мыслей и действий, ответственность за свои поступки; познание мира через свои ощущения, осознание конечности своего «я»; внутреннее одиночество; ценность человеческой личности. Важное место в творчестве Лермонтова занимают самопознание и психоанализ, понимание жизненных целей и места в мире.

Таким образом, нравственно-философские проблемы, рассмотренные М. Ю. Лермонтовым в его произведениях, актуальны и сегодня. Обращение

к личности этого великого художника предполагает системный анализ новых аспектов его творчества, в том числе экзистенциальных, что объясняется не только формальной причиной — 200-летним юбилеем. Причина — в синтезе разных наук, обращенных к творчеству Лермонтова. Он — философ, и знакомясь с его творениями, мы постигаем особенности мировосприятия их создателя. Экзистенциальный характер мировоззрения и творческого наследия Лермонтова можно справедливо заключить в созданную им емкую формулу смысла человеческого бытия:

...Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей...

(*«Мы случайно сведены судьбою...», 1832*)

1. *Андреев Д.* Роза Мира. М., 2009.
2. *Архипов В. А.* М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М., 1965.
3. *Белинский В. Г.* Статьи и рецензии (1834–1841) : в 3 т. / ред. Ф. М. Головенченко. М., 1948. Т. 1.
4. *Игумен Нестор (Кумыш).* Тайна Лермонтова . СПб., 2011.
5. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Избранное / пер. П. Ганзен. Ростов н/Д, 1998.
6. *Лермонтов М. Ю.* Стихотворения // Собрание сочинений : в 4 т. М., 1975. Т. 1.
7. *Лермонтов М. Ю.* Поэмы и повести в стихах. 1828–1841 // Собрание сочинений : в 4 т. М., 1975. Т. 2.
8. *Мережковский Д. С.* М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2002.
9. *Мильдон В. И.* Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели // Октябрь. 2002. № 4.
10. *Нитченко А.* Образ Лермонтова в поэзии // Материалы Шестых Лермонтовских чтений. Ярославль, 2007.
11. *Рубанович А. Л.* Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова. Иркутск, 1968.
12. *Удодов Б. Т.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989.
13. *Уразаева Т. Т.* Философско-эстетические проблемы художественного развития М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995.
14. *Фохт У. Р.* Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения (1814–1964). М., 1964.
15. *Шестов Л.* Сочинения. М., 1995.

Статья поступила в редакцию 11.06.2015 г.

УДК 7.04 + 159.937.522

Т. М. Степанова
А. В. Степанов

ИКОНИКА. МОТИВИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ИКОНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОБИРАТЕЛЬСТВО, РАЗНООБРАЗИЕ, НОВИЗНА

В статье предлагаются аспекты рассмотрения мотивирующих факторов целостной визуальной деятельности человека в рамках психологии, этологии и культурологии. Данные аспекты, по мнению авторов, имеют значение для понимания целей и задач визуального образования, поскольку в них прослеживаются причинно-следственные связи, обусловливающие визуально-деятельные процессы. Интегральный подход к исследованию мотивации визуальной деятельности обращен одновременно и к аналитическому разделению (психология, этология, культурология), и к синтезу в рамках иконики как методологии целостной визуально-продуктивной деятельности человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иконика; этолого-психологическое взаимодействие; визуально-моделирующая и визуально-объектная деятельность; собирательство; разнообразие; новизна.

Рассматривая *иконику* как интегральную методологическую область теоретико-практического характера, содержащую в компактном виде базовую информацию об иконической (визуально-моделирующей, визуально-объектной) деятельности, целесообразно обратиться к выявлению аспектов, которые исходят из глубинных причинно-следственных связей, определяющих этот вектор познавательно-творческой бытийности человека.

В структурном аспекте познавательно-творческая бытийность представляет собой систему, характеризуя которую, психолог Я. А. Пономарев выделяет:

— продукты высшей и низшей форм;

— взаимоотношения психологического и физиологического;

— строгую закономерность ряда относительно простых физиологических процессов, составляющих взаимоотношения с психологическими, и такую же закономерность психологических процессов в отношении к социологическим законам [11, с. 385–386].

Эти системные причинно-следственные связи прослеживаются в *этолого-психологическом взаимодействии*. На основе данного взаимодействия можно в той или иной степени усмотреть визуально-познавательную и визуально-моделирующую стратегии поведения человека в окружающем мире, выявить базовые законы и закономерности этих стратегий.

СТЕПАНОВА Татьяна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: S49@list.ru).

СТЕПАНОВ Александр Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дизайна интерьера Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: S49@list.ru).

© Степанова Т. М., Степанов А. В., 2015

Это позволяет получить ответ или приблизить возможность ответа на такие определяющие вопросы, как: в чем заключается сущность художественного и проектного творчества? Каково значение визуально-моделирующей деятельности для социума? Каким образом осуществляется развитие человека как индивида, субъекта и личности в рамках визуально-моделирующей деятельности? А также другие, связанные с художественным и проектным творчеством вопросы.

Этология (от греч. *ethos* — характер, нрав) как научная дисциплина, исследующая врожденные «пусковые механизмы» видоспецифического поведения живых организмов, импринтинга инстинкта, инстинктивного действия, парадигмальные паттерны, является основой социобиологии, что позволяет в рамках этологии раскрывать специфику генетически обусловленных компонентов различных эволюционных процессов, в том числе и связанных с человеком (Тинберген, И. Эйбль-Эйбесфельдт, Дж.Крук и др.).

Этология экспериментально доказала «врожденность», «инстинктивность» некоторых форм поведения, что связывает этологию с психологическими школами исследования поведенческой специфики. Базовая этологическая концепция предполагает формирование в онтогенезе стереотипных последовательностей тех или иных действий, осуществляемых без специального обучения («врожденные инстинктивные движения», по Лоренцу).

Этологический подход к визуально-моделирующей (а также визуально-объектной) деятельности человека в современной науке не нашел своего научно-теоретического обозначения, а стало быть, и обоснования.

Здесь сделаем уточняющее разграничение смыслов и специфики *визуально-моделирующей* и *визуально-объектной* деятельности.

Визуально-моделирующая деятельность обусловлена необходимостью воспроизведения того или иного объекта в приемлемом уменьшении (уменьшенном виде), с использованием соответствующих материалов, с целью достижения конгруэнтности (совпадения) характеристик, качеств, свойств и т. д. формируемой (создаваемой) модели с существующим или будущим реальным объектом. Визуальное моделирование по целеполаганию, соответственно, определяется или *воспроизводящим*, или *проектным*. Воспроизводящее моделирование является *миметическим*, *копийным*, *замещающим*, служащим необходимости изучения объекта, его презентации, запечатления основной, целостной или частичной информации об объекте. В свою очередь, проектное моделирование — это специфическая деятельность, связанная с «броском вперед» — проектированием, т. е. сущностным проявлением человеческих свойств, дающих человеку возможность «отрыва» от существующих реалий предметного мира, преодоления генетических, инстинктивно выраженных программ воспроизводящего характера и выхода в плоскость, область неизвестного, нового, обусловленного потребностями человека, его интенциональностью, мотивацией к преодолению, прорыву в неизведанное.

Еще К. Маркс утверждал, что даже самый посредственный архитектор отличается от пчелы, строящей свой дом повинуясь инстинкту, тем, что он, прежде чем строить, представит свой план в уме и на бумаге. Добавим, т. е. в модели, осуществив акт визуально-проектной деятельности.

Визуально-проектное моделирование — это один из важнейших видов системы моделирования вообще. В нем находят выход *потребности человека* в гармоничном формировании окружающей среды, создании устойчивых предметных систем, структурированных сообразно аксиологическому аспекту рассмотрения действительности.

Визуально-моделирующая деятельность находит свой выход в деятельности визуально-объектной, являясь ее составной частью, первичным продуктом проектного творчества, прообразом и моделью будущего визуального объекта.

Визуально-объектная деятельность — это самое значительное поле деятельности человека вообще. Продукты визуально-объектного творчества и производства составляют весь исторический пласт материально оформленных объектов культуры: орудийных, производственных, бытовых, художественных и др. В него можно включить, кстати, и материальный результат визуально-проектной деятельности, т. е. завершающий продукт — чертеж, макет, план и т. д. Это тем не менее не снимает необходимость выделения визуально-проектной деятельности в особый пункт типологического характера.

Обширность и разновекторность визуально-объектной деятельности, а именно ее отнесенность к сфере техники, архитектуры, строительства, производства бытовых товаров, художественных объектов (картин, скульптур, декоративных изделий и т. д.) и других материализованных форм, связана с разнообразием не только самого «ассортимента предметов-объектов», но и со спецификой визуально-мыслительной деятельности в каждом из направлений. Так, инженерное творчество требует большей интегрированности визуально-перцептивной работы с логическими процессами; творчество архитектора, дизайнера предполагает интегральное включение перцептивной, логической и образной сфер мышления; художественное творчество во главу угла ставит эмоциональную сферу, подчиняя ей логическое мышление, и т. д. и т. п.

В творческо-созидательных процессах, связанных с визуально-объектной деятельностью, возникают и реализуются различные комбинации, которые включают в совместную (синергетическую) работу те или иные необходимые области, участки, точки головного мозга, что в совокупности создает специфический «образ деятельности», его особую структуру и содержание.

Системность рассмотрения социологических, психологических и физиологических процессов визуально-моделирующей деятельности следует связать с социологическим уровнем, представленным в нашей теме таким понятием, как *культурное взаимодействие,* в экспозиции которого прослеживаются органично воздействующие психолого-физиологические факторы (собственно психологического и этолого-психологического характера).

Культурное взаимодействие как особый вид связей и отношений, формирующийся в процессе взаимообмена культурными идеями и ценностями, в рамках практик визуально-моделирующей деятельности приобретает в настоящее время актуальность как для теории, так и для самой практической деятельности.

Рассматриваемые в теории виды культурного взаимодействия: *нейтральный,* демонстрирующий раздельное сосуществование культур; *альтернативный,*

фиксирующий активную экспансию и вытеснение сталкивающихся друг с другом культурных ценностей и стандартов; *конкурентный,* несущий в себе состязательность и конфликтность, сегодня не раскрывают в полной мере реально существующие взаимодействия в совокупном поле восприятия визуально-презентованных объектов. К нейтральному, альтернативному и конкурентному видам культурного взаимодействия сегодня следует причислить и *синергический.* Данный вид взаимодействия обусловлен направленностью к интегральности, синтезу, системному состоянию. Например, отчетливо прослеживается стремление визуально-моделирующих практик к пополнению своего проектного арсенала за счет использования идей и форм «других» проектных практик (аудиальных, кинестетических и др.).

Проследить это можно в любых видах визуально-моделирующих практик: графических, интерьерных, архитектурных, модельных, индустриальных и др. Внимание визуально-моделирующих практик к культурным ценностям несет в себе черты и признаки явной интеграции, поскольку достижения и специфические формы всеобщего культурного контекста быстро распространяются и усваиваются (в той или иной мере). Безусловно, что в связи с этим говорить о протекании процесса формирования новой, интегральной проектной культуры надо с известной мерой допущения, так как процесс интеграции находится в начальной стадии и пока еще далек от состояния целостной системы общекультурных связей и взаимодействий.

Вместе с тем в сложившейся в сфере визуально-моделирующей деятельности (и вообще проектной культуры) ситуации есть смысл отметить в первую очередь позитивные культурологические аспекты: толерантность и интерес к ценностям различных культурных систем, отказ от абсолютизации и завышенной оценки собственных культурных ценностей, а главное — признание ценностного многообразия. Причем здесь следует подчеркнуть, что это в большой степени тот обмен культурными идеями и ценностями, который заявлен в так называемом диалоге культур и который концептуально «выступает как диалог потенциальных возможностей тех или иных культур, стремящихся обнаружить в общении с другими культурами бесконечные резервы своего собственного существования» [3, *172*]. Данный диалог в рамках визуально-проектной культуры постепенно приобретает доминанту интереса к своему «культурному визави», а также импульсивно реагирует на открывающиеся культурные идеи и ценности. Так, в системе визуально-проектной культуры находят отражение не только широко используемые «мегастили», к примеру египетский, античный, ренессансный и им подобные, но и стили меньшего масштаба: региональные, этнические, национальные, локальные и т. п., вплоть до индивидуальных, авторских. Данная тенденция отчетливо обозначена в практиках визуально-проектной культуры на самых различных уровнях: учебном, нормативном, творческом.

В стремлении визуально-проектной культуры к обогащению своей собственной «палитры» прослеживается такая повышенная «чувствительность» к контекстным ценностям, что ее не всегда можно соотнести с логикой практико-ориентированного целеполагания. Скорее в этом проявляет себя некая генетически обоснованная аттрактивная программа.

Предположение об инстинктивном влечении субъектов визуально-проектных практик к тем или иным аттрактивным объектам (или элементам) другой культуры, на наш взгляд, является вполне закономерным, так как его можно объяснить своеобразным «культурным собирательством». Здесь предполагается исследовательский выход в *этологию человека*, которая как наука во многом объясняет такие, на первый взгляд странные действия «проектировщика-собирателя» тем, что это в значительной степени обусловлено древней генетической программой человека — *программой собирательства*.

Процитируем по этому поводу этолога В. Р. Дольника: «Мы с вами уже поняли, что в древности мы были собирателями. А в детстве? В детстве мы все собиратели. Ребенок еще ползает, но уже все замечает на полу, подбирает и тянет в рот. Отучить его от этого занятия невозможно. Став постарше, он значительную часть своего времени удовлетворяет свои инстинктивные позывы, собирая всякую всячину в самых разных местах. Какая мать не приходила в ужас от переполненных карманов, набитых самыми неожиданными предметами — орехами, косточками, раковинами, камешками, кусочками цветных стекол, железками, тряпочками, веревочками, зачастую вперемежку с жуками, пробками, проволоками?! У кого в детстве родители не обнаруживали однажды и не разоряли припрятанный где-нибудь в укромном уголке клад столь дорогой сердцу собирателя всякой всячины?! А многим пришлось пройти и через зашивание карманов как наказательно-воспитательного средства. Почему бы нам не перестать воевать с этим, в сущности, безобидным проявлением инстинкта? Почему бы не позволять детям удовлетворять его позывы? Вы ведь и сами что-нибудь собираете: дедушка — книги, бабушка — кулинарные рецепты, папа — марки, мама — тряпочки. В основе ваших пристрастий лежит все та же потребность собирать, только объекты ее стали свойственными взрослому человеку» [2, *78–79*].

Свойственное взрослому (впрочем, и не взрослому) человеку собирательство может быть связано не только с материальными, вещностными объектами (включая относящиеся к культуре художественной), но и с «объектами-впечатлениями», которые в той или иной степени аттрактивно воздействуют на субъекта. «Собирательство впечатлений» носит характер *интериоризованный,* создавая своеобразный и требующий для развития субъекта «внутренний фонд» актуальной и необходимой информации того или иного содержания.

Особое значение культурное собирательство имеет для художественного творчества, являясь своеобразным побуждающим средством и материалом для формирования идей, образов, проектов. В основе аттрактивного воздействия внешних объектов на субъекта часто лежит такой признак объекта, как *новизна,* непохожесть хотя бы в малой мере на другие объекты. Эта новизна может носить характер *естественный*, что обусловлено, по всей вероятности, некими закономерностями, законами функционирования материального (и живого) мира. Стремление (всеобщее) к новизне, аттрактивность, привлекательность новизны как феномена просматривается на явном и неявном уровнях в действительности так часто, что не обратить на это внимание просто невозможно.

То или иное состояние потребностей, включая степень их позитивного (удовлетворенности) или негативного (неудовлетворенности) восприятия, отражается в человеческой психике — базовом регуляторе потребностного вектора.

Механизм потребностного состояния в определенной степени объясняется обнаруженным физиологами явлением *адаптации воспринимающих нервных клеток к постоянно действующим раздражителям*. Ученые экспериментально выяснили, что частота импульсов на неизменный раздражитель постепенно снижается по причине «привыкания» нервных клеток к нему. Здесь, на клеточном уровне, проявляется «аналитическая способность» нервной системы, ее настроенность на *необходимость новизны восприятия*, что требуется для поддержания функциональности самой нервной системы [1].

Но также следует помнить, что активизирующее нервную систему раздражение возможно лишь до определенного уровня — предела. Переход за границу максимального порога раздражения «снимает» активность сигнала, провоцирует его «затухание» [Там же].

Таким образом, можно сделать выводы, обобщающие наше представление о механизме информационной коммуникации «раздражитель — нервная система»:

1. Раздражитель должен обладать *перманентной новизной*, без которой нервные процессы входят в стадию затухания;

2. Раздражитель действует только в определенном «энергетическом диапазоне», сила и активность раздражителя регулируются *порогом восприятия* нервной системы.

Новизна создает свой собственный вектор — *вектор разнообразия*, который воспринимается не только в отношении к отдельным объектам, но и к культурным системам в целом.

Стремление к разнообразию, неповторимость каждого объекта природно-материальной среды, например, образно раскрыл выдающийся российский поэт-философ Е. М. Винокуров. Его исследование разнообразия, представленное в поэтической форме, на наш взгляд, имеет не только художественно-образное, но и научное значение. Винокуров настолько точно схватывает сущность разнообразия и убедительно презентирует идею в стихотворении-верлибре, что здесь становится уместным поразмышлять о возникновении новой формы научного языка — поэтической.

Приведем это стихотворение Винокурова полностью.

РАЗНООБРАЗИЕ

Когда я пришел из армии,
Первое, чем я был поражен,
Это было — разнообразие...

Я брел в яловых сапогах
По городу, глазея по сторонам.
«Для чего, — думал я, —
Вместо единой гимнастерки

Столько разных одежд?»
Можно ослепнуть от этих
Ситцев, наваленных на полки!
Устанет язык перечислять названия.
«Зачем, — думал я, —
Вместо ежедневных щей да каши
Это бесконечное количество блюд?»
Десятки видов паштетов,
Тысячи видов соусов.
Колбасы как таковой нет!
Субстанция под названием «колбаса»
Разбилась на сотни форм:
Краковская, любительская, чайная.
И так без конца.
Дурная бесконечность!
Вместо спирта
(Я знал его два вида:
Разбавленный и неразбавленный)
В бакалейном магазине
Спектр ярких этикеток
На бутылках всех видов и форм.
Пудовая поваренная книга
Потрясла меня.
Библия еды! Ветхий завет гурманства!
Атлас неведомых
Гастрономических материков:
Сто шесть способов
Приготовления печенки!
«Зачем?» — спрашивал я.

Я видел, как в ювелирном магазине
Женщина подбирала запонки:
«Мне нужен камешек
Зеленовато-синий,
Переходящий в лиловый.
А вы мне даете
Лиловато-зеленый,
Переходящий в синий!..»

Боже мой! Я сходил с ума!
Я погибал среди этих тонкостей,
Оттенков, нюансов.
Я брел, волоча яловые сапоги.
Я был ошарашен, подвален,
Сбит с толку.
И вдруг я понял:
Природа боится однообразия!
Она дробит и дробит
И своей гигантской ступе
Все, что попадает под руку,

Мир — это лес,
В котором нет и двух
Одинаковых листочков.
Разнообразье — принцип,
Лежащий в основе жизни.
Ищите камешек того неповторимого оттенка,
Который единственно вам нужен.
Добивайтесь, бегайте,
Умоляйте!
Лишнее — необходимо!

1961 [2, *108–109*]

Винокуров определяет разнообразие как принцип, лежащий в основе жизни, что в реальности находит множество подтверждений. Например, в природе не существует и двух абсолютно идентичных объектов, все хотя бы в малой степени разнообразно, отлично от другого. То есть природа — это в аспекте разнообразия гигантская, сложнейшая гетерогенная система. Присущая природе гетерогенность становится определенным *законом* для человеческой деятельности, которая сущностно направлена к постоянному творению разнообразия, поиску все новых и новых образов объектов окружающей среды. Напомним, Гераклит Эфесский считал, что из разнообразия возникает совершенная гармония, а наш современник протоиерей Георгий Флоровский утверждал, что непохожесть — вот фундамент этого мира.

Все совокупное творчество мастеров визуальных практик (изобразительное искусство, архитектура, дизайн) демонстрирует перманентно развивающееся разнообразие стилей, манер, подходов и экспериментов, представляя собой открытую, динамичную, умножающуюся своими составляющимися элементами систему. Исторические, региональные, авторские стили, индивидуальные манеры, приемы — все направлено на «продуктивную материализацию» самых разнообразных идей. А все вместе — это гигантский, постоянно умножающийся поток разнообразной визуальной информации, «сопутствующий» развитию человека как индивида, субъекта, личности, а также определяющий развитие всего человеческого социума. Если представить этот процесс «персонально», то в него войдут многие авторы: от безымянных художников палеолита и Древнего мира до мастеров Нового времени и наших современников (Пикассо, Гауди, Малевича, Кандинского, Филонова и многих других). О значении разнообразия Малевич говорил: «Мы восклицаем: Как прекрасна природа! Но почему она прекрасна? Разве цветок был бы прекрасен, если б не было рядом с ним другой формы и если б в нем самом не было разновидности построения? Нет, не был бы. Красота и прекрасное вызываются потому, что природа состоит из разнообразных знаков» [10, *83*].

Впрочем, человеческая культура создает параллельно и другое направление деятельности — формирование гомогенных (однообразных) объектов, оно связано с социальной установкой или необходимостью (преимущественно) создания значительного идентичного количества того или иного продукта. В данной ситуации потребностный количественный фактор обусловливает появление таких гомогенных объектов.

Говоря о гомогенности, следует отметить такую ее реальную особенность, как отсутствие в большинстве случаев полной идентичности единиц-объектов гомогенного ряда, т. е. принадлежность к гомогенному ряду не есть то, что характеризуется абсолютным соответствием, а есть то, в чем заключена хотя бы малая часть отличия его от родственных объектов. Такое проявление *малого-особенного во всем* характерно и для природы, и для культуротворческой среды.

Можно предположить, что в таком стремлении однообразных объектов к хотя бы малому *самоопределению* проявляет себя в той или иной мере именно тот самый *закон разнообразия*, что подчеркивается не только отличием гомогенного и гетерогенного, но и их родственностью.

Рассмотрение *разнообразия* как органичного принципа (или тенденции, или вектора) с позиций, например, категорий *прерывное—непрерывное* дает возможность выявления аспекта *не разделения единого* (континуума) на отграниченные части, а, напротив, формирования целого из разнообразия дискретных единиц, осуществления взаимопереходов разнообразного дискретного в разнообразное континуальное.

Отсюда можно предположить, что тенденция (принцип, вектор) разнообразия — это определенное стремление к воссозданию целого, единого на основе разнообразности. В поддержку данного вывода можно опереться не только на формальную логику, но и на реальность, вещественность бытия природного и культуротворческого, что наблюдается на явном, определенном уровне. Утверждение *разнообразия* как фактора органичного проявления жизненных сил, на наш взгляд, лежит в основе взаимодействия культур, являясь, в сущности, собиранием *разнообразного целого* из *разнообразного дискретного*. В социуме *разнообразие* постепенно оформляется и получает в отдельных случаях значение не как *закономерность*, а как *закон*. (Например, в США существует закон, не разрешающий строить два одинаковых дома, и т. п.)

При экстраполировании *разнообразия* в область естественных наук можно увидеть, что все с большей скоростью оформляется «разветвление» областей знания. Например, из радиобиологии вырастают радиационная биохимия, радиационная генетика, радиационная иммунология; из соприкосновения астрономии и биологии рождается астробиология (экзобиология); из космонавтики и медицины синтезируется космическая медицина и т. д. до бесконечности.

Если возвратиться к иконической деятельности, то разнообразие становится существенным фактором формирования предметной среды, проявляя себе отчетливо, например, в художественном творчестве, рекламе, модельном дизайне, арт-дизайне и др.

Таким образом, иконическую деятельность в границах визуально-проектной системы можно обосновать следующими факторами:

1) генетической программой *собирательства*, присущей изначально человеку и приобретающей в настоящем новые черты («культурное собирательство»);

2) генетической программой восприятия *новизны*, являющейся фактором развития человека как феномена;

3) реально существующим вектором *разнообразия*, проявляющим себя в развитии природной и культуротворческой среды.

Данные три фактора являются ведущей силой, обусловливающей во многом процессы жизнедеятельности человека, их направленность. Взаимодействие антропологического (генетическая программа собирательства) и мегаприродного (вектор разнообразия) факторов создает новую природно-культуротворческую целостность, выраженную в континуальности разнообразия дискретных единиц.

Представленные нами *подход* и *выводы* не претендуют на завершенное научное исследование, а больше являются приглашением к дискуссии на эту тему и последующему дискурсу.

---

1. *Александровский Ю. А.* Глазами психиатра. М., 1977. 223 с.
2. *Винокуров Е. М.* Самая суть : стихи. М., 1987. 400 с.
3. *Гороховская Е. А.* Этология: рождение научной дисциплины. М., 2001. 221 с.
4. *Гарбер И. У.* Теоретические аспекты информации социальных наук. Саратов, 2005. 148 с.
5. *Гарднер Г.* Великолепная пятерка. М., 2008. 160 с.
6. *Гухман В. Б.* Философская сущность информационного подхода : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / МГУ им М. В. Ломоносова. М., 2001. 33 с.
7. *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы: Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб. ; М., 2007. 352 с.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика. Культура. Общество. М., 2000. 607 с.
9. Культурология : крат. темат. словарь. Ростов н/Д, 2001. 192 с.
10. *Малевич К.* Черный квадрат : статьи. СПб., 2014. 288 с.
11. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2006. 352 с.
12. *Пономарев Я. А.* Психология творения. М., 1999. 480 с.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.
14. *Степанов А. В., Степанова Т. М.* Иконика: проектная концепция новой, интегральной дисциплины // Альманах современной науки и образования (Тамбов). 2013. № 12 (79). С. 160–164.
15. *Федоров В. А., Степанов А. В., Степанова Т. М.* Глобальный дизайн: профессионально-педагогическая перспектива... // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 1 (44). С. 86–91.
16. *Ясперс К.* Смысл и предназначение истории : пер. с нем. М., 1991. 527 с.

Статья поступила 26.04.2015 г.

УДК 777.2 + 347.783

А. В. Сурков

ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ. АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ФИКСАЦИИ

Статья посвящена проблеме восприятия режимов визуальности в контексте современного искусства. Объектом исследования выбрана цифровая фотография как средство фиксации, обладающее выдающимися выразительными особенностями.

К л ю ч е в ы е с л о в а: визуальность; фотография; цвет; искусство; формализм; цифровые технологии.

Начиная с момента изобретения Л. Дагером фотографии (1839), она балансирует на грани художественной практики и чисто научного метода фиксации. Сторонники обеих позиций опираются на физические свойства самого процесса получения изображения: художников откровенно привлекает избирательность (кадрирование, фокус и фокусное расстояние, ракурс, экспозиция), а ученых, наоборот — возможность практически точной и детальной фиксации всего физического мира и явления в рамках видоискателя фотоаппарата. Фотографию одновременно используют для фиксации фаз движения животных и для официальных портретов почтенных господ. Несмотря на все старания фотографов-художников, полноценной художественной практикой, а позже искусством фотография признается лишь спустя почти полтора века — в 1970-х гг.

Фотография выполняет утилитарную, аналитическую, посредническую, критическую и прагматическую функции. Для художников фотография играет различную роль: вытесняемого (в импрессионизме), парадигмы (у М. Дюшана), инструмента (у Ф. Бэкона и — иначе — у Э. Уорхолла) и носителя в боди-арте и лэнд-арте [7, *358*]. С развитием технологий на смену фотографии пленочной пришла фотография цифровая, и в XXI в. она полностью повторяет путь своей предшественницы. Справедливо ли сейчас считать, что цифровое фотоизображение может быть отнесено к искусству? Безусловно. Но каким должно быть это изображение? В своей лекции, прочитанной в рамках премии Кандинского в 2014 г., кандидат философских наук Е. Петровская утверждает, ссылаясь на американского культуролога Р. Краусс, «...у нас появляется возможность изобрести заново выразительное средство» [6]. Речь идет не только о фотографии, но обо всех *медиа*-изобразительных средствах. В рамках данного исследования не стоит задача рассмотреть весь потенциал цифровой фотографии как вида современного искусства — в статье рассматривается лишь проблематика объективизированной фиксации, доступной цифровой фотографии как изобразительному средству. Детальному анализу подвергается аспект фиксации цвета.

СУРКОВ Артем Владимирович — заведующий учебной лабораторией Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета (e-mail: mapt2004@mail.ru).

© Сурков А. В., 2015

Амбивалентность самой сущности фотографии, о которой сказано выше, постоянно определяет характер того, как человек воспринимает фотоизображение. Как отмечает профессор парижского университета «Paris 8» А. Руйе, фотография — это изображение, наделенное кредитом доверия, и в середине XIX в. фотография появляется как ответ на серьезный кризис доверия, который нанес удар документальной ценности рукотворных изображений [7, *54*]. С помощью изображения, полученного в процессе съемки, подтверждается факт произошедшего действия, факт реальности, факт существования. «*Это было*» — определяет в своей книге «Camera lucida» Р. Барт [1, *151*]. И именно эта повышенная объективизация и ограничивает поле творчества. Фотограф в середине XIX в. сталкивается с проблемой: может ли он полноценно считаться художником, творящим собственный мир, если он не воздействует на изображение?

Решение очевидно: либо фотограф меняет сам предметно-пространственный мир перед объективом камеры, либо воздействует на изображение физически во время, до и после съемки. Таким образом, во Франции возникает жанр *салонного портрета*, а в Англии появляется движение *пикториалистов*. Если условно определить два этих подхода как фундаментальные, обнаружится, что вся история фотографии как категории изобразительного искусства развивается в рамках этих методов работы с изображением.

Французские *салонные фотографы* конструируют место и условия съемки: реквизит, декорации, костюмы. Фотокамера для них — безапелляционный свидетель, но она способна регистрировать именно то, что попадает в ее объектив. Сам подход постановочной съемки активно берется на вооружение рекламной фотографией, а затем и журналами. Получив такое утилитарное применение, салонная фотография, под воздействием потребительского вкуса, надолго покидает поле искусства. Снимки заполняют семейные альбомы и прикроватные столики.

Пикториалисты же, наоборот, отказываются считаться с качествами объективности фотографического изображения. В самом основании пикториализма лежит жесткое отвержение чистой фотографии, воспринятой как совершенное воплощение всего, что ему чуждо: регистрации, автоматизма, подражательной имитации, машины, объективности, буквальной копии [7, *318*]. Техника для получения изображения воспринимается как полноценный физический материал: негативы и отпечатки можно засвечивать, мять, рвать, перекрашивать; объектив можно покрывать парафином, наклонять или вовсе заменить линзу отверстием в деревянной коробке. Все это делается ради поиска уникальных средств изображения. С развитием фотопечати появляется возможность создания коллажей — составных изображений. Таким образом, фотоколлаж — это дискретное фотографическое изображение, потерявшее в процессе своего создания всякую объективность. Коллаж максимально нереалистичен и максимально субъективен.

Как сказано ранее, художники по-разному используют фотографические практики, и именно разнообразие и полноценная художественная составляющая произведений заставляют серьезные институции, такие как MoMA (Музей современного искусства, Нью-Йорк), с середины 1960-х гг. выставлять в числе своих экспонатов фотографии. Теперь рассмотрим основные особенности фотографий

в рамках современного искусства. Активное развитие психологии структурализма, гештальт-практик и семиотики смещает сам вектор интереса искусствоведов от формы произведения к содержанию и внутреннему наполнению работы. Именно поэтому в 1970-е гг. особый интерес вызывают работы У. Эглстона и С. Шерман, а в 1980-е — Д. Уолла, Г. Крюдсона и Ф. Л. Корсия [8, *68*]. Перечисленные авторы активно используют постановку в своих работах, но из-за реалистичного, достоверного и предельно объективного нарратива снимки воспринимаются как реально произошедшие события или, применительно к Шерман, — кадры фильма. Как правило, съемка ведется на широкоформатные пленочные камеры с максимальной детализацией кадра. Физиологической особенностью человеческого зрения является ограниченность в восприятии цвета по его освещенности: мы видим цвет в средних тонах и не различаем его в тени и на ярком солнце. Негатив, напротив, способен фиксировать 10–12 ступеней освещенностей объектов, что превосходит возможности человеческого глаза. Таким образом, цветной негатив фиксирует реальность в полноте, недоступной в момент восприятия, что, естественно, расширяет художественный потенциал фотографии, одновременно подчеркивая ее объективность. Введенное А. Брессоном понятие *решающего момента* — еще один мощный аргумент в пользу объективности. Начав карьеру именно как новостной и репортажный фотограф, Брессон развил жанр репортажного снимка до полноценного произведения искусства. Главное преимущество его работ — особые отношения со временем, пойманным мгновением, моментом истины. Курьезные, нелепые, трагичные, грациозные снимки Брессона — это факты реальности.

Художественной выразительности также способствует и сам метод экспозиции фотографии в галереях. Б. Гройс в своей лекции в ММСИ в 2008 г. [2] подчеркивает, что фотография в выставочном пространстве все чаще — живописное полотно: огромные отпечатки А. Гурски, С. Дугласа и лайтбоксы (световые короба) Д. Уолла. Широкоформатная печать позволяет печатать многометровые изображения с великолепной детализацией. Общей чертой перечисленных выше методик является детализация: чем выше детализация — тем выше реалистичность изображения.

Изобретение компьютерной графики заставляет переосмыслить понятия детализации и информации фотоизображения. В полноценном смысле цифровое изображение начинается со сканирующих устройств и появляется в первую очередь благодаря печатным изданиям. С появлением графических редакторов верстка журналов и газет полностью начинает осуществляться на компьютере, а значит, требуется переводить негативы в цифровой вид. При этом в цифровом виде изображение доступно для бесконечных трансформаций: ретушь, замена фона, коллажирование. Манипуляции, производимые в редакторах компьютерной графики, полностью подрывают доверие к фотографии и одновременно расширяют творческие возможности художников для реализации своих замыслов. Развитие интернет-технологий еще больше актуализируют данную проблематику. Условное деление на постановочную фотографию и пикториализм вновь возвращается на совершенно новом витке — витке цифровых технологий. Появляется новое направление — цифровое искусство или дигитальные арт-практики,

которые не являются предметом рассмотрения в данной статье. Стоит сразу же определить, допустимо ли использовать ретушь и коллаж в цифровой фотографии с целью усиления ее объективных качеств? На этот вопрос нет однозначного ответа, однако работы А. Гурски подтверждают, что более чем допустимо. Критерии фотографического изображения сильно размыты, поэтому для ясности суждений в рамках данной статьи мы принимаем реалистичность и объективизацию за искомые параметры, а значит, все приемы, способствующие реалистичности, будут усиливать качество фотоизображения.

Если говорить о технических возможностях современных цифровых фотокамер, то, безусловно, по параметрам светочувствительности и цветопередаче (корректнее — по цветофиксации) они превосходят негативную пленку. RAW-файл современного цифрового фотоаппарата — лучшее тому подтверждение. Технология расширенного динамического диапазона (HDR) позволяет в момент съемки запечатлеть, зафиксировать, проиндексировать информацию не только в средних тонах — заметных для нашего взгляда, но и в тенях и в самых светлых частях изображения. Решающий момент Брессона становится возможен и в условиях недостаточной видимости, а также в сценах с естественным сильным контрастом яркостей. Можно считать подобный подход рассмотрения цифровой практики сугубо формалистским, но HDR-режим подобен рентгеновскому снимку. Рентген просвечивает организм насквозь и регистрирует состояние костей, HDR-снимок фиксирует мир во всей его полноте цветов и яркостей. Почему же при всех очевидных объективных качествах цифровой фотографии к HDR нет столь серьезного доверия[1]?

Можно выделить несколько причин:

1. *Сам фотограф*, выбирая настройки итогового изображения, чаще всего превращает достоверный снимок в импрессионистический холст — достаточно вбить в поисковой системе запрос «HDR-фотография» и результат выборки будет очевиден. В результате все достоинства цифровой фотографии воспринимаются как чрезмерный эффект от фильтра графического редактора, а значит, финальное изображение визуально напоминает вышеописанные эксперименты пикториалистов. Безусловно, это вопрос вкуса и такта самого фотографа. Изображение перестает восприниматься как реалистичное, к тому же из-за проведенных манипуляций готовое произведение уже не будет фотографией и будет расцениваться как цифровое искусство. И совершенно очевидно, что к оценке цифрового искусства критерии фотографии применять не совсем корректно. Однако существуют механизмы ограничения вышеуказанных настроек: наличие или отсутствие информации о цвете во время съемки.

[1] Например, HDR-фотография до сих пор практически не используется в офтальмологии. В интервью с автором данной статьи руководитель центра рефракционно-лазерной хирургии, врач-офтальмолог, хирург А. Н. Ульянов утверждает, что цифровой снимок, полученный в результате макросъемки без технологии HDR, избыточен в качестве исследовательского материала, но его можно применять для образовательных и презентационных целей. Для более детальных исследований требуется более узкоспециализированная аппаратура, нежели цифровой фотоаппарат, и все чаще — видеозапись динамики.

2. Вторая причина — *технические огрехи* самого изображения: цифровые шумы и фильтры сглаживания этих шумов, аберрации, битые пиксели, наконец, ошибки в коде и в механизмах сжатия изображения, повреждения самого файла, так называемые «глитчи». Поскольку мы говорим о цифровой фотографии, то важно не только качество самого снимка, но и способ его дальнейшего отображения: дисплей компании Apple IMac 5K Retina способен отображать более 16 млн цветов, однако эти же 16 млн совершенно по-иному отображает телевизор Samsung 5K Curved с дугообразным дисплеем. Существует также ряд дополнительных параметров, напрямую влияющих на передачу изображения, в том числе контрастность, яркость, периферийное освещение (как в дисплее Philips Cinema). Все вышесказанное смело можно отнести к печатному изображению. Технологии офсетной, цифровой, хромогенной печати, независимо от единого цветового профиля, также будут давать различные по цветопередаче отпечатки.

3. И наконец, третья основная причина — *неготовность самого реципиента* воспринять HDR-изображение как реалистичное. В частности, американский арт-критик и культуролог Х. Фостер еще в 1988 г. в своей книге-стенограмме тезисов симпозиума с ведущими культурологами «Видение и визуальность» [9, *5*] утверждал, что человечество находится в постоянном формировании визуальности и с каждым новым изобретением, будь то камера Обскура, фотография или кинематограф, режимы визуальности, а значит, и режим истины, меняются. К тем же выводам, независимо от Фостера, приходит и А. Руйе. Отбросив философскую и семиотическую проблематику вопроса, можно утверждать, что цифровая фотография в корне поменяла наше представление о визуальности, воздействуя чисто физиологически. До сих пор в статье не прозвучал термин «живописное состояние», который также важен в качестве инструментария произведения. В частности, К. Малевич в «Трактате с Дробями» описывает важность именно работы с цветом в передаче живописного состояния [4, *163*]. С определенной осторожностью можно предположить, что RAW-файл по сути именно тот визуальный материал, который чисто технически пытался получить Сезанн в своих многочисленных этюдах.

Несмотря на описанные выше причины, беспрецедентная продажа в 2014 г. работы П. Лика по рекордно высокой для фотографии цене [10] заставляет с особым пиететом посмотреть на возможности цифрового изображения. П. Лик в интервью с автором данной статьи рассказывает, что основной массив его работ — цветные снимки, фиксирующие особенно живописные состояния мира. Для Лика цвет необычайно важный инструмент, и несмотря на то, что рекорд продаж — у черно-белой фотографии, именно цветное цифровое изображение — визитная карточка Лика. Продажа на аукционе еще не подтверждает эстетическую ценность работы, но отражает определенный потенциал цифровой фотографии для зрителя, коллекционера, галериста. Можно оспаривать принадлежность работ Лика к современному искусству, однако в рамках данной статьи они являются отличным примером — это цифровые снимки с повышенной объективизацией нарратива. В работах фиксируется особое живописное состояние мира.

Выводы

Подводя итог, можно сформулировать следующий тезис: цифровая фотография на территории современного искусства находится в амбивалентном положении. С одной стороны, технологии позволяют фиксировать реальность вокруг человека предельно объективно, в полноте цвета и яркости, с другой — человеческий фактор постоянно подрывает восприятие объективности фиксации. Живописное состояние на цифровом фотоснимке может быть воспринято как результат фотоманипуляций, не заслуживающих доверия, или же, наоборот, как объективный факт. Фотография при этом остается фотографией.

1. *Барт Р.* Camera lucida: комментарий к фотографии М., 2011. 272 с.
2. *Гройс Б. Е.* Лекция. Искусство в 21 веке: от объекта к событию / Московская школа фотографии и мультимедиа. 2008. 11 дек. [Электронный ресурс] URL: http://www.youtube.com/watch?v=PTvlUIQ7iw0 (дата обращения: 22.04.2015).
3. *Краусс Р.* Фотографическое: опыт теории расхождений. М., 2014. 304 с.
4. *Малевич К.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 : Трактаты и лекции первой половины 1920-х годов. М., 2003. 358 с.
5. *Петровская Е. В.* Теория образа. М., 2010. 283 с.
6. *Петровская Е. В.* Что упускает искусствоведение? [Электронный ресурс] // Теории и практики. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/10003-chto-upuskaet-iskusstvovedenie (дата обращения: 22.04.2015).
7. *Руйе А.* Фотография: Между документом и современным искусством. М., 2014. 712 с.
8. *Cotton C.* The Photography as Contemporary Art. L., 2004. 224 с.
9. *Foster H.* Vision and Visuality. Seattle, 1988. 135 с.
10. *Lik P.* [Electronic resourse]. URL: http://www.lik.com/news/newsarticle57/ (accessed: 22.04.2015).

Статья поступила в редакцию 23.04.2015 г.

УДК 37.011.33 + 37.014.552

А. В. Томильцев
А. В. Мальцев

СТАНДАРТИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ СОСТАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНО-ЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЫ (КАРТЫ ЗНАНИЙ)

Статья посвящена проблеме менеджмента знаний в образовании. Основой управленческого воздействия на процесс усвоения знаний является перевод знаний из неявных в явные, формализованные. Формализация позволяет говорить об эталоне, с которым можно сравнивать достигнутые результаты и на этой основе осуществлять мониторинг результатов учебных достижений учащихся. Применение тестовых технологий позволяет получить объективную оценку уровня обученности ученика (класса), а также управлять процессом усвоения знаний.

Ключевые слова: знания; качество; информация; карта знаний; квалиметрия; педагогические тесты; навыки; контрольная карта; уровень знаний.

В образовательном сообществе в качестве актуальной темы обсуждается необходимость обеспечить качество знаний, что подразумевает их полное усвоение. Учащийся воспринимается как некий сосуд, емкость, которые нужно наполнить знаниями, а ученик этому противится, и достижение идеала возможно при подавлении всяческого сопротивления субъекта образовательного процесса. Следующей процедурой должно стать измерение уровня такого наполнения. Чем меньше потери, тем лучше работает и учитель, и школа. Для того чтобы работать с двумя выделенными категориями: знания и уровень усвоения знаний, необходимо осуществить процедуру их верификации. При ближайшем рассмотрении

ТОМИЛЬЦЕВ Алексей Витальевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: Tomiltcev@mail.ru).

МАЛЬЦЕВ Алексей Владимирович — кандидат биологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: AlrxeyMaltsev@urfu.ru).

© Томильцев А. В., Мальцев А. В., 2015

это оказывается очень непростым делом. Попробуем разобраться в проблеме. Начнем с определения категории «знание».

Знание — один из сложнейших объектов, с которым приходится иметь дело человеку. Как и любое сложное явление, знание имеет множество определений и трактовок. Для начала обозначим круг отраслей наук, изучающих знание. В этот круг входят гносеология, эпистемология, онтология, психология, педагогика, а также теория познания, многие фундаментальные и прикладные науки.

Наибольший интерес вызывают знания у представителей современного бизнес-сообщества. Теоретики и практики менеджмента анализируют проблему управления знаниями в организации. Выход книги Питера Сенге «Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающейся организации», в которой вводится в научный оборот термин «обучающаяся организация» (компания, способная к непрерывному самообучению), а также публикация книги двух японских менеджеров — И. Нонака, Х. Такеучи «Компания — создатель знаний» привели к взрывному росту интереса к рассматриваемой проблеме в бизнесе [12].

Серьезность проблемы отразилась и в трудах специалистов в области образования, которые пытаются дать определение таким категориям, как информация, данные, знания. Объем статьи не позволяет провести сравнительный анализ этих подходов. Значительная часть авторов, характеризуя категорию «знание», отмечают, что *знание — это накопленные предпосылки для действия, знание — это целенаправленное координированное действие. Все действия являются знаниями, и все знания являются действиями* [11]. Таким образом, учитывая все вышесказанное, мы получили достаточно точное определение знаний: знания — это совокупность необходимой для решения задачи информации, получаемой за счет желания и способности извлекать эту информацию из значительного объема данных и интерпретировать ее.

Знание глубоко связано с человеком и человеческим обществом и во многом зависит от интеллектуальных и чувственных способностей человека. Оно представляет собой осмысленную, усвоенную, интериоризированную информацию, прошедшую через сознание человека или группы людей, т. е. это обоснованное суждение и экспериментальный результат, в большей степени зависящие от социального контекста (например, господствующей идеологии), и потому субъективные. Знания, которыми обладают все участники образовательных отношений, делятся на явные (документированная информация) и неявные (профессиональный и жизненный опыт сотрудников, их ожидания, интуиция, моральные устои и нормы, неформализованные знания). Иными словами, знания, которыми располагает организация, делятся на реально доступные и на потенциально доступные [7].

Явные знания рассматриваются как формализованные знания — это знания, которые можно описать, задокументировать, напрямую передать друг другу в виде текста, видео, звука, программного обеспечения и т. д. Традиционно большинство работников образования указывают в качестве носителей формализованных знаний программы, стандарты, учебные пособия и многое другое. Управление такими знаниями предполагает следующие технологии:

— создание систем обеспечения разграниченного доступа участников образовательных отношений к необходимым знаниям;

— навигацию в системе формальных знаний;

— поиск необходимых формальных знаний.

Неформализованное знание связано с индивидуальными образами реальности и прогнозами на будущее, а также с ноу-хау, умениями и навыками.

Неформализованные знания — продукт личного опыта человека, который отражает его убеждения, моральные ценности и взгляды. Эти знания нельзя увидеть или задокументировать, а передать их можно только посредством личного и непосредственного общения. Неявные знания можно назвать скрытыми. Такие знания можно передать путем прямого контакта — «с глазу на глаз», в виде рекомендаций «делай как я» или при помощи специальных процедур извлечения знаний. Во многих случаях именно скрытое практическое знание является ключевым для определения уровня учебных достижений учащихся.

Значительная часть учителей осуществляет обучение, руководствуясь неявными знаниями, что придает субъективный характер как самому процессу обучения, так и его результатам. Отсюда и проблема соотнесения между собой результатов учебных достижений не только в разных школах, но и в одной. Если ученик по каким-либо причинам не оказался в поле неявных знаний, то определить их структуру и объем самостоятельно становится затруднительно, а часто и невозможно. В итоге возникает разрыв, т. е. разница между объемом того, что должен усвоить ученик, и реальным состоянием дел, между неформализованными требованиями и реальным уровнем усвоения учащимся учебного материала.

Объем этого разрыва и время его возникновения не поддаются определению и всплывают лишь при проведении промежуточных и аттестационных процедур. Соответственно, возникает проблема объективности оценочной деятельности педагога. В условиях отсутствия четко обозначенного объема знаний, которые должны остаться у обучаемого после переработки данных и информации, сравнение имеющегося результата с идеальным, хранящимся в головах учащихся, становится невозможным.

Для решения этой проблемы требуется осуществить перевод неявных знаний в явную форму, осуществить фиксацию объема информации, а также требований к параметрам результата обучения. Фактически речь идет о создании формализованной, поддающейся однозначной трактовке, измерению и оценке модели качества знаний. Если в менеджменте качества одним из основных требований к руководителю выступает создание карты, атласа процессов, то в менеджменте знаний подобным требованием является создание карты знаний.

Наличие карты знаний позволяет значительно упростить выбор мероприятий по обучению специальности, аттестации, переподготовке и повышению квалификации персонала.

Говоря о переводе неявных знаний в явные, под картой знаний мы подразумеваем форматизированную (часто визуальную) структуру распределения требований к результатам учебной деятельности учащихся. Карты знаний являются хорошим способом определения траектории движения учащегося к полному

усвоению знаний. Цель разработки такого представления — организовать процесс мониторинга возникновения разрывов между нормативным и реальным уровнем знаний учащихся. Создание карты знаний делает процесс обучения управляемым, поскольку как определение координат нахождения объекта на географической карте позволяет определить траекторию движения его к необходимому географическому пункту, так и выявление реального уровня знаний позволит выбрать индивидуальную траекторию преодоления разрывов и достижения цели.

Термин «интеллектуальная карта», или «карта знаний» (Mind Map), был предложен Т. Бьюзеном [5], который много сделал для продвижения технологии использования таких карт в образовании и управлении. Карты знаний — диаграммы, схемы, в наглядном виде представляющие различные идеи, задачи, тезисы, связанные друг с другом и объединенные какой-то общей идеей. Карта позволяет учащемуся охватить всю ситуацию в целом, а также удерживать одновременно в сознании большое количество информации, чтобы находить связи между отдельными участками, недостающие элементы, запоминать информацию и быть способным воспроизвести ее даже спустя длительный срок.

Карта знаний — это карта, отражающая распределение элементов знаний между различными объектами организации, такими как организационная единица, функция, процесс, местонахождение и т. п. Дополнительно на карте может устанавливаться степень покрытия (coverage) элементом знаний соответствующей потребности.

Среди множества возможных типов карт знаний, которые нужны той или иной организации, выделяют как минимум следующие четыре:

1) процессно-ориентированные — показывают знания и источники знаний;

2) концептуальные — различные методы иерархической классификации содержания в виде понятий и семантических отношений между ними, часто эти карты знаний называют еще таксономиями, или онтологиями;

3) карты компетенций — демонстрируют навыки специалиста, его продвижение по службе и профессиональный профиль;

4) карты информационных сетей — показывают сети знаний и модели коммуникаций [4].

Карта знаний так же, как и предшествующая ей карта (атлас) процессов компании, позволяет интегрировать знания из различных источников. Исходная модель может детализироваться и расширяться постепенно, по мере возникновения новых знаний. Кроме того, существующая модель «как есть» может дополняться перспективной моделью «как надо», которая позволит разработать план развития технологических изменений организации учебного процесса.

При составлении карты знаний важно определить ее структуру и единицы фиксируемой информации. Безусловно, она должна включать весь объем знаний по предмету, т. е. некий инвариант содержания предмета, сформированные умения и навыки, компетенции [10].

Попытка создания эталона содержания образования для одного предмета наталкивается на необходимость его корреляции со стандартами, разрабатываемыми преподавателями смежных дисциплин, что позволит исключить дублирование

и различия в общеметодологической трактовке общих вопросов. Такое согласование приводит к тому, что стандарт должен разрабатываться по целой отрасли знаний. Выработка стандарта позволит каждому преподавателю определить роль и место предмета в подготовке выпускника, а также устранить повторения и противоречия в преподавании предметов, согласовать требования к количеству и качеству знаний различных педагогов. Необходимо, чтобы все преподаватели, работающие с классом, группой, составляли единую команду, объединенную общими целями и задачами, тем самым превращая процесс обучения в командную работу, где за результат отвечают не отдельные люди, а коллектив, построенный на принципах разделения и кооперации труда [14].

Для заполнения карты знаний необходимо учесть целый ряд факторов, таких как уровень знаний, объем и характеристики изучаемой информации, уровень сформированности умений, цель изучения той или иной дисциплины.

Теорий, определяющих уровни знания, достаточно много, часть из них реально применимы, часть носит сугубо теоретический характер [3]. Все авторы, так или иначе, рассматривают уровень знаний в непосредственной связи с умениями. В качестве примера приведем одну из таких теорий — таксономию Б. Блума [14], учитывающую более широкий набор факторов, оказывающих влияние на преподавание и обучение. Измерение знания — это знание «того, что». В данную категорию входит четыре составляющих: фактическое, концептуальное, процедурное и метакогнитивное знание.

Фактическое знание включает в себя изолированные фрагменты информации, такие как словарные определения и знание специфических деталей.

Концептуальное знание состоит из систем информации, таких как классификации и категории.

Процедурное знание включает алгоритмы, эвристики, эмпирические методы, техники и методы, а также знание о том, когда следует использовать эти процедуры.

Метакогнитивное знание относится к знанию о процессах мышления и информации, о том, как эффективно управлять этими процессами.

Измерение когнитивных процессов в уточненной таксономии Блума, так же как в оригинальной версии, включает шесть навыков, от простейших к наиболее сложным: помнить, понимать, применять, анализировать, оценивать и создавать [17]. Одно из достоинств теории Б. Блума — возможность применить технологии педагогического измерения для определения уровня обученности учащихся. На основании этих измерений можно составить своего рода матрицу обученности. Приведем ее как некий образец (табл. 1).

Заполнение такой матрицы позволяет получить информацию о реальной динамике учебных достижений; выделенные в ней основные категории целей могут трактоваться как уровни усвоения учебного материала. К ним относятся:

1) знание, понимаемое как запоминание и воспроизведение изученного материала;

2) понимание, характеризующееся способностью интерпретировать учебный материал, преобразовывать его из одной формы выражения в другую;

3) применение, означающее возможность использовать изученный материал в новых ситуациях и условиях;

4) анализ — способность разбить материал на составляющие так, чтобы ясно выступала его структура;

5) синтез, означающий способность комбинировать элементы, чтобы получить целое, обладающее новизной;

6) оценка, означающая способность оценивания значения того или иного материала.

Таблица 1

Матрица обученности (по Б. Блуму)

Уровень умений	Уровень знаний			
	фактический	концептуальный	процедурный	метакогнитивный
Помнить	*	*	*	*
Понимать		*	*	*
Применять		*	*	*
Анализировать			*	*
Оценивать			*	*
Создавать				*

Последние три категории больше относятся к умениям, формирующимся в результате учебной деятельности, но могут трактоваться и как уровни усвоения конкретных знаний, обеспечивающих возможность данных умений [16].

Необходимо только подобрать соответствующий инструментарий для определения этого уровня. Центральным вопросом создания структурно-логической схемы курса, карты знаний, является вопрос о выборе «единицы» содержания образования, т. е. основного дидактического объекта, подлежащего целостному усвоению. Все остальные вопросы, связанные с этой проблемой, логически подчинены первому вопросу, без разрешения которого невозможна сама их постановка [9].

Выбор «единицы» структурирования учебного материала решается каждым автором по-своему. Для ряда предметов единицей структурирования содержания обучения должны стать законы, которые и создают предпосылки для системного понимания действительности. Если принять закон за «сущностную единицу» научных знаний, то содержание обучения можно представить как иерархию всеобщих, общих и частных законов развития мира и основанных на них норм (правил, СНиПов, ГОСТов и других предписаний) построения человеческой деятельности. Нам кажется, что принятие закона в качестве единицы структурирования учебного материала может использоваться, прежде всего, при изучении материала предметов естественно-научного цикла. Предметы гуманитарного профиля в эту схему будут укладываться с большим трудом. Раздел, тема могут быть либо слишком большими для структурной «единицы», либо, наоборот, слишком маленькими.

Представляется, что наиболее оптимальной «единицей» структурирования учебного материала должна стать научная теория, т. е. система взглядов

в определенной предметной области, объединяющая многочисленные факты и позволяющая предсказывать события и появление новых фактов. Причиной для такого выделения служит то, что основу любой науки составляют именно теории. Процесс обучения, имеющий целью дать ученику представление об основах наук, должен быть представлен как совокупность теорий, гипотез, концепций.

При изучении теоретических дисциплин тема может включать одну или несколько научных теорий, что делает тему, раздел более крупной единицей структурирования учебного материала. Вместе с тем выделение темы, раздела учебной программы несет информацию о неком завершенном процессе и позволяет разработать критерии фиксации достигнутого учащимся результата обучения.

Теория может описываться в конкретных научных понятиях, которые являются языком данной науки. При этом в карту включаются не все понятия, которые используются при рассмотрении темы, а лишь основные, базовые, составляющие основу для данной теории.

Правила и законы могут носить как общенаучный характер, так и особенный, присущий именно этой отрасли науки.

Базовые факты — это конкретные проявления теории, подтверждающие ее и являющиеся основой для формулирования выводов, составляющих основу для проверки теоретических положений.

Заполненная карта представляет собой матрицу, отражающую логическую структуру учебного материала. Такого рода матрица позволяет учителю оперативно вносить коррективы в содержание и структуру учебного материала, экономить время и силы, традиционно затрачиваемые на апробацию и корректирование программ. Эмпирический опыт показывает, что на отработку программ уходит около двух лет, заполнение матрицы позволяет увидеть противоречия, неточности, погрешности в составленной программе еще до начала работы по ней.

Для организации командной работы педагогов, для определения роли и места каждой учебной дисциплины в достижении целей обучения умения разбиваются на следующие графы:

— общеучебные умения и навыки;

— специальные, предметные, умения и навыки, формирующиеся при изучении данного раздела, темы;

— умения и навыки, которые должны быть сформированы при изучении других предметов (на которые опирается преподаватель при изучении данной темы, раздела);

— межпредметные умения, позволяющие сократить время, определить тех, кто должен был сформировать их до начала обучения.

Зная необходимую учебную информацию и законы ее преобразования, способы организации учебного процесса, презентации учебного материала, можно с высокой степенью точности прогнозировать результаты, а следовательно, решать задачи оптимизации управления обучением. На практике процесс создания карты знаний представляет собой вычленение необходимой информации на основе определения измеряемого объема учебного материала. Пример структуры содержания карты по обобщенному предмету показан в табл. 2.

Таблица 2

Карта знаний по предмету

Период обучения	Тема	Знания по предмету	Общеучебные умения	Специальные предметные умения	Умения, которые формируются при изучении других предметов	Компетенции

Оформление графы «Знания по предмету» приведено в табл. 3.

Таблица 3

Составление графы «Знания по предмету» в карте знаний

Научная теория	Основные правила и законы	Основные научные понятия	Основные научные факты

Уровень сформированности компетенций достаточно легко поддается измерению, инструментарий разработан; количество научных терминов и фактов, подтверждающих их усвоение, достаточно просто определить даже не прибегая к сложным измерительным процедурам. Содержание матрицы позволяет выделить некий инвариант подготовки ученика, который может быть формализован как некая сумма всех параметров. Универсальным инструментом для оценки качества и уровня знаний являются педагогические тесты [1].

Стандартизация самих тестов и процедуры тестирования позволяет объективно сравнить индивидуальные результаты как между собой, так и с выдвинутыми критериями [2]. В соответствии с классической теорией тестов существует четыре основные формы заданий: закрытые задания (с выбором ответа), открытые (с кратким ответом), задания на соответствие и задания на установление последовательности [8]. В рамках современной теории тестов используются дополнительные формы заданий: среди открытых заданий предлагаются задания с развернутым ответом, а среди закрытых — сгруппированные задания (кейс-задания).

Каждая из форм заданий в большей или в меньшей степени соответствует измерительной или квалиметрической функции. Так, формы классических заданий более подходят для измерительных задач, поскольку предполагают дихотомическую шкалу оценивания и однозначность правильного ответа. Задания современной теории тестов, особенно с развернутым ответом, оцениваются многобалльными шкалами и предполагают интерпретацию правильного ответа [15].

Но главным, в том числе и для обсуждаемой проблемы, является отбор содержания заданий. В этом смысле задание должно быть индикатором соответствующего знания. При составлении заданий для педагогических тестов в соответствии с классической теорией приходится учитывать необходимость краткой формулировки текста задания. Существует ряд рекомендаций по составлению заданий в тестовой форме [8]. В начале разработки педагогического теста необходимо детализировать карту знаний в соответствии с содержанием конкретного

предмета. В качестве примера нами взят школьный курс биологии. Рассмотрим графу знания карты знаний по биологии на примере учения о наследственности (табл. 4).

Таблица 4

Графа знания по предмету биология

Научная теория	Основные правила и законы	Основные научные понятия	Основные научные факты
Учение о наследственности	Законы наследственности Менделя	Доминантный и рецессивный признаки	Расщепление по фенотипу в первом гибридном поколении в отношении 3 : 1

Имея определенное содержание заданий теста, которое формализовано в документе, называемом спецификацией, можно целенаправленно составлять задания или подбирать их из числа имеющихся. Приведем задание, которое позволяет проверить общее знание учеников о науке, изучающей наследственность, и может быть индикатором знания о научной теории. Здесь и далее правильные ответы подчеркнуты.

РАЗДЕЛ БИОЛОГИИ, ИЗУЧАЮЩИЙ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ:

1) цитология
2) генетика
3) физиология
4) эмбриология

В соответствии со школьной программой основу науки о наследственности составляют три закона Г. Менделя. С помощью следующего задания возможна проверка знания этих законов.

ПЕРВЫЙ ЗАКОН НАСЛЕДСТВЕННОСТИ Г. МЕНДЕЛЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ:

1) расщепление в потомстве по генотипу
2) единообразие потомства
3) расщепление в потомстве по фенотипу
4) независимое наследование признаков

Следующим элементом проверки являются понятия. Понятийный аппарат генетики даже на уровне школьной программы разнообразен, поэтому возможна иерархия понятий по их важности. Бесспорно, к основным понятиям генетики следует отнести понятия доминантности и рецессивности признаков. Далее приводится задание, проверяющее знание приведенных выше понятий. В этом задании присутствуют два правильных ответа.

В КАКОМ СЛУЧАЕ ПРОЯВЛЯЕТСЯ РЕЦЕССИВНЫЙ ПРИЗНАК?

1) в первом гибридном поколении
2) во втором гибридном поколении

3) при анализирующем скрещивании
4) при неполном доминировании

Заключительный этап проверки — проверка фактов. В данной теме это может быть знание числового значения соотношения расщепления признаков в гибридном потомстве на примере следующего задания.

СООТНОШЕНИЕ РАСЩЕПЛЕНИЯ ПО ГЕНОТИПУ ПРИ МОНОГИБРИДНОМ СКРЕЩИВАНИИ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ:
1) 3 : 1
2) 1 : 2 : 1
3) 1 : 2
4) 1 : 1

Из всех приведенных примеров выделяется третий, так как он рассчитан не просто на запоминание информации, а на ее понимание. В связи с этим целесообразно на примере данной биологической темы продемонстрировать с помощью заданий в тестовой форме описанный в табл. 1 подход к разным уровням знаний.

Прежде всего, следует обратить внимание на особенность интерпретации таксономии Б. Блума с точки зрения определения уровня знаний. Все более низкие уровни знаний подтверждаются наличием более высокого уровня [6]. Так, если учащийся демонстрирует уровень анализа, то это подразумевает освоенный им уровень запоминания, понимания и применения. Если проверка фактического знания на уровне запоминания относительно проста, то проверка концептуальных знаний на уровне понимания и применения требует продуманного подхода к разработке тестовых заданий. Массовые процедуры тестирования учащихся — ЕГЭ в 11-м классе и ОГЭ в 9-м классе — дают большую возможность для использования подобных заданий, к тому же позволяющих готовить учащихся к предстоящей аттестации. Например, нижеприведенное задание из демонстрационного варианта ЕГЭ 2014 г. относится к концептуальному знанию (понимание), так как вопрос предъявляется в словесной интерпретации, а требует ответа в символьной.

А7. При скрещивании двух растений ночной красавицы с розовыми и белыми (рецессивный признак) цветками получили 50 % потомства с белыми цветками. Каковы генотипы родительских форм?
1) $BB \times bb$
2) $Bb \times bb$
3) $BB \times Bb$
4) $Bb \times Bb$

Большинство задач по генетике соответствуют процедурному уровню знаний и аналитическому уровню умений согласно табл. 1. Например, в демонстрационном варианте ЕГЭ 2014 г. приводится следующее задание, требующее развернутого ответа при строгом алгоритме его записи.

С6. У человека ген нормального слуха (B) доминирует над геном глухоты и находится в аутосоме; ген цветовой слепоты (дальтонизма — d) рецессивный и сцеплен

с *X*-хромосомой. В семье, где мать страдала глухотой, но имела нормальное цветовое зрение, а отец — с нормальным слухом (гомозиготен) дальтоник, родилась девочка с нормальным слухом, но дальтоник. Составьте схему решения задачи. Определите генотипы родителей, дочери, возможные генотипы детей и их соотношение. Какие закономерности наследственности проявляются в данном случае?

С заданиями метакогнитивного уровня знаний на ЕГЭ дело обстоит много хуже — их просто нет! Существующий подход к ЕГЭ как инструменту определения уровня знаний выпускников по общеобразовательным дисциплинам не предполагает установления межпредметных связей, являющихся основной метакогнитивных знаний. Для примера можно воспользоваться заданиями из тестов по естествознанию из международных исследований PISA-2012. Приведенное ниже задание для учащихся 5–6-х классов демонстрирует, прежде всего, связь умения проводить вычисления с решением реальных экономических задач, т. е. проявление метакогнитивного уровня при оценке.

Девяносто пять процентов товаров в мире перевозят по морю примерно 50 000 танкеров, грузовых кораблей и контейнеровозов. Большинство этих кораблей используют дизельное топливо. Инженеры планируют разработать поддержку кораблей, используя силу ветра. Их предложение заключается в прикреплении к кораблям кайтов (парящих в воздухе парусов) и использовании силы ветра, чтобы уменьшить расход дизельного топлива и его влияние на окружающую среду.

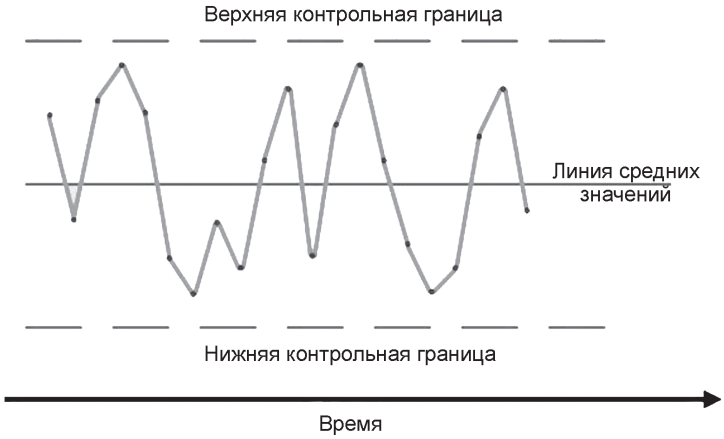
Из-за высокой стоимости дизельного топлива в 0,42 зеда за литр хозяева корабля «Новая волна» думают о том, чтобы снабдить свой корабль кайтом. Подсчитано, что подобный кайт дает возможность уменьшить расход дизельного топлива на 20 %. Стоимость установки на «Новой волне» кайта составляет 2 500 000 зедов.

Через сколько примерно лет экономия на дизельном топливе покроет стоимость установки кайта? Приведите вычисления, подтверждающие ваш ответ.

Средний результат российских учащихся в этом задании — 16 % правильных ответов. Средний результат учащихся стран ОЭСР — 15 %, а максимальный результат — 47 % показали учащиеся Австралии.

На основании последующего анализа результатов измерения мы можем определять уровень усвоения материала, норму усвоения и уровень обученности, что отмечалось выше. Это позволит заменить эмпирическую и субъективную оценку на оценку вполне объективную. Появляется возможность определить нижнюю границу нормы и все, что в нее не попадает, понятие нормы (средний уровень усвоения материала) и его превышения [13]. Дальнейшая работа с полученными данными позволит педагогу оценить реальное положение дел в течение каждого периода обучения. Для этого он может воспользоваться инструментом, который применяется в сфере материального производства, — контрольной картой Шухарта. Такая карта представляет данные статистической обработки результатов педагогического измерения. Она показывает общий уровень усвоения учебного материала. Чем он ближе к средним значениям или превышает их, тем лучше организовано обучение, а чем больше отклонений в сторону нижней границы, тем хуже обучение. Чем меньше разброс, тем более устойчива работа системы.

Попадание ряда учащихся в нижний уровень границ свидетельствует о неблагополучии (см. рисунок).



Контрольная карта Шухарта

Точки, которые нанесены на контрольную карту, являются результатом прямых измерений, полученных при анализе учебных достижений учеников одного класса по одному предмету. Контрольные границы определяют предел ожидаемых результатов, когда действуют только наиболее типичные для этого процесса факторы. Применение контрольных карт для отображения изменений показателей во времени дает возможность точно определить, когда и как изменился процесс усвоения материала, и тем самым обеспечить базу для управления им. На рисунке представлен несбалансированный результат учебного процесса, который нуждается в обязательной корректировке. Если продолжить работу с этим графиком и заносить результаты по каждой теме, разделу, то возможно получить объективную динамику стремления ученика и класса к достижению результата. Данную процедуру можно будет назвать полноценным мониторингом [13].

Создание карт знаний по каждому предмету позволяет говорить о появлении в образовательной организации атласа знаний. Этот атлас поможет устранить разрывы между уровнями образования (начального, общего, среднего) и сделать процесс усвоения знаний управляемым.

---

1. *Аванесов В. С.* Композиция тестовых заданий. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998.
2. *Анастази А., Урбина С.* Психологическое тестирование. 7-е изд. СПб., 2007.
3. *Беспалько В. П.* Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М., 1995.
4. *Букович У., Уилльямс Р.* Управление знаниями: Руководство к действию. М., 2002.
5. *Бьюзен Т.* Супермышление. Минск, 2003.
6. *Кларин М. В.* Инновационные модели в зарубежных педагогических поисках. М., 1994.
7. *Кленин А.* Основы технологии управления знаниями: [корпоратив. портал управления знаниями]. URL: http://www.smart-edu.com/images/stories/Smart.gif (дата обращения: 20.02.2015).
8. *Мальцев А. В.* Тестовая технология контроля знаний : метод. указания к применению тестовой формы контроля знаний. Екатеринбург, 1993.

9. Менеджмент качества в образовании : тез. докл. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2011.
10. *Рейнин Г. Р.* Понятие информации, данных, знаний [Электронный ресурс]. URL: http://market-pages.ru/infteh/2.html (дата обращения: 20.02.2015).
11. *Рябов В. В., Фролов Ю. В.* Компетентность как индикатор человеческого капитала : материалы к 4-му заседанию методол. семинара, 16 нояб. 2004 г. М., 2004.
12. *Томильцев А. В.* Менеджмент знаний : монография. Saarbrucken, 2011.
13. *Томильцев А. В.* О системах оценки и управления качеством // Муниципальная власть в Свердловской области. 2012. № 7. С. 121–129.
14. *Томильцев А. В.* Управление качеством образования : практико-ориентир. монография. Екатеринбург, 2010.
15. *Челышкова М. Б.* Теория и практика конструирования педагогических тестов : учеб. пособие. М., 2002.
16. *Яковлев Е. Я.* Внутривузовское управление качеством образования. Челябинск, 2002.
17. *Anderson L. W., Krathwohl D. R.* A taxonomy for learning, teaching, and assessing. N. Y., 2001.

Статья поступила в редакцию 21.04.2015 г.

УДК 001.32 + 001.82 + 001.891

Л. Г. Проценко

СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ: «НЕВИДИМЫЕ КОЛЛЕДЖИ» vs НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Рассматривается становление и развитие двух подходов к изучению неформальных научных сообществ. Первый подход фокусируется на таких неформальных научных структурах, как «незримые колледжи». Объектом изучения в рамках второго подхода являются научные школы. Делается вывод, что разница между научными школами и «незримыми колледжами» находится не столько в онтологической, сколько в гносеологической области. Различие исследовательских стратегий изучения данных феноменов обусловлено институциональными различиями западной и советской науки. При этом обозначенные стратегии являются дополняющими друг друга. Их совместное применение позволит более глубоко изучить формирование и развитие неформальных научных сообществ, а также их трансформации и влияние в современной системе глобализированной науки.

Ключевые слова: научная школа; «невидимые колледжи»; социология науки; неформальные научные сообщества.

Глобализационные процессы сегодня коренным образом влияют на процессы производства, трансляции и внедрения научного знания. В связи с этим актуальным для обеспечения эффективности научной деятельности, сохранения и воспроизводства научных сообществ становится вопрос о современной структурной организации науки, которая также трансформируется.

Одной из эффективных форм организации научной деятельности традиционно считаются неформальные научные сообщества, что обусловлено прежде

ПРОЦЕНКО Людмила Григорьевна — старший преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, Украина (e-mail: borges75@mail.ru).
© Проценко Л. Г., 2015

всего особенностями их возникновения. Неформальные научные сообщества, в отличие от формальных структур, являются результатом самоорганизации высокомотивированных исследователей. Они возникают из-за необходимости «компенсировать неспособность официальных структур обеспечить выполнение основной цели науки – стимулирование процесса создания нового знания, т. е. способствовать производительности научной деятельности и наилучшему использованию профессионального потенциала ученых» [8, *251*].

Наиболее изученными являются такие неформальные научные структуры, как «незримые колледжи» (или «невидимые колледжи» — НК) и научные школы (НШ). Первые стали предметом исследования социальных наук на Западе, прежде всего в США. Вторые изучались исключительно в рамках советского науковедения. Такое «географическое» разделение в исследовании названных научных структур сохраняется и сегодня. О научных школах на Западе говорят только в ретроспективе, на постсоветском же пространстве сложно отыскать исследования «незримых колледжей».

Среди ученых, уделявших особое внимание научным школам, можно отметить Д. Аронова, В. Астахову, Т. Беньковскую, В. Гасилова, О. Грезневу, И. Дежину, Д. Зербино, Г. Ильина, Б. Кедрова, Н. Куперштоха, К. Ланге, С. Микулинского, В. Садкова, О. Устенко, С. Хайтуна, М. Ярошевского и др. Среди работ, в которых затрагивается вопрос соотношения «незримых колледжей» и научных школ, необходимо упомянуть работу И. Дежиной и В. Киселевой [4], в которой авторы обосновывают свое видение отличий данных феноменов в организационном оформлении. В работе российской исследовательницы Е. З. Мирской разница в изучении различных видов неформальных научных сообществ объясняется институциональными различиями в западной науке (в частности, в США) и науке, развивающейся на постсовестком пространстве [8].

В названных работах лишь зафиксирована разница в фокусах внимания представителей западной и отечественной научных традиций. Дискуссия же между представителями различных подходов отсутствует. Как следствие, отличия между этими видами неформальных научных сообществ и соответственно стратегиями их исследования до сих пор остаются без четкой артикуляции.

Актуальность сравнительного анализа данных феноменов и особенностей их изучения обусловлена необходимостью определения места и перспектив подобных форм научной работы в структуре современной науки, которая становится все более динамичной. Целью данной статьи является определение общих характеристик и различий феноменов научных школ и «незримых колледжей», а также стратегий их исследования.

Изучение научных сообществ неразрывно связано со стратегиями развития науки, что в значительной степени детерминирует особенности первых. Чтобы проанализировать общее и отличное в НШ и НК, необходимо рассмотреть эти феномены в историко-научном контексте.

К изучению неформальных структур в науке исследователи обратились во второй половине XX в., что было вызвано интенсификацией научных исследований на фоне признания ведущей роли науки в социально-экономическом развитии общества. Время «большой науки» потребовало для производства научного знания

кооперации большого количества ученых. В связи с этим именно научное сообщество было признано главным субъектом научной деятельности. С этого времени произведенное знание могло получить статус научного только через признание его таковым другими членами профессионального сообщества. Научное сообщество оказалось полипарадигмальным, т. е. достаточно дифференцированным в отношении точек зрения на истинное знание о предмете даже в рамках одной и той же дисциплины. Было обнаружено, что неформально организованные научные сообщества являются более эффективными, чем формальные.

На Западе в качестве инновационных форм кооперации ученых были признаны «незримые колледжи», идентификация которых происходила с помощью новых методов научного анализа. В советской науке эффективными были признаны научные школы – разнопоколенческие коллективы ученых, чья деятельность имела определяющее значение для дальнейшего развития науки. В отечественной традиции научная школа понимается как определенный этап развития научного коллектива. Научная школа не создается целенаправленно, а является «побочным продуктом» успешной деятельности научного коллектива. Именно поэтому название «научная школа» очень часто носит характер субъективной оценки, так как символически маркирует высокий уровень достижений (статус) определенного коллектива, а не обозначает объективно существующий феномен, что создает определенное пространство для спекуляций термином, дискуссии по поводу критериев, по которым возможно установить наличие научной школы [1–3, 5, 6, 8].

Мы рассматриваем понятие «научная школа» в его узком смысле, как неформальное научное сообщество, объединенное парадигмальными, институциональными и поколенческими связями. Мы опираемся прежде всего на концепцию научных школ Т. Куна, представленную в его работе «Структура научных революций». Под научной школой ученый понимает научное сообщество, способом деятельности которого является «нечто, похожее на парадигму». Мы обозначаем способ деятельности научной школы понятием «локальная парадигма»[1], подразумевая под ним сложную символическую структуру, включающую в себя предметно-логические, ценностные и практические компоненты, присущие определенному научному сообществу.

Понятие «научная школа» было введено в советское науковедение во второй половине XX в. Именно в это время актуализируется потребность в исследовании науки как социального института. Пожалуй, единственная исследовательская стратегия по изучению научных школ была разработана в 1970-е гг. М. Г. Ярошевским. В его работах на основе теорий Т. Куна и И. Лакатоса и анализа историко-научного материала был сформулирован принцип трехаспектности научной деятельности, а также предложен програмно-ролевой подход к исследованию научных школ.

Научная школа рассматривалась Ярошевским в традициях социальной психологии, как социально-профессиональная группа, консолидированная вокруг

[1] По Т. Куну, существование научных школ характерно для допарадигмального и постпарадигмального периодов развития науки. Парадигма в куновском понимании является «надшкольным» феноменом. Поэтому для обозначения парадигмального единства научной школы мы используем понятие «локальной парадигмы».

определенной исследовательской программы. Исследователь предложил изучать «научно-исследовательскую программу» и «ролевую структуру научной группы» как ключевые социально-психологические параметры функционирования и идентификации научной школы [10]. По его мнению, научно-исследовательская программа включает взаимосвязанные компоненты: предметно-логический, социально-научный и личностно-психологический.

Исследование НШ в соответствии со стратегией, предложенной Ярошевским, предполагает анализ научно-исследовательской программы, системы ее категорий в соотношении с категориальной системой соответствующего научного направления/дисциплины с целью выявления «категориального сдвига» – того реального вклада, который привносит деятельность НШ в развитие дисциплины. Кроме того, анализируется социально-ролевая структура исследовательской группы, прежде всего методами социальной психологии.

В отличие от науковедеческого подхода Ярошевского к исследованию неформальных научных сообществ, который априори предполагал, что научные школы есть, концепция «незримых колледжей» возникла во второй половине 1960-х гг. (США) в результате библиографических исследований науки. Данная стратегия исследования нашла более широкое применение для анализа структурных изменений в науке.

Основной методологической предпосылкой исследований «незримых колледжей» явилось определение науки как результата деятельности научного сообщества – естественной, объективно складывающейся организационной структуры. Исследовательская деятельность трактовалась как осуществление межличностных и межгрупповых отношений в определенном сообществе, имеющем конечное количество участников. Обращение к категории «научное сообщество» позволило перенести акцент с доминирующего в социологии науки до середины XX в. структурно-функционального анализа (который отождествлял отношения между учеными с осуществлением социального контроля) на динамику социальных отношений, личностную и групповую мотивацию к их установлению, поддержке и завершению [9, 14, 18].

В таком контексте акцентируется внимание не на соответствии поведения исследователей нормативным стандартам как условию продуктивной научной деятельности, а на характеристиках результата последней. Соответственно, базовой методической процедурой становится идентификация сообщений, которые содержат информацию о научном знании (т. е. научных публикаций), с помощью наукометрических (библиографических) методов анализа, разработки и издания показателей цитирования[2].

Первые показатели цитирования, в частности Science Citation Index, были изданы филадельфийским Институтом научной информации (США) в 1963 г. Инициатором их издания, директором названного института Ю. Гарфилдом были разработаны первые методики наблюдения, которые позволяли посредством

[2] Под цитированием в западной научной литературе подразумеваются упоминания научных работников или их коллективов, оформленные как библиографическая ссылка или примечания, которыми традиционно сопровождаются публикации научных результатов.

анализа отношений цитирования реконструировать обмен сообщениями между авторами соответствующих публикаций и, основываясь на этом, их социальные отношения в тематически однородном контексте. Это, в свою очередь, способствовало формированию взгляда на исследовательскую деятельность как обмен сообщениями, которые отвечают определенным требованиям к их содержанию и каналам распространения. Исследования науки, основанные на анализе формальных коммуникаций [21], обнаружили высокую плотность связей ученых в определенных предметных областях исследований, которые невозможно было объяснить только формальными показателями, вследствие чего была выдвинута гипотеза о «незримых колледжах».

Термин «незримые колледжи»[3] был введен в научный оборот Д. Берналом [11] и разработан Д. Прайсом [21] в контексте развития исследований научных коммуникаций «переднего края науки», который трактовался как некая пограничная зона между познанным и непознанным, нахождение в которой придает особый характер взаимоотношениям между исследователями, оценке и средствам обработки научного знания, несмотря на то, что в зоне переднего края исследований действуют как нормы дисциплинарно оформленной науки, так и эксклюзивные междисциплинарные проекты. По мнению Э. М. Мирского, «на переднем крае организация знания задается не состоянием дисциплинарной системы, а отображает иную функцию знания – интеллектуальное обеспечение исследований, прагматика которых, в свою очередь, определяется теми более широкими областями научной и/или практической деятельности, в которые включены исследования» [7, *335*].

Таким образом, передний край исследований связывает дисциплинарно организованную науку с организационной и социальной средой, выступая в качестве своеобразной границы между наукой и обществом, что придает исследованиям, которые ведутся в этой зоне, исключительный инновационный характер. Заметим, что чрезвычайная инновационность и эффективность, прежде всего, характерна для этапа формулирования и разработки научно-исследовательской программы неформальных научных сообществ.

Работы Прайса показали, что на переднем крае исследований взаимоотношения между учеными детерминируются не столько дисциплинарной системой, сколько системой оперативных коммуникаций, что не может быть обеспечено лишь формальными средствами их организации. Такие плотные группы и получили название «незримый колледж». Прайс отмечает: «В основе представлений о “незримом колледже” лежит, видимо, то обстоятельство, что в каждом из наиболее активных и соревнующихся друг с другом научных направлений, случается существование особой “внутренней группы”» [21, *75*]. Ученые, входящие в такую группу, находятся обычно в прямом контакте с каждым исследователем, который

[3] Впервые термин «незримый колледж» был использован в XVII в., когда было основано Королевское научное общество в Лондоне. Члены этого общества не относились к формальным организациям, однако называли себя «незримый колледж» из-за географической близости и регулярных встреч на основе общих научных интересов.

вносит весомый вклад в это направление не только на национальном, но и на международном уровне.

Основной состав группы собирается обычно где-нибудь в приятных местах на достаточно камерных конференциях. Члены группы устанавливают информационную связь между отдельными исследовательскими центрами. Они пересылают друг другу препринты и оттиски статей, сотрудничают в исследованиях. Эти ученые составляют нечто вроде ядра, объединяя всех более или менее известных исследователей данного направления, они оказываются в состоянии контролировать финансирование и лабораторное обеспечение исследований как на местах, так и в национальном масштабе. Таким образом, Прайс выявил, что в науке существуют неформальные объединения ученых, в которых можно выделить ведущую группу ученых, концентрирующую интеллектуальные и административные ресурсы. Позиция основного источника нового знания обеспечивает этим сообществам реальную власть в науке. Прайс говорит не только о возможной, но и неизбежной институциализации НК, что подтверждается современными исследованиями [13].

«Незримые колледжи» имеют тенденцию к объединению вокруг нового журнала или журналов более молодых ученых, разрабатывающих инновационный подход в науке, который обычно трудно принимается теми, кто работает в старой парадигме и издает соответствующий журнал, т. е. принимает решение о публикации. Таким образом, для нового колледжа более простым, а следовательно, и распространенным решением является учреждение нового периодического издания, которое становится центром институционализации «незримого колледжа» [13].

Дальнейшие исследования лишь закрепили понимание «незримого колледжа» как сети коммуникаций между исследователями преимущественно одной предметной сферы, поскольку основной характеристикой НК является существование связей [4, 15]. Результатом применения сетевого подхода к анализу НК стала идентификация некоторых характерных особенностей данных структур в науке. В частности, была выявлена кластеризация авторов по субпредметным областям, причем в структуре сети возможно выделить центральный кластер (идентифицируемый по так называемым «сильным связям» – ко-цитированию, соавторству) и периферию (характерны «слабые связи» – цитирование) [24].

Исследование НК выявило высокую значимость непосредственных встреч исследователей, несмотря на развитие новых медиа. Э. Коку, Н. Назер и Б. Уэлман отмечают, что электронной почтой «чаще всего пользуются ученые, которые являются сотрудниками или друзьями» [19, *1752*], а П. Тори и П. Эрно выявили существование сетей участников НК в рамках факультетов, а не между ними [22].

Кроме того, была обнаружена тенденция к институционализации НК при определенных условиях, а также достаточно высокая зависимость этого процесса от социальных условий. Исследователи отмечают, что регулярное финансирование способствует превращению «незримых колледжей» в «видимые», когда ученые группируются в рамках определенных институтов, включены в формальные процессы отбора, распространяют свои идеи и принимают участие в обязательных встречах группы. Причем большинство этих встреч проводятся в развитых странах и рекламируются в сети Интернет [12, 23]. Б. Кронин считает, что «незримый

колледж» находится в невыгодном положении в качестве неофициальной системы связей, поскольку такая система нестабильна, недолговременна, дорого стоит в обслуживании и устойчива к институционализации [16].

Исследования «незримых колледжей» сталкиваются, по крайней мере, с двумя затруднениями: 1) аморфностью, невозможностью идентификации, лабильностью состава и границ сообщества; 2) экстенсивным характером развития знания в данном сообществе. «Колледж» остается невидимым, так как состоит из «свободно связанных» сетей, возникающих из личных контактов ученых, и не представляет собой четко очерченную группу [17].

По нашему мнению, несмотря на разнообразие и различие трактовок НК и НШ, они имеют много общего. В частности, И. Дежина и В. Киселева выделяют следующие общие характеристики соответствующих феноменов: 1) возникновение кооперативных связей между учеными, способствующих повышению эффективности их работы; 2) наличие «сильных» (ученик – учитель) и «слабых» (научное цитирование) связей; 3) полагание в качестве цели научно-исследовательской работы синергетического и комплиментарного эффектов, позволяющих ускоренными темпами создавать новое знание; 4) наличие процессов обучения на практике, обеспечивающих передачу не только явного, но и неявного знания [4]. Добавим от себя: и научные школы, и «незримые колледжи» являются добровольными самоорганизованными объединениями ученых.

Главное отличие НШ и НК друг от друга Дежина и Киселева видят в организационном оформлении. Соглашаясь с этим мнением, заметим: научные школы, существующие преимущественно в рамках определенных организаций (университетов или исследовательских институтов), сами по себе служат фактором создания исследовательских и научно-образовательных учреждений. Однако развитие коммуникационных технологий приводит к возникновению новых форм организации научного сотрудничества и трансформации уже существующих, вследствие чего научная школа перестает быть исключительно локальным феноменом, ограниченным рамками конкретной организации. Это, в свою очередь, ставит вопрос об особенностях существования научных школ в современных условиях, о трансформациях, которые переживает эта форма организации научного труда, и возможностях ее изучения.

Исследователи НК столкнулись также с ограниченностью концепции «незримых колледжей» как коммуникационных сетей и соответствующей стратегии исследований. В частности, Л. Ливру критикует определение «невидимых колледжей» Прайса и утверждает, что идея неформальности связей не была достаточно отражена в исследовательской литературе. Она считает, что реальная информация о НК отсутствует, поскольку исследователи более склонны обращать внимание на продукты исследований (т. е. публикации и данные цитирования) или на сетевые структуры, а не на реальные процессы общения людей, производящих научное знание. В свете этого Ливру ставит под сомнение определение НК как структуры, которая распознается благодаря анализу опубликованных документов, и предлагает включить в определение процессуальный аспект научной деятельности. Она говорит о необходимости использования при изучении НК наряду

с наукометрическими этнографических и социометрических методов. По ее мнению, такие качественные методы исследования, как наблюдение и интервью, имеют более широкие объяснительные и эвристические возможности [20, *67*]. Другая современная исследовательница НК – А. Цуккала также предлагает сочетать наукометрические и качественные методы, обеспечивающие изучение не только когнитивных, но и поведенческих форм взаимодействия ученых в НК [24].

Очевидно, что для первого этапа изучения НК (1960–1980 гг.) характерно ограничение проблематики исследований лишь выявлением фактического наличия и описания «незримих колледжей». На современном этапе (начиная с 1980-х гг.) происходит расширение проблематики и включение в область анализа факторов возникновения и развития, особенностей функционирования НК и т. д. Внимание именно к этим вопросам привело к анализу не столько «невидимых колледжей» в широком смысле (как глобальных сетей передовых исследователей), сколько локальных сетей, локальных «школ», что в целом совпадает с нашей трактовкой научных школ.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что различие между НК и НШ на современном этапе развития организационных форм науки заключается не столько в сущности самих феноменов, сколько в исследовательских подходах. Для традиции советского науковедения характерно исследование именно научных школ, для западной социологии – «невидимых колледжей». Здесь мы полностью согласны с мнением Е. З. Мирской, которая связывает этот факт с ориентацией западной науки на мобильность научной среды (что сдвигает исследовательский фокус на когнитивные единицы – предметную область, дисциплину, научное направление, специальность и т. д), а также ориентацией отечественной науки преимущественно на исследование стабильных коллективов и институций [8].

Отметим, что библиографические указатели, издание которых послужило толчком для развития библиографических исследований на Западе, на территории бывшего Советского Союза не издавались, а научные публикации в отечественных журналах не вносились в мировые библиографические базы данных и, соответственно, не отображались в западных указателях, из-за чего проведение библиографического анализа отечественной науки значительно затруднено.

Эта проблема существует и сегодня, в частности, в Украине отсутствуют соответствующие реферативные базы данных, и лишь несколько журналов индексируются в таких международных базах данных, как Scopus, Web of Science, РИНЦ и т. п., что делает невозможным создание «когнитивных карт» украинской науки и, соответственно, анализ развития научных областей, а также проведение исследований по выявлению структур, подобных НК. Вследствие этого закономерным представляется обращение к изучению неформальних научных сообществ, уже зарекомендовавших себя как научная школа.

В советской науке исследования и идентификация неформальных научных организационных структур осуществлялись (и до сих пор осуществяются в науке «постсоветского пространства») «снизу», когда очевидным становился весомый результат в развитие науки определенного сообщества. Из-за этого исследования научных школ, как правило, имеют ретроспективный характер. Здесь кроется

и основное ограничение данного похода: идентификация нового коллектива в качестве научной школы невозможна и в целом некорректна, а само исследование научных школ с необходимостью предполагает историографический анализ.

На Западе же исследования и идентификация НК происходили «сверху», когда по объективным критериям посредством анализа оперативных коммуникаций среди всего дисциплинарного сообщества выявлялись наиболее продуктивные и «плотные» группы ученых. Такой подход, с одной стороны, обусловил внимание к современным научным неформальным коммуникативным объединениям (в то время как идентификация «незримых колледжей» развитых дисциплин при таком подходе невозможна[4]), с другой — преобладание исследований структуры дисциплины над непосредственно социальным процессом производства знания в НК. Л. Ливру видит причину такого «перекоса» в том, что структурный компонент более комфортен и доступен для исследователей, чем межличностные и социальные компоненты [20].

Действительно, большинство западных публикаций, связанных с предметом специальности, доступны для исследователей благодаря библиографическим указателям и легко могут быть подвергнуты библиометрическому анализу. Однако создание библиометрической карты интеллектуальной структуры дисциплины вряд ли может рассматриваться как достаточное и валидное основание для анализа неформальных отношений, лежащих в основе НК. Между тем при акцентировании внимания только на неформальной составляющей НК может возникнуть проблема с идентификацией НК, если «общие интересы и цели» неизвестны.

Таким образом, при исследовании неформальних научных сообществ очевидной становится необходимость синтеза структурного похода, характерного для исследований НК, и деятельностного, присущего анализу НШ, что на современном этапе развития организационных форм науки все больше сближает такие организационные формы научной деятельности, как «незримые колледжи» и научные школы.

---

1. *Аронов Д. В., Садков В. Г.* К проблеме определения понятия «научная (научно-педагогическая) школа» // Alma mater : вестн. высш. школы. 2003. № 6. С. 8–13.

2. *Астахова В. И., Астахова Е. В., Гайков А. А. и др.* Научные школы: проблемы теории и практики. Харьков, 2005. 332 с.

3. *Грезнева О. Ю.* Научные школы (педагогический аспект). М., 2003. 69 с.

4. *Дежина И. Г., Киселева В. В.* Тенденции развития научных школ в современной России. М., 2009. 164 с.

5. *Зербино Д. Д.* Научная школа как феномен. Киев, 1994. 134 с.

6. *Куперштох Н. А.* Научные школы в России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки. 2005. № 2 (25). С. 93–106.

---

[4] «Незримый колледж» относится к экстенсивному периоду роста научного знания. В него объединяются исследователи, ориентированные на решение совокупности взаимосвязанных проблем, только после того, как небольшая компактная группа ученых («ядро» колледжа) выдвинет исследовательскую программу, способствующую, по терминологии М. Ярошевского, «категориальному сдвигу», разработает исследовательский аппарат и получит значительные результаты. Собственно, именно это «ядро», эту ядерную группу НК можно считать научной школой в нашем понимании.

7. *Мирский Э. М.* Наука как социальный институт // Основы философии науки. М., 2005. С. 305–382.

8. *Мирская Е. З.* Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 244–265.

9. Современная западная социология науки: критический анализ. М., 1988. 253 с.

10. *Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 265–274.

11. *Bernal D.* The social function of science. L., 1939. 482 p.

12. *Brunn S. D., O'Lear S. R.* Research and communication in the «invisible college» of the Human Dimensions of Global Change // Global Environmental Change. 1999. № 9. P. 285–301.

13. *Buchet B.S* . Electronic publishing and information quality: academic journals and how the electronic medium changes them : Unpublished doctoral dissertation / Universitat St. Gallen. 2004. [Electronic resourse]. URL: http://www1.unisg.ch/www/edis.nsf/SysLkpByIdentifier/2864/$FILE/dis2864.pdf.

14. *Crane D.* Invisible colleges: diffusion of knowledge in scientific communities. Chicago, 1972.

15. *Crane D.* Social structure in a group of scientists: a test of the «invisible college» hypothesis // American Sociological Review. 1969. № 34. P. 335–352.

16. *Cronin B.* Invisible colleges and information transfer: a review and commentary with particular reference to the social sciences // Journal of Documentation. 1982. № 38. P. 212–236.

17. *Griffith B. C., Mullins N. C.* Coherent social groups in scientific change // Key papers in information science White Plains. N. Y., 1980. P. 52–57.

18. *Hagstrom W.* The Scientific Community. N. Y., 1965.

19. *Koku E., Nazer N., Wellman B.* Netting scholars: online and offline // American Behavioral Scientist. 2001. № 44. P. 1752–1774.

20. *Lievrouw L. A.* Reconciling structure and process in the study of scholarly communication // Scholarly communication and bibliometrics. Newbury Park, CA, 1990. P. 59–69.

21. *Price D. J. de Solla.* Little science, big science. N. Y., 1963.

22. *Tuire P., Erno P.* Exploring invisible scientific communities: studying networking relations within an educational research community. A Finnish case // Higher Education. 2001. № 42. P. 493–513.

23. *White H. D., Wellman B., Nazer N.* Does citation reflect social structure? Longitudinal evidence from the «Globenet» interdisciplinary research group // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2004. № 55. P. 111–126.

24. *Zuccala A.* Modeling the invisible college // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2006. Vol. 57 (2). P. 152–168.

Статья поступила в редакцию 01.04.2015 г.

УДК 378.115.15 + 378.046.4:316.77

М. Л. Залесский
Д. В. Макарова
А. М. Залесская

РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКА УНИВЕРСИТЕТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА

Приводятся результаты исследования востребованности выпускников вузов на рынке труда, соответствия уровня подготовленности выпускников запросам работодателей. На основании результатов исследования обосновывается полезность использования средств воспитательной работы и механизмов студенческого самоуправления для более эффективного формирования компетенций будущих выпускников. Проанализирована возможность использования элементов системы М. Монтессори (в том числе формирующей среды) для решения поставленной задачи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональные знания; профессиональные навыки; компетенции; ценностная ориентация; аксиологическая структура; социум; социализация; деятельность; студсовет; сотрудничество.

Очевидно, мы никого не удивим, если скажем, что одним из основных показателей качества работы вуза является успешность трудоустройства его выпускников, а условием успешности трудоустройства является соответствие качеств соискателя запросам работодателя. Оговоримся также, что в статье анализируется работа с конкретными студентами — студентами Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета. Выводы, которые мы сделаем, не универсальны — для студентов технических специальностей, например, наши предложения могут оказаться не столь эффективными.

Итак, трудоустройство выпускников вуза. Обратимся к статистике. Результаты исследования агентства «HeadHunter» [4] показывают, что уровнем профессиональных знаний выпускников довольны чуть меньше половины (41 %) работодателей. При этом 84 % опрошенных заявляет о необходимости дополнительного обучения молодых специалистов, а 50 % уже реализуют в своих компаниях обучающие программы. Таким образом, работодатели, получив наших выпускников, сразу начинают их переучивать. Продолжив анализ, мы увидим, что

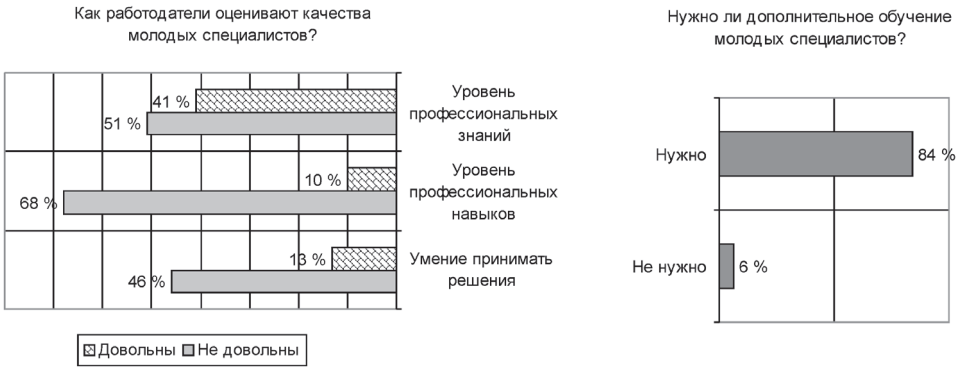
ЗАЛЕССКИЙ Михаил Львович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математических и естественно-научных дисциплин Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (e-mail: zalml@rambler.ru).

МАКАРОВА Дарья Вячеславовна — преподаватель кафедры финансов и кредита Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (e-mail: makarovadw@yandex.ru).

ЗАЛЕССКАЯ Анна Михайловна — аспирант кафедры консультативной и клинической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель детских программ Центра современных психологических технологий «Искусство жить», г. Нижний Новгород (e-mail: zalannet@yandex.ru).

© Залеский М. Л., Макарова Д. В., Залесская А. М., 2015

если уровнем теоретической подготовки молодых специалистов довольна почти половина работодателей, то уровень профессиональных навыков удовлетворяет лишь каждого десятого работодателя. Не намного выше оценивают работодатели и инициативность вчерашних студентов (13 % довольных). Очевидно, умения и навыки завтрашних сотрудников критики работодателей не выдерживают. Чего же такого ждут работодатели от выпускников, чего не может им дать вуз? Заметим, что данные «HeadHunter» (см. рисунок) усреднены и, естественно, отражают ситуацию в целом по стране.



Результаты опроса работодателей

Конкретизировать проблему попытаемся с помощью результатов социологического исследования И. А. Анисимовой, представленных ею на конференции «Молодежь на современном рынке труда» (Нижний Новгород, ННГУ, 29.04.2014) [1]. В приведенной ниже таблице показан уровень востребованности компетенций выпускников вузов с точки зрения работодателей. Там же проранжирован уровень развитости соответствующих компетенций у студентов выпускных курсов. Отметим, что исследование проводилось среди нижегородских работодателей, т. е. эффект «средней по больнице температуры» здесь минимален.

Данные, приведенные в таблице, позволяют сделать вполне однозначный вывод — компетенции, которые формируются у студента в вузе, не соответствуют запросам работодателя. Поскольку понятие компетенции трактуется сейчас весьма широко, конкретизируем задачу и будем рассматривать три основные компоненты компетенции — знания, навыки и ценностные ориентации [6]. Поскольку, как показывают данные исследования «HeadHunter», профессиональными знаниями выпускников довольна почти половина работодателей, еще более сузим задачу и рассмотрим только навыковую и ценностную компоненты.

Итак, давайте задумаемся: как сформировать в учебном процессе перечисленные в таблице навыки? Как у студента, большую часть времени пассивно слушающего преподавателя, сформировать ориентированность на результат, клиентоориентированность, инновационность, лидерство? Чтобы понять, насколько это сложно, вспомним, как строится учебно-воспитательный процесс в классическом вузе.

Оценка компетенций, формируемых у студентов в вузе

Уровень востребованности компетенции работодателем		Уровень развитости компетенции у выпускника	
компетенция	%	компетенция	%
Ориентированность на результат	44	Работа в команде	28
Эффективная коммуникация	41	Эффективная коммуникация	26
Клиентоориентированность	38	Инновационность	25
Инновационность	37	Системное стратегическое мышление	22
Лидерство	31	Клиентоориентированность	22
Инициативность	30	Планирование, организация деятельности	21
Работа в команде	29	Ориентированность на результат	20
Планирование, организация деятельности	29	Лидерство	18
Системное и стратегическое мышление	27	Инициативность	5

Приходя в вуз, вчерашний школьник попадает в новый социум с новыми для себя законами. Эти законы он должен принять, причем принять достаточно быстро. Соответственно, в основу воспитательного процесса ставится отрицательная мотивация (постоянно считаются дни до сессии, студенту напоминают, что сессия — момент истины, судный день, что за любую недоработку студент не будет допущен к сессии, что он может быть отчислен по ее результатам). Подобная система разделяет учебную деятельность, призванную дать студенту объем информации, и воспитательную, призванную навязать правила поведения, работы. Отрицательная мотивация способна вызвать у первокурсника чувство протеста, навязываение правил — их неприятие и как результат — падение авторитета преподавателя, пренебрежение к учебе. Учеба в аксиологической шкале такого студента будет занимать весьма невысокое место, самореализации он будет искать в чем-то другом [2, *51*]. В результате после первой сессии мы получаем достаточно добросовестного исполнителя, приученного выполнять, не нарушать и соответствовать. Такой студент умеет получать и усваивать, не анализируя, он не приучен спорить с преподавателем, отстаивать свое мнение, искать информацию, подтверждающую это мнение. Студент пассивен. Выпускник же вуза должен быть инициативен, амбициозен, способен принимать (т. е. анализировать и сравнивать) и реализовывать решения, ориентироваться в потоке информации и на рынке профессиональных услуг.

Подытожим. В классическом варианте образования на младших курсах подавляется инициатива студента, он становится исполнителем, и только на старших курсах начинается формирование инициативы и лидерских качеств, что не всегда эффективно. Как тут не вспомнить Марию Монтессори, говорившую, что командовать покорным ребенком легко, но невозможно только обучением развить

личностные качества [3]. Предвидим замечания, что система Монтессори была создана для дошкольников. Мы считаем, что основные ее положения вполне применимы и к студенчеству [5], хотя бы потому, что в обоих случаях происходит процесс социализации.

Очевидно, что решение описанной проблемы необходимо искать в работе со студентами 1–3-х курсов, причем именно студентов 1–3-х курсов надо вовлекать в воспитательную работу. Выбор этот объясняется тем, что, придя на первый курс, молодой человек приобретает новый статус — статус студента. Утверждаясь в новом статусе, студент не всегда легко воспринимает преподавателя — преподаватель, как и учитель, воспринимается как часть школы — социума, независимость от которого студент отстаивает. Референтной группой для первокурсника являются не преподаватели, а скорее студенты второго курса. Перейдя на второй курс, студент получает новый статус — он уже накопил некий опыт, определил свое место в социуме. Сделав его наставником (куратором) первокурсников, мы позволяем ему закрепить данный статус. Необходимость самоутверждения (утверждения себя в новом статусе) вынуждает и первокурсников, и второкурсников быть социально активными. Однако этот процесс может выйти из-под контроля — самоутверждение студентов, их избыточная активность может приводить к завышению самооценки и, как следствие, к конфликтам. В этом случае полезным может стать общение со студентами третьего курса. Они в нашей схеме играют роль пассивных наставников — людей, которые, по определению, более опытны, к которым можно обратиться за советом, чьим опытом можно воспользоваться. Понятно, что на самом деле воспитательная система имеет больше элементов — в ней участвуют студенческий совет, деканат, общественные организации вуза, но непосредственно вчерашний школьник общается с кураторами. В результате удается избежать основных проблем первого семестра: значительно снижается стресс; исключается авторитарный (сковывающий инициативу студента, воспитывающий исполнителя) стиль общения преподаватель — студент. Здесь важно вспомнить, какие психологические задачи стоят перед первокурсником: приспособление к совершенно новой социальной среде, поиск своего места в социуме, принятие на себя ответственности. Адаптация первокурсников на курсе занимает от 3 до 7 месяцев, соответственно, к началу 2-го семестра первокурсник уже вполне самостоятелен и необходимость в работе студентов-кураторов постепенно отпадает. Общение куратора и группы сохранится еще долго, куратор так и останется советчиком, источником информации, источником опыта, но он уже не руководитель, это уже диалог равных. Однако пока мы смогли лишь не подавить инициативу студента. Дальше ее надо развивать. Здесь приходит на помощь студенческий совет.

Чувствуем вашу удивленную улыбку, коллега: «Студсовет! Открыли Америку!» Действительно, студсоветы есть в любом вузе, важность их не подвергается сомнению даже самыми авторитетными учеными [7, *26*]. Но давайте опять проанализируем, что такое студсовет в традиционном понимании, как он воспринимается преподавателем и студентом, какие задачи он обычно решает.

Большинство преподавателей воспринимают работу студсовета как бесполезное прожигание времени, повод для официального пропуска занятий.

Единственное, что может дать совет вузу, по их мнению, это массовку для всевозможных субботников, шествий, акций и концертов, которые, в свою очередь, не что иное, как неизбежное зло, навязанное вузу извне. Активисты же воспринимают совет как своего рода андеграунд — некую возможность параллельной жизни в вузе, место для самореализации (см. выше), т. е. как некую альтернативу учебе. Именно жизнь, связанная с советом, занимает в личной шкале ценностей студента верхнюю строчку. Полезно ли это для учебного процесса, для процесса подготовки будущего специалиста — вопрос, очевидно, риторический.

Рискнем утверждать, что студенческий совет может быть весьма полезным, что социальная активность студента может помогать учебе, а не противодействовать ей. Более того, преобразования, которые потребуются, минимальны.

Итак, студенческий совет. О роли социальной среды в формировании личностных качеств пишут уже больше ста лет, пишут психологи и педагоги, авторитет которых не подвергается сомнению ни в России, ни за рубежом (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, Б. Г. Мещеряков) [2, *51*], соответственно, мы создаем не некую замкнутую группу, мы создаем формирующую среду. Значит, чем больше совет, тем лучше, ибо в большом совете всегда можно найти единомышленника, человека с близкими интересами, увлечениями, человека, который подскажет, поможет. Ведь именно «помоги мне сделать самому» — принцип системы Монтессори. Студент вовлекается в деятельность. Деятельность формирует навыки, деятельность развивает личность. Опять спрячемся в тени авторитетов: стимулировать самостоятельную деятельность воспитанника при организации процесса воспитания советуют В. А. Сластенина, И. Ф. Исаева, А. И. Мищенко и Е. Н. Шиянова. А. Н. Леонтьев предложил называть деятельность, которая приводит к развитию личности, ведущей деятельностью, настаивая при этом, что деятельность лишь тогда развивает личность, когда она имеет «личностный смысл», т. е. ценна, значима для индивида. Он же предложил использовать в воспитании максимально широкий спектр видов деятельности [Там же, *52*].

Как можно учесть эти рекомендации в нашей модели студенческого совета? Совет, как мы уже говорили, должен быть большим, не должен иметь жесткой структуры (жесткой специализации, ограничивающей выбор вида деятельности), развитой иерархии. Вообще, в идеале совет должен стать «открытым» — приходит любой желающий. Очень полезно включить в совет старост или представителей всех академических групп — это даст наиболее полную обратную связь. Минимум формализма. Единственное правило — совет должен быть инициативным органом: каждое мероприятие начинается со студенческой инициативы, планируется студентами и проводится студентами, причем любой студент может участвовать в любом виде деятельности. Если эти правила выполняются, мы получаем реальное студенческое самоуправление. Оговоримся, мы не ратуем за абсолютное студенческое самоуправление. В нашей модели совет сотрудничает с деканатом, совет — это та самая «управляемая, специально подготовленная среда» Монтессори, в которой и формируется наш будущий специалист. В описании взаимодействия студсовета с деканатом очень важно слово «сотрудничество». Не руководство, а именно сотрудничество. Надо не обязывать студента выполнять

действие, а создавать условия, в которых он сам захочет это действие выполнять. Это будет его инициативой, это действие будет значимо для него. Похоже на бильярд: можно забить шар в лузу, а можно наклонить стол так, что он сам туда закатится. Безусловно, в этой модели мы за второй метод.

Если сотрудничества не получилось, совет либо достаточно быстро начнет жить по своим законам, решать какие-то свои задачи и станет вариантом андеграунда, о котором мы говорили выше, либо будет выполнять директивы, приходящие «сверху», и станет совершенно бесполезной профанацией.

Зачем мы так долго говорили о модели воспитательной работы? Какова ее связь с трудоустройством? Сейчас разберемся. Вспомним схему, описанную чуть выше: студент инициирует некое мероприятие, выносит свою инициативу на совет, находит единомышленников, выясняет, как, зачем, для кого будет проводится мероприятие, планирует сроки и место, анализирует затраты и источники финансирования, технического обеспечения... Подумайте, ведь мы только что перечислили последовательность создания предприятия, бизнеса, если угодно. Вернемся к таблице, которую мы обсудили в начале статьи. Работодатель больше всего (44 %) хочет увидеть специалиста, ориентированного на результат. В нашей модели студент, доводящий свою инициативу до воплощения, явно будет пользоваться уважением. Работодатель ждет эффективной коммуникации (41 %), но чтобы подготовить любое мероприятие, студенту придется общаться и с однокурсниками, и с преподавателями, и с администраторами. Далее — клиентоориентированость (38 %). Если не определить правильно целевую аудиторию, не подготовить ее, не учесть ее интересы, люди не придут, мероприятие не состоится. Инновационность (37 %)? Если мероприятия инициируют студенты, если оно не берется из «плана воспитательной работы», утвержденного и подписанного в прошлом веке, инноватика будет по определению. Видимо, нет смысла расшифровывать все компетенции, очевидно, что без лидерства, работы в команде, планирования и организации деятельности, системного и стратегического мышления работа студенческого совета невозможна.

Подведем предварительный итог. Если не уничтожить инициативу студента в самом начале, если создать вокруг него реальное студенческое самоуправление, у него начнут формироваться навыки, которые помогут ему в дальнейшем устроиться на работу. Более того, студент начнет проявлять эти навыки в учебе, что повысит эффективность усвоения знаний (см. выше). Скажем больше, любой совет — это общение. Широкий круг общения (в том числе и при организации мероприятий) достаточно часто позволяет студенту найти работодателя еще до выпуска и дальше «учиться под место».

Пожалуй, последний аспект. В самом начале статьи мы упомянули выражение «учебно-воспитательный процесс», было сказано, что нельзя разделять эти две половины. У внимательного читателя могли возникнуть вопросы: «Какой процесс описывает автор? Если процесс воспитательный, то почему мы говорим о трудоустройстве как о цели; если учебный, то где преподаватель?»

Ответим сразу на все эти вопросы. В нашей концепции учебная работа первична, воспитательная — решает задачи учебной, создает для нее условия. На лекции

студент получит знания, которые могут ему потом пригодиться при организации мероприятия. Да, не всем и не все, но что-то пригодится. В этот момент студент поймет, что преподаватель не просто «читает предмет», он дает ответы на вопросы. Когда в следующий раз у студента возникнет вопрос, он уже сам придет и задаст его преподавателю. Соответственно, общественная работа будет мотивировать его лучше учиться. Есть один секрет — мероприятия должны как-то касаться специальности студента. И обеспечить это — задача преподавателя, организующего воспитательную работу. Мы не говорим, что физиков нельзя посылать на спортивные соревнования, а экономистов — на олимпиады по физике, но специалиста растят именно «родственные мероприятия».

В заключение отметим, что описанная концепция опробована в течение семи лет, приносит осязаемые результаты, что вполне можно считать доказательством реалистичности всего сказанного выше.

---

1. *Анисимова И.* А. Компетенции выпускника вуза: спрос и предложение на рынке труда Нижнего Новгорода (по результатам социологического исследования) // Молодежь на современном рынке труда : 6-я межрегион. конференции, 29 апр. 2014 г., ННГУ. Н. Новгород, 2014.

2. *Залесский М. Л.* Конструирование и реализация технологии приобщения учащихся к здоровому образу жизни во взаимосвязи классной и внеклассной работы : дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2005.

3. *Каргапольцева Д. С.* Аксиологичекое развитие личности подростка в монтессори-образовании : дис. ... канд. пед. наук / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2013.

4. Официальный сайт компании «HeadHunter». URL: http://hh.ru

5. *Ратнер Ф. Л., Юсупова А. Ю.* Педагогика М. Монтессори в условиях высшей школы // Образование и саморазвитие. 2010. Т. 4, № 20. С. 159–164.

6. *Филатова Л. О.* Компетентностный подход к построению содержания обучения как фактор развития преемственности школьного и вузовского образования // Дополнительное образование. 2005. № 7. С. 9–11.

7. *Чупрунов Е. В., Грудзинский А. О.* Технология успешного присоединения вуза: опыт Нижегородского университета // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 4 (86). С. 21–26.

Статья поступила в редакцию 15.05.2015 г.

УДК: 37.035.6 + 347.18

А. В. Фахрутдинова

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Проблема современного содержания гражданского воспитания подразумевает многоаспектность, которая в статье раскрывается в триплексной структуре гражданских ценностей, знаний, навыков, направленных на формирование гражданской позиции. В работе рассматриваются детерминанты, обусловливающие процесс воспитания, дано современное определение гражданского воспитания, представлены его цели и задачи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданское воспитание; воспитательный процесс; гражданские ценности; гражданские знания; гражданские навыки.

В условиях глобализации, международной интеграции и взаимопроникновения культур проблема гражданского воспитания привлекает внимание все большего числа исследователей, педагогов и политиков. Как следствие этого, возникает проблема понимания содержания гражданского воспитания и его значимости не только для развития педагогической мысли, но и для развития общества в целом.

Гражданское воспитание выступает в качестве гаранта стабильности общества, представляет собой процесс и результат целенаправленной деятельности государства, общественности, педагогов и семьи по формированию сознательных, социально активных и ответственных граждан. Процесс гражданского воспитания мы рассматриваем как педагогическое воздействие на учащихся, направленное на формирование у реципиентов (детей, студентов и взрослых) набора демократических и общечеловеческих ценностей (общественных, политических, инвайроментарных); навыков активного, демократического участия в общественной жизни; понимания своих прав и стремления выполнять свои обязанности перед обществом и государством.

Такое понимание гражданского воспитания подразумевает: непрерывность реализации целенаправленного воспитательного процесса, начиная с ранних лет и продолжая на протяжении всей жизни гражданина, распространяя воспитательное воздействие на все слои населения; воспитание потребности обязательного соблюдения и уважения гражданских прав, демократических принципов и законов; уделение особого значения правам и обязанностям, касающимся сохранения общественных устоев, развитию демократии в обществе, стремления к пониманию и уважению всех людей; реализацию гражданского воспитания в соответствии с национальными, социальными, культурными и историческими традициями; понимание процесса гражданского воспитания как инструмента развития толерантности, борьбы с расизмом, ксенофобией, насилием, агрессивным национализмом;

ФАХРУТДИНОВА Анастасия Викторовна — доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для естественно-научных факультетов Института языка Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: avfach@mail.ru).

© Фахрутдинова А. В., 2015

воспитание стремления к поддержанию общественного согласия, развитие чувства социальной справедливости и стремления к достижению общественного блага; укрепление гражданского общества путем передачи учащимся гражданских знаний и формирования у них демократических навыков [7].

Таким образом, мы рассматриваем гражданское воспитание как социокультурную ценность и педагогическую проблему (на мировом, государственном, региональном, локальном, институциональном и личностном уровнях), как механизм изменения и развития социально-политических процессов и как социально-педагогическое явление. Целью современного гражданского воспитания должно являться формирование интегративного качества личности на основе принятых человеком демократических ценностей, отражающих готовность к активному участию в жизни гражданского общества и государства и позволяющих ощущать себя социально, политически и нравственно дееспособным [2, *11*].

Соответственно, современное гражданское воспитание тесно связано с пониманием политических основ устройства и функционирования общества.

Процесс формирования гражданина обусловлен рядом важных детерминант:

— гражданское общество поддерживается и совершенствуется соответствующим воспитанием и образованием подрастающих поколений;

— гражданственность необходимо формировать с детских лет;

— гражданское воспитание имеет следующую структуру: гражданские ценности, гражданские знания, гражданские навыки, которые позволяют сформировать гражданскую позицию.

Раскроем последнее положение более подробно.

Гражданские ценности: общечеловеческие (социальные, природные и культурные ценности, значимые для всего человечества) и демократические (основу которых составляет упорядочение взаимоотношений: гражданин — гражданин, гражданин — гражданское общество, гражданин — государство, гражданское общество — государство.

Гражданское знание включает в себя:

• политическое знание:

— знание основ политической системы; знания по устройству и функционированию политической и институциональной систем, знание основных документов, лежащих в основе функционирования государства и гражданского общества;

— знание целей, ценностей и принципов демократии, основ плюрализма и мультикультурализма в обществе, прав и обязанностей гражданина страны;

— знание международного значения взаимоотношений страны с другими нациями, ее участия в мировых делах;

• общественное знание:

— знание роли граждан в поддержании и развитии демократии и стабильности в обществе;

— идентификация граждан как жителей России, определение роли мультикультурализма в обществе, знание культурного и исторического наследия;

— знание истории, охватывающее изменения общественных и политических отношений в государстве, включая этапы и причины этих изменений;

• инвайроментарное знание:

— знание устройства общества, включая профессиональную подготовку и экономические знания, связанные с системой налогов, социальной и институциональной системами государства;

— знание главных глобальных проблем, например, относящихся к окружающей среде, технологическим, экономическим и социальным приоритетам.

Следующим компонентом гражданского воспитания, важным для поддержания и совершенствования демократии в обществе, признаваемым большинством исследователей, являются ***гражданские навыки***. Граждане, будучи членами самоуправляемого сообщества, должны уметь реализовывать свои права и выполнять обязанности, для чего важно не только иметь знания, полученные в результате изучения соответствующих дисциплин, но и необходимые навыки, которые, в свою очередь, можно разделить на интеллектуальные и практические навыки участия.

Интеллектуальные навыки предполагают понимание, критическое и аналитическое восприятие гражданами той или иной политической, общественной, экономической проблемы. От уровня развития интеллектуальных навыков зависит эффективность, ответственность и информированность граждан. Некоторыми исследователями интеллектуальные навыки рассматриваются как навыки критического мышления [6, 8].

Эти навыки могут быть представлены следующими категориями: идентификация и описание, объяснение и анализ, оценка, принятие, защита личностью своей точки зрения.

Граждане, получившие должное гражданское воспитание, должны уметь *идентифицировать*, или объяснять, значения таких гражданских ценностей, как флаг, национальные памятники и достояния, давать оценку социальным и политическим, экономическим, историческим событиям. Это также позволяет понимать значение патриотизма, преимущества большинства и права меньшинства, гражданского общества и конституционализма [9].

Граждане должны уметь *описывать* задачи и функции государственных механизмов и процессов (государственных проверок и отчетов), уметь анализировать на основе знания предысторию вопроса или проблемы, давать компетентные объяснения.

Умение *объяснять и понимать* роль систем политического управления, юридических и законодательных систем, служб государственных и общественных проверок и отчетов позволит гражданам обнаруживать в обществе недочеты и помогать в их исправлении. Навыки *структурного анализа* государственных и общественных учреждений, последствий социальных, политических или экономических процессов, воплощения различных идей позволяют снизить риски правонарушений и отклонений от норм демократии. Навыки анализа помогают различать факт и мнение; определять необходимые средства и методы действия. Это позволяет отделять персональные обязанности от общественных, понимать роль, значение, функции и обязанности выборных и назначенных должностных лиц [7, 8].

Важно отметить, что обязательным условием развития вышеперечисленных навыков является высокий общеобразовательный уровень подрастающего поколения.

В дополнение к приобретению знаний и развитию интеллектуальных навыков мы выделяем навыки участия. ***Практические навыки участия*** требуются для информативного, эффективного и ответственного влияния на политические процессы и жизнь общества. Эти навыки категоризируются как интернальные (имеющие ценность для личности) и экстернальные (общественной направленности).

К *интернальным* навыкам относятся: ответственность за судьбу своей страны и ее граждан; привычка к законопослушному поведению; вера в равные возможности и равноправие; готовность защищать и отстаивать права государства, в котором ты живешь; обеспокоенность проблемами защиты окружающей среды. К *экстернальным* навыкам относятся: взаимодействие; контроль; влияние. *Взаимодействие* подразумевает умение учитывать интересы другого человека или группы людей, быть отзывчивым; требует подвергать информацию сомнению; способствует формированию умения создавать коалиции и разрешать конфликты справедливым, мирным способом; предполагает наличие доброжелательности и навыков участия в дискуссии, готовности к изменению своей точки зрения в результате дискуссии, готовности к безвозмездному общественно полезному труду.

Контроль — наблюдение гражданами за деятельностью правительства, органов управления, организаций, обществ и отдельных граждан (выполнение ими принципов демократии, следование экономическим и законодательным нормам, существующим в обществе), информирование о недостатках соответствующих организаций.

Навык влияния подразумевает наличие способности и возможности участвовать в политических процессах: участие в государственном и общественном управлении социумом, осуществление критики системы управления, проявление инициативы и настойчивости в достижении цели [6, 7].

Гражданское воспитание подразумевает подготовку к гражданскому взаимодействию, которое является логическим и неотъемлемым компонентом гражданского воспитания, нацеленного на возможность применять под руководством опытных и квалифицированных наставников полученные теоретические навыки на практике.

Демократический уклад нашего общества предполагает участие граждан в политической и общественной жизни. Для этого важно формировать у учащихся как интеллектуальные, так и практические навыки участия в общественной жизни. Одним из влиятельных, но не самым главным фактором участия в общественной жизни является голосование. К навыкам взаимодействия также относятся умения вести разговор, давать показания, подавать прошение.

Подобно навыкам взаимодействия и контроля, навык влияния может и должен систематически развиваться, что также находит отражение в различных программах по гражданскому воспитанию.

Четвертый существенный компонент гражданского воспитания относится к чертам частного и общественного характера.

Гражданская позиция важна для политической эффективности индивидуума, здорового функционирования политической системы, для общего блага и в конечном итоге — для совершенствования человеческого сообщества [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что цель гражданского воспитания — сформировать у учащегося активную гражданскую позицию на основе принятия индивидом демократических ценностей и развития личностных качеств.

Соответственно, в качестве задач гражданского воспитания рассматривается необходимость сформировать набор гражданских ценностей, знаний и навыков, которые позволят подготовить граждан к активному и информированному участию в работе ассоциаций общественных организаций и/или сотрудничеству с государственными органами, развить готовность к поддержанию демократии в обществе. Для этого граждане дожны уметь:

— принимать ответственные политические решения;

— поддерживать и развивать чувство гражданской ответственности и патриотизма;

— демонстрировать цивилизованное демократическое, толерантное поведение и активную гражданскую позицию [4].

Определяя стратегию воспитательной деятельности, зарубежные педагоги утверждают, что путь к формированию личности «хорошего гражданина» должен идти «через информацию и просвещение, развитие сознания, опыт преодоления противоречий и способность к критике, к творческой активности, к овладению навыками по самостоятельному принятию решений в культурной, социальной, экономической и политической областях» [1, *21*].

Таким образом, нами выявлено, что гражданское воспитание должно реализовываться в соответствии с национальными, социальными, культурными и историческими традициями. Современное понимание гражданского воспитания может быть представлено в виде трехкомпонентной структуры: гражданское знание, гражданские навыки (интеллектуальные и практические навыки участия) и активная гражданская позиция, которая является конечной целью современного гражданского воспитания.

---

1. *Масленникова В. Ш.* Воспитание социально ориентированной личности студента в системе профессионального образования // Казанский пед. журн. 2005. № 4 (41). С. 21–28.

2. *Фахрутдинова А. В.* Гражданское воспитание учащихся в англоязычных странах на рубеже XX–XXI веков : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012.

3. *Фахрутдинова А. В.* Общественная направленность гражданского воспитания в теории и практике зарубежной школы // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2011. № 24(241). С. 64–68.

4. *Фахрутдинова А. В.* Гражданское воспитание и формирование общности граждан в условиях становления государств: зарубежный опыт // Перспективы науки. 2011. № 7. С. 45–52.

5. Education for Citizenship and the Teaching of Democracy in Schools: Advisory Group on Citizenship (Crick Report). L., 1998. 89 p.

6. *Field S. L.* Citizens for a "New World Order": A Historical Perspective of Citizenship Education in the United States // Citizenship, Education and the Modern State. L., 1997.

7. *Gallagher J.* Muticulturalism at a crossroads // The education diges. 1998. Vol. 63, № 8. P. 23–28.

8. *Peiczynski Z.* The state and civil society: studies in Hegel's' political philosophy. Cambridge, 1984. 327 p.

9. *Walker D. A.* The IEA Six-Subject Survey: An Empirical Study of Education in Twenty-One Countries. N. Y., 1976. 312 p.

Статья поступила в редакцию 26.03.2015 г.

УДК 28:316.3 + 303.425.5

Р. Л. Исхаков
Н. С. Карамов
Р. Р. Нурмаметов

РОССИЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Авторы впервые ставят вопрос об этноконфессиональной идентификации россиян, исповедующих ислам. Отмечается, что современная государствообразующая часть россиян — российские мусульмане прошли следующие исторические фазы развития: младоэтническую, националистическую, постэтническую.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российские мусульмане; этническая картина мира; кораническая толерантность; умма; миллет; станская государственность.

В начале XX в. в Уфе при непосредственной помощи руководства Республики Башкортостан была построена прекрасная по архитектуре мечеть-медресе «Ляля-Тюлпан». В 2001 г. этот духовный храм посетил президент страны В. В. Путин. Его посещение стало первым в истории России визитом главы государства в храм мусульманской веры и символизировало то, что не только общество, но и власть повернулись в сторону ислама. Таких примеров государственно-исламской конвергенции в России предостаточно и в Татарстане, и в Нижнем

ИСХАКОВ Рафаиль Лутфуллович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: rafa-iskhakov@yandex.ru).

КАРАМОВ Наркис Саматович — исполнительный директор РОО «Конгресс татар Свердловской области (Татары Урала)», соискатель кафедры теории и социологии управления Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: k.narkis@mail.ru).

НУРМАМЕТОВ Руслан Рафикович — руководитель МРОМ «Просвещение» (Екатеринбург), аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: ruslanural@gmail.com).

© Исхаков Р. Л., Карамов Н. С., Нурмаметов Р. Р., 2015

Новгороде, и в Санкт-Петербурге, и в Москве, не говоря уже о самом тесном переплетении светских и религиозных ценностей в общественно-политической жизни республик, краев и областей Северного Кавказа. В постсоветской России геополитические, общечеловеческие интересы сближают светскую и духовную власти, в результате чего постепенно формируется совершенно иной тип государственно-конфессиональных отношений.

Эти факты доказывают актуальность научного исследования проблем ислама в российском обществе. Раньше обращение науки к проблемам ислама было невозможно. Мусульманская религия (ислам) ханафитского толка в центральной части современной России — Поволжье и Приуралье на протяжении шести веков являлась государствообразующей и господствующей конфессией. А после присоединения региона к православному Московскому государству она, как идеология Астраханского, Казанского и Ногайского ханств, в течение более двухсот лет была «гонимой» религией. И только в XVIII в. после многократных безуспешных попыток насильственного крещения мусульман ислам стал «терпимой» религией в царской России. При советской власти ислам, как и другие конфессии, из могучей социально-политической и нравственно-правовой силы превратился лишь в средство удовлетворения религиозных потребностей верующих. Политика атеистического по сути государства была направлена на «искоренение» религии во всех ее проявлениях.

Было замечено, что даже в Российском исламском университете в одобренных Министерством образования учебниках по социологии полностью отсутствует религиозная составляющая, более того, они подготовлены в соответствии с атеистическим мировоззрением [33]. Это отталкивает студентов от углубленного изучения некоторых теоретических вопросов. В учебниках «Социология религии» практически нет исламского компонента, в то время как мусульманский взгляд на многие социологические проблемы имеет принципиальные отличия от большинства светских концепций.

Тема мусульманской уммы в меняющейся России актуальна как для современной науки, так и социально-политических практик. «Вопрос <...> о мусульманстве в России, сколько мне известно, — еще в 1881 г. писал крымско-татарский интеллектуал, просветитель, издатель и политик Исмаил Гаспринский, — вовсе еще не обработан, даже литература почти не представляет материалов к тому, а между тем, мне кажется, стоило бы подумать о нем. <...> Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношений русской власти, русской политики к русским мусульманам. Литература в этом случае не дает почти никаких указаний: архивы для нас недоступны, но из известных нам отрывочных письменных и иных источников мы составили себе мнение, что в отношении русского мусульманства правительство не держалось какого-либо намеченного принципа и пути, а действовало всегда так, как полагало лучшим и необходимым в данное время и в данном месте» [7].

Весной 2011 г. появились первые итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., в том числе в отношении национального состава и владения языками, гражданства. Результаты переписи показали, что продолжает существовать

замеченный этносоциологами еще в 1970-х гг. парадокс: «...особенности этнической культуры стираются, а этническое самосознание растет» [32, *369*]. Результаты переписи выявили и то, что на смену советской социологической стратиграфии (нации и народности) пришел термин большей объясняющей силы — «этнос».

В последнее время термин «этнос» и производные от него — «этничность», «этнократия», «этнический лоббизм» — все чаще встречаются в политологических работах [9, 24]. Появилось даже специальное направление в политической науке, названное в России «этнополитологией» [1, 3, 27], а за рубежом — «этнической политикой» («ethnic politics») [43]. Параллельно развивались научные направления под именами «этносоциология» [2], «этнопсихология» [18, 35].

Наряду с этнической идентичностью актуальна и конфессиональная определенность, зачастую выступающие едино — как этноконфессиональная идентичность. Во Всероссийской переписи вопрос о религиозной идентификации не ставился. Поэтому сегодня важно провести научный анализ конфессиональной идентичности, определить то, как она отражается в этнической картине мира, какое место занимает во внутриэтнических и межэтнических коммуникациях и как она детерминирует социальные практики.

В последнее время внимание научной общественности неоднократно было обращено к этим вопросам. Российские мусульмане обращались к ним в связи со значимыми датами, прежде всего юбилеями, связанными с именами великих алимов[1] — муфтия Ризаэтдина Фахретдина (в 2014 г. — 155-летие со дня его рождения и 100-летие выхода в свет книги «Дини вә иҗтимагый мәсъәләләр» — «Религиозные и общественные вопросы») и просветителя, издателя и политика Исмаила Гаспринского (в 2011 г. — 160-летие со дня его рождения и в 2014 г. — 100-летие со дня смерти «лидера нации»).

Средства массовой информации привычно говорят об «исламе в России», «исламе и России», и даже «российском исламе». Публицист с Islam.ru Даниял Исаев предлагает термин «мусульманская Россия» [11]. Единую этноконфессиональную идентификацию россиян М. Кобищанов описывает тремя терминами — «мусульмане России», «коренные российские мусульмане» и «русские мусульмане» [16].

Зачастую используемые научные методы анализа российской уммы оказываются недостаточными для репрезентативных выводов. Нужны теоретические основания большей объясняющей силы[2]. В постнеклассической науке мусульманская умма выступает как рукотворная, т. е. «мягкая», система. Основная особенность таких объектов обозначается термином «человекоразмерность». Среди оригинальных методов современного этапа научного познания мусульманского мира мы называем теорию самоорганизации, пассионарную концепцию этногенеза [8, 14, 15] и концепцию коранического ислама [10].

---

[1] Галим (*араб.* алим) — в переводе с арабского означает «знающий», «сведущий» либо «ученый».

[2] Во второй половине XX в. в науке произошли изменения, которые позволяют говорить о новом, постнеклассическом этапе ее развития. Директор Института философии РАН доктор философских наук В. С. Степин выделил признаки постнеклассического этапа. В их числе он назвал распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ, а также изменение самого объекта (открытые саморазвивающиеся системы).

Российская модель этноконфессионального мира может быть образцом для многих зарубежных обществ. «В общем количестве этносов, а их у нас 182, — отмечал президент России Д. А. Медведев, — 57 ассоциируют себя с исламом» [34]. Мусульманское население стало частью российского общества и гражданами суверенного Российского государства с XVI в. Отношение государства к исламу и мусульманскому населению можно хронологически, в соответствии с этапами формирования единой российской уммы, разделить на 5 этапов:

— *первый* (до 1552 г.) — религия иностранцев;

— *второй* (1552–1778) — чуждая и враждебная религия инородцев;

— *третий* (1778–1917) — терпимая религия части подданных;

— *четвертый* (1918–1990) — «пережиток прошлого», чуждая идеология;

— *пятый* (1991 — настоящее время) — свободно исповедуемая религия, имеющая равные права с другими религиями в РФ.

Современное представление о российской умме отражено в работе А. Ю. Хабутдинова и Д. В. Мухетдинова [25]. Ныне существующее законодательство является для мусульман наиболее благоприятным за всю историю России, поскольку впервые обеспечивает свободу вероисповедания и юридическое равенство со всеми остальными гражданами. А потому, уверены мы, задачи самоорганизации российской уммы — это задачи построения конституционного гражданского общества в России [23]. Умма как социальный институт представляет собой «приспособительное устройство общества, созданное для удовлетворения его важнейших потребностей и регулируемое сводом социальных норм» [16]. Ф. С. Чапен (F. S. Chapin) следующим образом представил структурные элементы ислама [42, *28*] (см. таблицу).

Основные институты общества: структурные элементы

Элементы	Ислам
Провозглашаемые цели и задачи	Установление связи между миром естественного и сверхъестественного
Образцы поведения, включая установки	Утверждение почитания, страха, благоговения и др.
Символические черты	Намаз, дога
Утилитарные черты	Мечеть, минарет, минбар, намазлык, четки
Устная и письменная традиция	Коран, Сунна, хадисы

Внутри фундаментальных, или основных, институтов скрываются (наподобие матрешек) неглавные, или неосновные, институты, именуемые еще социальными практиками.

В этногенезе этнических мусульман можно выделить три этапа: этап младоэтничности, националистический этап и постэтнический этап [14, *116–130*]. Социальные практики, как это было ранее показано нами на примере этнической печати, суть превращенная форма этнической картины мира, в которой находит выражение система ценностей и ценностных ориентаций этноса, его этнических стереотипов [15, *10–11*]. В социальной повседневности, как неоднократно

убеждали социологические исследования и контент-анализ СМИ, сохраняется одновременное существование разной степени валентности стереотипов из разных этапов этногенеза.

Обычно практики обозначают мышление или действие «по привычке», следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер, нечто само собой разумеющееся [5, *9–23*].

Младоэтничность. Среди актуальных научных проблем теории нами еще в 2005 г. был назван феномен младоэтничности [13, *20–21*]. В русском языке «*младо...*» как первая часть составных слов отнесена филологами преимущественно к книжной лексике. Младоэтничность имеет примордиалистский и обществоведческий аспекты. Термины с участием составляющей «младо-» призваны означать социальное новаторство на каком-нибудь поприще. Историки пришли к выводу, что для возникновения этноса нужно текстовое описание его идентичности. Не случайно с появлением словарей и грамматик появляются этнонимы (самоназвания).

Младоэтничность продолжает текстовую самоидентификацию; в названиях групп, течений, направлений, движений, как правило, присутствует этноним[3]. Текстовая (определенная замкнутая культурная данность) идентификация этноса продолжает институироваться в знаково-символических системах, выражающих одно посредством другого, — в словесности, театре, в том числе и в религиозных институтах.

Так, по результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., статус субэтнической группы татар получили кряшены. По данным 2002 г., в России насчитывалось 24,7 тыс. кряшен. Большинство из них (18 760 чел.) проживали в Республике Татарстан. Значительные группы кряшен проживают также в Республике Башкортостан (4510 чел.) и Удмуртской Республике (650 чел.). Решающее влияние на формирование кряшенов как отдельной общности оказал процесс христианизации части татар Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. (сформировавшаяся в это время группа носит название «старокрещенных татар») и процесс христианизации нерусских народов Поволжья в первой половине XVIII в. (новая группа татар, сформировавшаяся в это время, носит название «новокрещенных»). В результате сформировались пять этнографических групп кряшенов, имеющих свои специфические отличия: казанско-татарская, елабужская, молькеевская, чистопольская, нагайбакская[4].

Или, к примеру, благодаря социальной активности новообращенных для обозначения этнических русских, принявших ислам, в обиход вошел термин «русские мусульмане» [4, *152–173*]. Быстрыми темпами развивается Национальная

---

[3] «Советская историческая энциклопедия» упоминает полтора десятка организаций, посвятивших себя делу национального освобождения: «Молодая Италия» (1831–1848); «Молодая Германия» (1843–1850); «Молодая Польша» (с 1834 г.); «Молодая Ирландия» (1840–1848); «Молодая Англия» (1841–1848). В Европе, кроме того, известны «Молодая Бельгия» (*La Jeune Belgique,* 1881), младочехи, (*mlady čechy*, 1874–1918), в Азии — младоафганцы (начало XX в.), «новые османы» (*eniosmanliler*, 1865–1878) и младотурки; в Российской империи — «Молодая Польша» (*Młoda Polska*, 1834–1836), «Молодая Эстония» (Noor-Eesti, 1905–1915), младолатыши, младофинны, младобухарцы, младохивинцы, младотатары, младосартаки.

[4] Группа нагайбаков выделилась в 2002 г. в отдельную национальность.

организация русских мусульман (НОРМ), которая за несколько лет пережила все этапы молодого социально-политического образования, объединяющего людей как по религиозному, так и по национальному признаку. Это первое в истории России мусульманское движение, которое стремится к тому, чтобы новообращенные не пополняли собой ряды экстремистских группировок. НОРМ была образована в 2004 г. на базе русских мусульманских общин Москвы (Бану Зулькарнайн), Йошкар-Олы (Царевококшайская община русских мусульман), Омска и Алма-Аты. 11–13 июня 2004 г. в Омске состоялся первый учредительный съезд. На съезде был избран председатель — омич Абу Талиб (Анатолий Степченко), принявший ислам в 1990 г. В состав НОРМ вошли общины русских мусульман Санкт-Петербурга, Кирова и Ростова-на-Дону. Участниками НОРМ был создан культурно-просветительский центр «Приверженцы традиции и единства», деятельность которого была направлена как на проповедь ислама среди русских, так и на взаимодействие с инонациональными исламскими общинами. В 2011 г. организация изменила формат и стала международной неправительственной организацией (НПО). Деятельность в прежнем формате была приостановлена.

НОРМ часто обращается к русскому писателю Л. Н. Толстому. Так, Толстой в письме Е. Е. Векиловой в марте 1909 г. писал: «Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше всего христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтет магометанство...» [39, *118*].

Кроме НОРМ, есть движение «Прямой путь». Эта община возникла в 2000 г., и в нее входят национально индифферентные русские мусульмане из интеллигентских кругов. Возглавляют «Прямой путь» переводчица Корана Валерия Порохова и бывший православный священник Вячеслав Полосин. Теперь их зовут Иман Валерия Порохова и Али Вячеслав Полосин.

До этапа младоэтничности ведущим идентификатором этничности являлась верность *ареалу* расселения своего рода. Со времен Вестфальского мира 1648 г. территориальные границы государств считаются священными и неприкосновенными. На выходе из младоэтнического этапа развития этноса верность родине прочитывается как верность *отчизне* (традиционно-культурной области). Младоэтничность есть отход от непотизма (понимания только тотемного родства), ей присуще понимание духовного родства, социальной общности. Социальной формой ее артикуляции становится патриотизм. Младоэтнический этап завершается моментом рождения внутри этноса идеи государственности.

Национализм. Швейцарский исследователь международного права И. К. Блюнчли писал в 1870 г.: «В мире должно быть столько же государств, сколько в нем наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а также государство должно строиться на национальной основе» [21, *5*]. Этот тезис лежит в основе любого националистического движения. Еще В. И. Ленин отмечал, что

тенденцией (стремлением) всякого национального движения является образование национальных государств: «Типичным, нормальным для капиталистического периода является <...> национальное государство» [20, *259*]. Политическая ценностная ориентация тюрок (тюркизм) может быть представлена идеей единого тюркского государства.

Канонический ислам не признает понятие «нация» в этническом смысле слова, существует «умма» — мусульманская община. Востоковед П. А. Грязневич отмечает, что содержание Корана показывает отсутствие у Мухаммеда представления о надплеменной этнической общности. Термины *«умма»* (позднее — уммамат ал-ислам) — «сообщество», «община верующих в Аллаха», *«ал-муминун»* — «верующие», «уверовавшие» и *«ал-муслимун»* — «предавшие себя (воле) Аллаха» стали первыми самоназваниями новой общности, отразив ее религиозный характер. Этническое самоназвание было на этом этапе оттеснено религиозным.

Ислам основан на идее таухида — единобожия и представляет собой целостную всеохватывающую систему при безусловном и абсолютном суверенитете Аллаха. Мусульмане составляют общину верующих — умму, не признающую различий по языковому и этническому признаку. В сборниках Сунны передается, что пророк сказал: «У араба нет преимущества над неарабом, и у неараба — над арабом, у белого — над черным, и у черного — над белым, кроме как в богобоязненности. Все люди — дети Адама...» (хадис передал Ахмад в своем «аль-Муснаде», т. 5, с. 411). Пакистанский профессор Али-хан Шафик причислял мусульман всего мира к одной и единой нации. С другой стороны, один из идеологов светского течения в арабском национализме Мустафа Саты ал-Хусри (1880–1968) выдвинул в начале 1920-х гг. свое определение нации, ограничив ее двумя критериями: общность языка и общность исторической жизни: «Нация — это социальный организм, характеризующийся жизнью и чувствами. Жизнь нации — ее язык, чувства — ее история».

Исламский национализм, как определяет кандидат философских наук А. В. Колодин, — форма национализма, в основе которой лежат представления, вытекающие из фундаментальных догматов ислама об исключительности и единстве всех мусульман и их противопоставлении представителям других религий [12]. Противопоставление мусульман иноверцам, первоначально обусловленное потребностями внешней экспансии арабов, впоследствии способствовало консолидации различных этнических групп под знаменем ислама, а на этапе развития национально-освободительного движения послужило теоретическим обоснованием возможности «нового объединения мусульман» (по образу раннемусульманской общины), разделенных политическими и национальными границами. В условиях становления национального самосознания народов мусульманского Востока, зарождения национальной буржуазии идея единства мусульман послужила отправным пунктом для формирования как панисламизма, так и национализма. Сторонники панисламизма выступали за объединение всех мусульман, последователи исламского национализма — за отделение мусульман от иноверцев. Если идеи панисламизма на определенном этапе сыграли позитивную роль в консолидации освободительных движений, то исламский

национализм, как правило, приводил его последователей к сепаратизму и религиозному обособлению мусульман.

Есть нечто общее в этатистских стремлениях исповедующих ислам народов; в соответствии с общественно-политическим дискурсом национального движения (басмачество, Шура-и-Ислам, Шура-и-Улема, Алаш, Идель-Урал, Милли фирка, младосартаки, Туркистон Мухторияти, еш бухороликлар, ени османлилер, Jön Türkler) целью становится создание государств, в названии которых присутствовал бы суффик «-стан»: Афганистан, Туркестан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Татарстан, Башкортостан, Белуджистан, Курдистан и др.

Последняя часть названия государства, суффикс «*-стан*», восходит к индоевропейскому корню «*stā-» («стоять») и на персидском языке означает «место, страна». В современном персидском языке суффикс «*-истан*» применяется для образования топонимов — географических названий мест проживания племен, народов и различных этнических групп. Кроме того, словом «стан» обозначалось расположение жилищ (шатров) израильтян, когда они останавливались в своем движении по пустыне[5]. В русском языке значение слова «стан» менялось со временем: в XI–XVII вв. — название военного лагеря, который обычно разбивался на возвышенном месте и укреплялся, в XIV–XVIII вв. — административно-территориальная единица, с конца XV в. — часть уезда, в XIX — начале XX в. — административно-полицейская единица в составе уезда, включала несколько волостей, управлялась становым приставом (обычно в уезде было по 2–3 стана).

Формирование станской (термин наш, от слова *стан*) государственности представляет собой превращенную форму конфессионального сознания миллет.

Миллет (тур. *millet*, от араб. *милла*) — богословский (изначально) и юридический термин, распространенный в мусульманских странах; религиозная конфессия, имеющая автономные административные учреждения (суды, школы, больницы и т. д.), расположенные в специально отведенном для этого месте/квартале города. В XV–XX вв. термин «миллет» получил широкое распространение в Османской империи: он использовался для классификации населяющих ее народов по религиозному признаку. В Коране термином «миллет» (милла) обозначены такие религии, как язычество, иудаизм и христианство. Словом «миллет» пророк Магомет (Мухаммед) обозначал сообщества людей, объединенных по религиозному признаку. Двойственность значения этого термина (религия — гражданское

---

[5] *Вихлянцев В.* Библейский словарь (историко-религиозный). М., 1998. 495 с. Стан всегда располагался вокруг скинии в строго определенном порядке. Непосредственно вокруг скинии устраивались левиты по родам, а за ними — все остальные по своим коленам (Числ. 2; 3.23, 29, 35, 38). Двигался весь народ также всегда в своем порядке (Числ. 10.11–28; Иис. Нав. 3.4). Численность еврейского народа при первом исчислении составила более 600 тыс. человек, годных для войны (Числ. 1.46), следовательно, всех было не менее 3 млн. Это количество народа, равное почти половине населения современных Болгарии или Швеции, так стройно и слаженно устраивалось в указанном порядке, что, рассматривая стан с горы, Валаам невольно воскликнул: «Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль!» (Числ. 24.5). Стан хранился в чистоте. Умерших хоронили вне стана (Лев 10.4) и побивали камнями также вне стана (Лев. 24.14). Прокаженные, заключенные, нечистые должны были жить вне стана (Лев. 13.46; 14.3; Числ. 12.14; Втор. 23.10; ср. Иис. Нав. 6.22), очищение также должно было происходить вне стана (Числ. 31.19). Вне стана же сжигались и некоторые жертвы (Лев. 4.12; 8.17).

сообщество) прослеживается в стихах средневековых поэтов и в мусульманской богословской литературе. У аль-Халладжа этот термин употреблялся в значении «направление», «толк».

В XV–XVII вв., после падения Византии и превращения Константинополя в столицу новой османской державы в ее состав вошли многочисленные народы. Османская империя постепенно стала многонациональным государством, в котором проживали народы разных языков и вероисповеданий. Недовольство зиммиев (немусульман) своим положением обусловило появление *миллета* как социально-политического института. Конкретно термином «миллет» обозначались греко-православная, армяно-григорианская и иудейская религиозные общины. Они официально признавались государством и пользовались ограниченной автономией. Общины обеспечивали религиозно-политические запросы своих членов, поддерживали порядок внутри организации, оказывали взаимопомощь и собирали налоги.

В Новое время это слово приобрело также не вполне адекватное изначальному смыслу значение: «народ», «нация». В современном татарском языке слово «милләт» имеет два значения: 1) нация, национальность; 2) государство, страна [38, *43*]. Ректор Российского исламского университета (г. Казань) доктор политических наук Р. М. Мухаметшин говорил на V съезде Всемирного конгресса татар (1992): «Татар гасырлар буе дин белән милләтне аерып карамаган» («В течение веков вера и нация для татар были неделимы», перевод наш — *авт.*) [22].

Именно на основе религий и сложились миллеты: мусульмане, millet-i Rûm (буквально «римский»), православные (Константинопольский патриархат, Сирийский патриархат, Александрийский патриархат), армяне, католики, иудеи. Каждый миллет подчинялся главному духовному пастырю: мусульмане — халифу, православные — Константинопольскому Патриарху, армяне — Каталикосу, иудеи — главному раввину (так называемому «хахам-баши»).

Наглядно националистический этап этнической динамики от зарождения идеи до ее реализации отражает движение за государственность по имени «Туркестан» (перс. *Torkestān*, каз. *Түркістан*, узб. *Turkiston*, туркм. *Türkestan* — «Страна тюрков»)[6]. Туркестан — это название историко-географического региона Центральной Азии в XIX в. и начале XX в.[7] Следует отметить, что до прихода тюркских племен в Среднюю Азию у восточных иранцев регион, лежащий в междуречье рек Амударьи и Сырдарьи, назывался Туран. В сасанидских источниках также

[6] Со временем слово «Туркестан» заменено термином Центральная Азия, часто также используется термин «Средняя Азия», хотя в Среднюю Азию обычно не включают Казахстан, являющийся, по сути, частью тюркского мира.

[7] Определение границ этого региона, основывающееся на его климатических особенностях, позволяло некоторым исследователям включать в этот регион территории современной Монголии, Западного Китая, Пенджаба, Северной Индии и Северного Пакистана, северо-восточные районы Афганистан и районы азиатской России (южнее), а также территории нынешних среднеазиатских государств и Казахстана. Определение границ Туркестана исходя из принципа этнического состава населения, когда за основу берутся районы, населенные восточно-тюркскими народами и монголами, позволяло включать в состав этого региона Синьцзян-Уйгурский автономный округ, тюркоязычные регионы Южной Сибири, четыре бывшие советские среднеазиатские республики (притом, что Таджикистан населен ираноязычными народами) и Казахстан, а также афганский и иранский Туркестан.

использовалось название Туркестан, т. е. страна туров. После появления в этом регионе тюркских народов название «Туркестан» вытеснило название «Туран», хотя географически понятие «Туркестан» охватывает больший регион, чем Туран. Самое раннее упоминание топонима «Туркестан» содержится в документе 639 г., представляющем собой письмо на согдийском языке из 25 строк о продаже в рабство самаркандской девушки [36, *693*]. На территории Западного Туркестана, присоединенного к Российской империи, в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. С 1886 г. оно получило официальное название «Туркестанский край». Под именем «Туркестана» в Российской империи чаще всего подразумевали три области: Самаркандскую, Ферганскую и Сырдарьинскую. Но весь Туркестан включал пять областей, расположенных одна за другой к востоку от Каспийского моря по границе Российской империи с Персией, Афганистаном и Китаем, а именно: Закаспийскую, Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую и Семиреченскую, а также Бухарское и Хивинское ханства.

В апреле 1918 г. на территории Русского Туркестана была образована Туркестанская автономная Советская Социалистическая Республика [41, *101–112*]. После национально-государственного размежевания советских республик в Средней Азии в 1924–1925 гг. на территории Туркестана были образованы советские республики. В начале 1990-х гг. возникли суверенные национальные государства: Республика Казахстан (Qazaqstan Respublikasy, 25 октября 1990 г.), Киргизская Республика (Kyrgyz Respublikasy, 31 августа 1991 г.), Республика Таджикистан (Jumhurii Tojikiston, 9 сентября 1991 г.), Туркменистан (Turkmenistan, 27 октября 1991 г.), Республика Узбекистан (Uzbekiston Respublikasi, 1 сентября 1991 г.).

Постэтничность. Конституция Российской Федерации, которая включает понятия «многонациональный народ», «народы в Российской Федерации», «национальные меньшинства», «коренные малочисленные народы», юридически признала и закрепила полиэтничный характер государства. Однако в межэтнической коммуникации начала XXI в. все активнее используется калька английского слова «*Russian*» — россияне[8].

Общая численность населения в 32 национальных образованиях Российской Федерации в 1989 г. составляла 17,6 % от населения в целом. Однако все республики, автономные области и округа отличаются сложным этническим составом населения, причем доля так называемого «титульного» (давшего название соответствующему образованию) народа в ряде случаев сравнительно невелика. Из 21 республики России лишь в 6 основные народы составляют большинство (Чеченская Республика, Ингушетия, Чувашия, Тува, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания). В полиэтничном Дагестане 10 местных народов образуют 80,2 % всего населения.

Свободно владели русским языком 97,7 % всего населения страны, причем 86,6 % населения страны считали его родным [26, *37*]. По лингвистическому основанию термин «россияне» обозначает постэтническую нацию.

[8] Понятие «россияне» вошло в общественное сознание из политической риторики времен Б. Н. Ельцина.

Политическая элита национальных государств сегодня использует термины «казахстанцы», «кыргызстанцы», «таджикистанцы», «узбекистанцы». Эти термины, равно как и «россияне», «татарстанцы», есть маркеры формирования постэтнической нации. Данные концепты имеют скорее гражданско-политическую, нежели антрополого-этнологическую природу. Всероссийские переписи населения выявляют российских украинцев, российских узбеков, российских армян, российских грузин, российских эстонцев и т. д. В последнее время в Башкортостане выдвинута политическая формула объединения населения — «многонациональный народ Башкортостана», которая интенсивно пропагандируется в СМИ. Анализ ежегодных посланий Президента Башкортостана Государственному собранию показывает эволюцию данной концепции от идеи республиканского гражданства [29, *13*], через реализацию государственной философии [31, *34*], к формуле «единой социальной общности — башкортостанцев» [30, *4–5*]. Доктор социологических наук Р. Р. Галлямов (Уфа) предполагает, что она, по всей видимости, станет «социально-политическим фундаментом гражданского общества республики в его этнонациональном значении» [6, *324*]. Этот этнополитический тренд отражает процесс «деполитизации этничности или деэтнизации политики» [40].

Если этничность суть группоцентризм, то постэтнический национализм (идея со-гражданства) — социоцентризм. Почему может состояться российская постэтническая идентификация? Политолог Н. Петров высказал предположение, что это «реакция на потерю советской идентичности в условиях, когда она не могла быть просто заменена русской этнической идентичностью. Регионализм в данном случае выступает в некотором роде как замена политической и этнической идентичности» [28, *126*]. А совокупность региональных моделей, считает академик Р. Г. Кузеев, «и может составить сущностную основу общероссийской стратегии» [19, *34*].

Русский публицист и журналист А. Тамарин, находясь под впечатлением от Первого Всероссийского мусульманского съезда (1–11 мая 1917 г.), написал, что «нынешнее российское мусульманство доросло до понимания тех форм правления, которые оно считает для себя приемлемыми, и в массе своей мусульманство не менее сознательно, чем, скажем, русский народ <...>. Татары на Руси — не враги, а друзья, верные друзья, которые не нанесут удара в спину... России, а помогут ей... проложить путь к общему для всех российских народностей светлому и гордому будущему...» [37, *32*].

Реализация Указа Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. № 1666 требует, прежде всего, адекватного научного осмысления потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и составляющих его народов (этнических общностей). Лучше понять российских мусульман, которые являются частью гражданской нации россиян, можно через научное осмысление их этнической картины мира, их этноконфессиональной идентификации.

---

1. *Абдулатипов Р. Г.* Этнополитология. М., 2004.

2. *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

3. *Ачкасов В. А.* Этнополитология. СПб., 2005.

4. *Беккин Р.* Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард русской уммы // Дружба народов. 2012. № 10. С. 152–173.

5. *Волков В. В.* О концепции практик(и) в социальных науках // Социол. исслед. 1997. № 6. С. 9–23.

6. *Галлямов Р. Р.* Этногражданское самосознание народов в Республике Башкортостан: пути формирования и проблемы развития // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 324.

7. *Гаспринский И.* Русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2588 (дата обращения: 06.12.2014).

8. *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990. 280 с.

9. *Жириков А. А.* Политическая стабильность российского государства (этнополитический анализ). М., 1996.

10. *Ибрагим Т.* На пути к коранической толерантности. Н. Новгород, 2007. 288 с.

11. *Исаев Д.* Будущее мусульманской России [Электронный ресурс]. URL: http://www.islamnasledie.ru/analitika/buduschee-musulmanskoy-rossii (дата обращения: 08.05.2014).

12. Исламский национализм [Электронный ресурс]. URL: http://religiocivilis.ru/islam/294-islamskii-nacionalizm.html (дата обращения: 07.12.2014).

13. *Исхаков Р. Л.* Исторические параллели младоэтнической прессы // Журналистика-2004: СМИ в многополярном мире : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2005. Ч. 1. С. 20–21.

14. *Исхаков Р. Л.* От этничности к постэтнической идентификации: Очерк эволюции тюркской печати в XX веке. Саарбрюкен, 2011. 176 с.

15. *Исхаков Р. Л.* Эволюция тюркской печати в XX веке: от этничности к постэтнической идентификации (филологический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

16. *Кобищанов Ю. М.* Мусульмане России, коренные российские мусульмане и русские мусульмане [Электронный ресурс] // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002. URL: http://www.tatar-history.narod.ru/musulmane-rossii.htm (дата обращения: 07.12.2014).

17. *Кравченко А. И.* Социология : учебник. М., 2005.

18. *Крысько В. Г.* Этнопсихология. М., 2002.

19. *Кузеев Р. Г.* Концепция государственной программы «Народы Башкортостана» (проект). Уфа, 1998.

20. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 25.

21. *Линд М.* В защиту либерального национализма // Проблемы Восточной Европы. 1995. № 43–44. С. 5.

22. Материалы V съезда ВКТ... С. 104 [Электронный ресурс]. URL: http://tatar-congress.org/ru/about/officialmatherials/ (дата обращения: 07.12.2014).

23. *Мухаметов Р. (Абдулла).* Уммастроительство в России: от слов к делу [Электронный ресурс]. URL: http://www.muslimblog.ru/news/ummastroitelstvo_v_rossii_ot_slov_k_delu (дата обращения: 30.06.2012).

24. *Мухаметшина Н. С.* Этничность и политика. Самара, 2005.

25. *Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю.* Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. 282 с.

26. Народы России : энциклопедия. М., 1994. С. 37.

27. *Паин Э. А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.

28. *Петров Н.* Формирование региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Теда Хопфа. СПб. ; М., 2003. С. 126.

29. Послание Президента Республики Башкортостан Государственному собранию (Основные направления внутренней и внешней политики). Уфа, 1996.

30. Послание Президента Республики Башкортостан Государственному собранию «Новые ориентиры нашей государственной политики» (о положении в республике и основных направлениях ее дальнейшего развития). Уфа, 1998.

31. Послание Президента Республики Башкортостан Государственному собранию «Новый Башкортостан формируется сегодня» (о положении в республике и программе действий на предстоящий период) // Экономика и управление. 1997. № 2. С. 34.

32. Русские: (Этносоциологические очерки). М., 1992.

33. Социология глазами мусульманина. Мобильность имана [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam-portal.ru/novosti/104/4502/ (дата обращения: 14.12.2014).

34. Стенографический отчет о встрече с духовными лидерами мусульман России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/4802 (дата обращения: 11.07.2012).

35. *Стефаненко Т. М.* Этнопсихология М., 2000.

36. *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2007. 446 с. (Историческая библиотека).

37. *Тамарин А.* Мусульмане на Руси. М., 1917.

38. Татарско-русский словарь : в 2 т. Казань, 2007. Т. 2 : М–Я.

39. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1955. Т. 79.

40. *Филиппов В. Р.* Критика этнического федерализма. М., 2003.

41. *Чокай-оглы М.* Туркестан под властью Советов: К характеристике диктатуры пролетариата // Простор. 1992. № 9–10. С. 101–112.

42. *Chapin F. S.* Contemporary American Institution. N. Y., 1935. P. 28.

43. *Rothschild J.* Ethopolitics. A Conceptial Framtwork. N. Y., 1981.

Статья поступила в редакцию 23.03.2015 г.

УДК 070.13 + 141.1 + 001.1(09)

Б. В. Емельянов

ФИЛОСОФИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ХРАНЕНИЯ: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ*

Рассматривается цензурная политика советского государства по отношению к философской литературе: ее запрещение, создание в библиотеках фондов литературы ограниченного хранения (спецхранов).

К л ю ч е в ы е с л о в а: цензура; Главлит; философия; запрещенная литература; спецхран.

Историки философии старшего поколения, в какой бы области истории философской мысли они ни работали, сталкивались с таким явлением советской действительности, как хранение в специальных фондах библиотек классических трудов философов разных времен и народов. Эти хранилища запрещенной литературы назывались «спецхранами», а в менее строгом варианте — ДСП («для служебного пользования»). Свою статью я посвящаю той философской литературе, которая по решению советских цензурных органов оказалась недоступна для большинства исследователей и простых читателей из-за помещения в спецхраны больших библиотек.

***

Рукописную, а позже и печатную продукцию типографий, не соответствующую идеологии властей и церкви, запрещали всегда и во всех странах, в том числе и в России. В нашем отечестве в начале XVIII в. Петр I официальным указом ввел запрет издавать религиозные книги без цензуры Духовной коллегии. До середины XVIII в. запретительные меры по отношению к неугодной литературе

* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-03-00118 а).

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Bve35@yandex.ru).

© Емельянов Б. В., 2015

носили эпизодический характер. Только при Екатерине II начали оформляться правительственные цензурные предписания. Один из ее указов гласил: «Никакие книги сочиняемыя или переводимыя в государстве нашем не могут быть издаваемы в какой бы то ни было типографии, без осмотра от одной из ценсур... Никакая книга не может быть ввезена без подобного осмотра, подвергая сожжению те из них, кои найдутся противными Закону Божию, верховной власти или же развращающие нравы» [10, *336*]. В XIX в. эти указания были оформлены в несколько законов о цензуре светской и духовной литературы. В каждом из них большое место отводилось запретительным мерам по отношению к философской литературе материалистического, атеистического или социалистического содержания [3, 4].

В XX в. большевики, хотя и утверждали в 5-м пункте программы РСДРП 1903 г. неограниченную свободу совести, слова и печати, уже в первом своем Декрете о печати от 27 октября (9 ноября) 1917 г. вводили запрещение на произведения печати, направленные против революции и ее решений. Правда, запрещение это, согласно декрету, «имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни» [2, *24–25*]. Заметим, что ждать этих «нормальных условий» пришлось до 1992 г. На практике цензурная политика советского правительства только ужесточалась: 23 декабря 1918 г. ЦК ВКП (б) в структуре Реввоенсовета образовал цензурный отдел; 21 мая 1919 г. официальный орган правительства Госиздат получил право контролировать издательскую деятельность всех советских учреждений; 12 декабря 1921 г. Совнарком в пункте 9 своего постановления «О частных издательствах» записал: «Каждая отдельная рукопись до отдачи ее в набор должна быть разрешена к печати органами... о чем должно быть обозначено на каждой напечатанной книге» [6, *156*]; 6 июня 1922 г. Совнарком своим декретом «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений» учредил Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит). В специальной инструкции Главлита от 22 декабря 1922 г. в пункте «В» цензорам предписывалось не допускать «всякого рода печатных произведений, через которые проводится враждебная нам идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, в области искусства и т. д.)» [Там же, *159*]. А спустя несколько лет в новом Положении о Главлите, утвержденном Совнаркомом 6 июня 1931 г., появились пункты, которые предписывали: «составление списка запрещенных к изданию и распространению произведений»; «надзор за лекциями» и, наконец, «на всех произведениях печати должна быть разрешительная виза Главлита или его местных органов» [Там же, *160*]. Об этом последнем требовании я узнал еще в 70-е гг. и во многих философских книгах обнаружил личный знак цензоров, их разрешавших: в «Кратком философском словаре» (М. : Политиздат, 1952) — А00624; в первом томе «Философской энциклопедии» (М. : Сов. энциклопедия, 1960) — Т11121; в первом томе «Русских просветителей (от Радищева до декабристов)» (М. : Мысль, 1966) — А11611 и т. д. Удивительно, но такие же знаки я видел на обложках школьных тетрадей и открытках.

Составление списков запрещенных цензурой книг не было новацией Главлита. Еще в 1870 г. Министерство внутренних дел распорядилось издать «Алфавитный

каталог книг на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатыванию в России». Один из таких списков — «Алфавитный указатель произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» (СПб., 1903), воспроизведенный в 1975 г., содержал 205 запрещенных изданий, среди которых были работы европейских и отечественных философов — Булгакова, Бюхнера, Де-Роберти, Добролюбова, Кетле, Маркса. Милля, Молешотта, Писарева, Плеханова, Спенсера, Толстого, Фоста, Чернышевского [12, *1083–1175*].

В советское время такие указатели назывались «Список [иногда — Сводный указатель] книг, подлежащих изъятию из общественных библиотек и книготорговой сети» и на 300–400 страницах содержали несколько сотен имен авторов. В «Списке» 1950 г. было 500 таких имен. Что это были за имена, хорошо показал А. Блюм в своем «Индексе советской цензуры с комментариями». Это произведения Герцена, «Бесы» Достоевского, тома (5, 7, 11, 12, 27, 72) из Полного собрания сочинений Толстого, содержащие его богословские труды; сочинения Добролюбова и Чернышевского; сборники «А. И. Герцен» (Пг., 1920), «Ф. М. Достоевской» (М., 1928), «Спор о Бакунине и Достоевском» (Пг., 1920), «Л. Толстой» (М., 1928), «Л. Толстой как столп и утверждение поповщины» (М., 1928).

Вполне естественно возникают два вопроса: Какова была судьба запрещенных цензурой книг? И была ли возможность читать такие книги вне общественных библиотек? Точного ответа на первый вопрос нет. Вернее, запрещенные цензурой книги, как правило, уничтожались либо путем сожжения, либо путем переработки в бумажную массу, предназначенную для дальнейшего использования. Но при этом какую-то минимальную часть тиража (2–3 экземпляра) оставляли «для истории», эти экземпляры хранились либо при цензурных учреждениях, либо в фондах больших библиотек. Известно, что при открытии Императорской публичной библиотеки было решено создать по примеру Библиотеки Ватикана специальное («секретное») отделение, как «особое хранилище для всех тех печатных книг и рукописей, которые, по силе законов для цензуры книг изданных, должны скрыты быть от большей части публики, но которые могут находиться в Императорской публичной библиотеке, во-первых, потому, что она есть вместилище книг всякого рода; во-вторых, что и запрещенные книги иногда нужны бывают для справок самому правительству» [9, *192–193*]. До 1917 г. в этом спецхране находилась запрещенная царской цензурой литература, которая позже составила коллекцию «Вольная русская печать».

В советское время такие спецхраны тоже создавались, но единого государственного указания об их открытии не было. Вместе с тем в 1925 г. Совнарком издал постановление «О порядке снабжения государственных книгохранилищ секретными изданиями». В нем предписывалось снабжать такими изданиями четыре государственные библиотеки страны — Публичную библиотеку им. В. И. Ленина (Москва), Архив Октябрьской революции (Москва), Государственную публичную библиотеку (Ленинград), Библиотеку Комакадемии (Москва). Постепенно такие спецхраны появились в других крупных публичных и университетских библиотеках страны. Их деятельность регламентировалась

многочисленными указами и распоряжениями Главлита, каждый из которых был с грифом «Секретно» или «Для служебного пользования». Многие из них были опубликованы в 1995 г. [8, *107*].

Пополнение фондов спецхрана осуществлялось тремя путями: книгами, запрещенными цензурой Главлита; изданиями из-за рубежа (присланными в библиотеки или задержанными на границе), попадающими под цензурный запрет; книгами, которые после чистки фондов библиотек попали в списки запрещенной литературы. Они-то и составляли большую часть фондов спецхрана.

Чистку фондов всех публичных и специальных библиотек в 1918 г. начал Наркомпрос. В 1923 г. при нем был образован Главполитпросвет, возглавляемый Н. К. Крупской, под руководством которой была создана Инструкция о пересмотре книг в составе библиотек. Документ предписывал изымать «контрреволюционную и антихудожественную литературу». В списках литературы, подлежащей изъятию из библиотек, было много произведений как западных философов (Декарта, Канта, Маха, Платона, Спенсера, Шопенгауэра), так и отечественных (В. Соловьева, Бердяева, Булгакова, Лосского) [13, *70*]. Инструкция рекомендовала: «...не более двух экземпляров всех изъятых в качестве вредных и контрреволюционных книг должны быть оставлены в центральной библиотеке. Такие книги должны храниться в особо запертых шкафах и выдаваться исключительно для научных и литературных трудов» [7, *137*]. Каждая последующая инструкция пополнялась новыми именами философов, чьи книги подлежали изъятию. Так, в Инструкции по пересмотру книг в библиотеках (М. ; Л., 1926) в отделах философии и психологии перечислялись имена 40 философов: Декарта, Канта, Платона, Шопенгауэра, Милля, Локка, Ницше, Спинозы, Штирнера, В. Соловьева и их книги «не марксистского содержания», но фамилий Бердяева, Булгакова, Лосского в ней не было.

Эти и последующие чистки библиотек демонстрируют удивительное явление социалистической действительности. Цензура Главлита пропускает в печать книги, считая их соответствующими идеологическим установкам партии и правительства. Но как только эти установки меняются и авторы многих ранее изданных книг подвергаются репрессиям, Главлит превращается в карательный орган и приказывает ранее разрешенные им и уже напечатанные книги из библиотек удалить и уничтожить. Политический диктат партии изменил лицо цензуры, она стала не только органом запрещающим, но и предписывающим что и как печатать. По собственному опыту преподавания знаю, что в книгах и учебниках по истории русской философии запрещалось критиковать русских философов-идеалистов, указывать их имена и названия их произведений, чтобы не вызывать интереса к ним.

Число инструкций по «чистке» книжных фондов от «идеологически невыдержанной и вредной литературы» росло год от года, что в конечном итоге привело к резкому сокращению фондов библиотек. Это наглядно демонстрируют недавно опубликованные документы ЦК партии. Секретарь Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) Ем. Ярославский направил 5 сентября 1932 г. секретарям ЦК ВКП(б) записку, в которой, в частности, констатировал: «Мне стало известно, что почти во всех библиотеках в течение последних двух

лет происходит фактически разгром книжного фонда. Он проводится под флагом "чистки" книжных фондов от всякого рода идеологически невыдержанной и вредной литературы на основе изданной в 1930 г. Общей инструкции НКПроса. Эта инструкция "конкретизирована" отдельными списками ОНО (отделов народного образования. — *Б. Е.*) и привела к следующим результатам.

Изъята вся антирелигиозная (здесь и далее подчеркнуто автором документа. — *Б. Е.*) литература, разоблачающая религию на основе естественно-научных данных (вопреки указаниям Ленина широко использовать такую литературу)... вся идеалистическая философская литература, за исключением Канта и Гегеля; работы Спенсера, Зиммеля, Бухарина и др. — по историческому социализму и социологии.

Кроме того, создан закрытый фонд, где книгами может пользоваться только партийный актив и учащиеся комвузов. В этот закрытый фонд перенесены такие книги, как: Розы Люксембург "Накопление капитала"; Гильфердинга "Финансовый капитал"; книги по истории партии: Невского, Керженцева, Ярославского; по экономической политике: Тимирязева, Иоффе; по рефлексологии: Бехтерева, Сеченова, Павлова (академика)...

Некоторые ОНО, например, Гадаутское, дошли до того, что издали инструкцию об изъятии таких книг, как Бебеля, Лассаля, Плеханова "Наши разногласия", произ [ведения] Маркса и Энгельса, В. Ильича "Развитие капитализма в России", Сталина "Сборник по национальному вопросу".

В отдельных библиотеках, в частности, в Ленинграде, изымаются сочин [ения] Маркса и Энгельса, изд. под редакцией Рязанова; а так как во многих библиотеках у нас сейчас никаких других изданий Маркса нет, то это значит, что изымают почти все работы Маркса и Энгельса...» [11, *137*]. А член ЦКК заместитель наркома просвещения РСФСР К. А. Мальцев в своем докладе в ЦК ВКП (б) привел немало примеров подобных «чисток»: «Как выяснилось на совещании руководителей этого отдела, изъято свыше 60 % всего книжного фонда. Есть библиотеки, в которых процент изъятия поднимался до 80,90. Корреспонденции из самых разных углов СССР указывают на то, что изымались классики философии, естествознания, изящной литературы и даже революционного марксизма. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Толстой, Тургенев, Гончаров, Диккенс, Гюго, резолюции партсъездов, отчеты съездов Советов, Сеченов, Тимирязев, Хвольсон, Ив. Павлов — уже эти имена "изъятых" сигнализируют о преступности в проведении чистки... В Ленинградской инструкции по отделу "философии" предлагается: идеалистическая философия целиком изымается с открытого абонемента (остаются лишь сочинения Канта и Гегеля). Изымаются работы буржуазных социологов Спенсера, Тарда, М. Ковалевского, Зиммеля. Изымаются Бухарин "Истмат", Деборин, Корнилов, из отдела — антирелигиозная литература: Каутский "Происхождение христианства" и еще 90 названий книг, которых лично я не знаю, но среди которых много фамилий коммунистов... Получается какой-то садизм воспитательной опеки над читателем...» [Там же, *140*]. По поводу приведенных фактов пришлось объясниться министру просвещения А. Бубнову. В конечном итоге Политбюро ЦК ВКП (б) в своем решении «О "чистке" библиотек» от 23 октября 1932 г. постановило:

«Ввиду совершенно недопустимого, по существу антисоветского характера, который приобрела чистка библиотек за последние два года, немедленно прекратить чистку, переводку и перепродажу книг из всех библиотек» [11, *144*].

Повальная чистка фондов библиотек с этого времени действительно прекратилась, но изъятие книг по причине их цензурного запрещения Главлитом и соответствующих его распоряжений продолжалось, пополняя тем самым фонды спецхранов. Большую долю запрещенной литературы составили в 30-е гг. труды репрессированных деятелей культуры, ученых, философов. В этом случае за причину принимался персонифицированный мотив: в спецхран направлялись труды русских философов-эмигрантов, книги репрессированных философов и тех из них, в работах которых упоминались репрессированные «враги народа». В первом случае из общего фонда в спецхран переводились книги русских религиозных мыслителей и богословов, изданные до революции (Голубинского, Тареева, Несмелова и др.), и философов, находящихся в добровольной или вынужденной эмиграции, т. е. высланных из России (Бердяева, Карсавина, Ильина, Лосского и др.). К этому разделу относятся и журналы с философскими публикациями, издававшиеся до революции и в эмиграции. Книги многих репрессированных философов повторили судьбу их авторов. Таких книг было много, поскольку в спецхран переводили все их издания, даже те, которые не имели философского содержания. В итоге к 1938 г. «политически вредными» было признано 4966 книг 1606 авторов, что в итоге составило 10 375 706 экземпляров. Инструкция об основных фондах при библиотеках СССР, датированная апрелем 1941 г., подтвердила необходимость изъятия книг репрессированных авторов. В итоге в спецхран попали 180 книг и брошюр Н. Бухарина, собрание сочинений Л. Троцкого, издававшееся в 1926–1927 гг., и все его книги и брошюры, многочисленные книги Л. Каменева. В спецхран отправляли книги философов-коммунистов и «врагов народа», расстрелянных или погибших в лагерях (И. И. Агола, Г. К. Баммеля, Н. И. Бухарина, В. Ваганяна, А. И. Варьяша, Н. А. Карева, И. К. Луппола, В. И. Невского, Д. Б. Рязанова, Н. А. Сетницкого, Г. Г. Шпета, В. А. Юринца и многих других) [5, *105–110*]. Так, библиотекой Уральского государственного университета «идеологически устаревшими», согласно очередному письму Главлита, были признаны три книги Е. Ситковского — «Категории марксисткой диалектики» (М., 1941), «Об основных чертах марксистского диалектического метода» (М., 1939) и «Философия Ж. Б. Робине» (М., 1936), И. Луппола «Ленин как философ» (М., 1930), В. Варьяша «Логика и диалектика» (М. ; Л., 1928). После разоблачения «культа личности Сталина», в годы «оттепели» и особенно в 80–90-е гг. все философы-марксисты были реабилитированы, а их книги, «неправильно задержанные», были возвращены из спецхранов в фонды общего пользования. ЦК КПСС 13 января 1987 г. создал межведомственную комиссию из представителей Главлита, Госкомиздата и Министерства культуры, которая должна была пересмотреть «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» и частично «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию» с целью «реабилитации» их произведений. В результате только с марта 1987 г. по октябрь 1988 г. в общие фонды из спецхрана были возвращены 7930 изданий. Среди них

были книги как эмигрантов первой волны (около 600 имен, среди которых было много философов), так и послевоенных эмигрантов-философов: А. А. Зиновьева, Е. С. Эткинда, Г. Н. Владимова и др.

Наконец, удивительна была судьба книг, попавших в спецхран только потому, что в них встречались фамилии тех, кто был осужден как «враг народа». По распоряжению Главлита их фамилии должны были быть зачеркнуты, а изображения из книг удалены. Например, в спецхране оказалось много книг, в том числе философских, как самого Каменева, так и тех, к которым он писал предисловия, либо их редактировал, либо только в них упоминался. Книга Медведева (т. е. Бахтина) «Формальный метод в литературе» (Л., 1928) попала в спецхран только потому, что в ней в одной из цитат был упомянут Троцкий. А библиотеке Уральского университета пришлось изъять из обращения книгу Л. Н. Когана «Творческая инициатива рабочего класса СССР в социалистическом труде» (Свердловск, 1952), поскольку в ней на 58-й странице была обнаружена ссылка на Берию. Эти примеры можно множить и множить.

История советской цензуры, обстоятельства «чистки» фондов библиотек и история их спецхранов в последние годы стали объектом изучения. Появилось несколько работ в основном общего характера. Приведем лишь некоторые из них: *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб., 2000; *Глазков М. Н.* Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930-е — начале 1940-х гг. М., 2007; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002, *Лютова К. В.* Спецхран библиотеки Академии наук. СПб., 1999. Работ, посвященных именно цензуре и специальному хранению книг научного и особенно философского содержания, нет. Хотя это одна из печальных страниц существования немарксистской философии в эпоху тотального преследования. Хочется надеяться, что эта небольшая статья обратит внимание на цензуру философской литературы и ее специальное хранение в закрытых фондах библиотек в советское время как на значительную исследовательскую проблему.

---

1. *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.
2. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
3. *Емельянов Б. В.* Цензура философской литературы в России: от века Серебряного к веку железному // Вестн. Мурм. гос. техн. ун-та. 2010. Т. 13, № 2. С. 342–348.
4. *Емельянов Б. В.* Цензурная судьба русской философии // Емельянов Б. В. Политические судьбы русской философии. Екатеринбург, 2011. С. 5–30.
5. *Емельянов Б. В.* Расстрелянная философия. Список погибших русских философов (1917–1953) // Емельянов Б. В. Политические судьбы русской философии. Екатеринбург, 2011. С. 105–110.
6. *Красногоров В.* Гласность и безгласность. Заметки по истории отечественной цензуры // Нева. 1990. № 3. С. 146–165.
7. Красный библиотекарь (М.). 1924. № 1 (4).
8. На подступах к спецхрану : тр. Межрегион. науч.-практ. конф. «Свобода научной информации и охрана государственной тайны». СПб., 1995.

9. Описание торжественного открытия Императорской публичной библиотеки, бывшего 2 января 1814 г. СПб., 1814.
10. Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 24.
11. «Садизм воспитательной опеки над читателем» // Источник. 1996. № 4.
12. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Ч. 9 : Приложения. М., 1971.
13. Социалистический вестник. 1924. № 9.

Статья поступила в редакцию 15.06.2015 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ», ПОСВЯЩЕННАЯ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Определенным вкладом уральской исторической общественности в празднование 70-летия Великой Победы стала организация и проведение в Екатеринбурге в апреле 2015 г. Международной научно-практической конференции.

По ее итогам был издан сборник материалов в двух томах, содержащий 155 выступлений и включающий 181 автора[1]. В работе конференции приняло участие большое число ученых, краеведов, учителей, ветеранов, представителей общественности. Она была проведена в рамках Уральских военно-исторических чтений. Нам уже доводилось писать о таком исторической форуме[2].

Конференция проходила под патронажем Правительства Свердловской области и Министерства культуры Свердловской области, в ее подготовке и проведении принимали участие Институт истории и археологии Уральского отделения Академии наук РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский государственный военно-исторический музей, Уральская горно-металлургическая компания и ряд других организаций.

Отличительной особенностью данной конференции, кроме ее юбилейного статуса, является большое число авторов и массовое участие учителей. Этим и объясняется издание материалов конференции в двух томах.

Открылась конференция пленарным заседанием, на котором выступило пять ученых, в том числе двое зарубежных. Первым был доклад известного уральского историка профессора *А. В. Сперанского* о вкладе Урала в Великую Победу. Профессор *Р. Г. Пихоя* осветил роль документов Политбюро ЦК ВКП(б) как источника сведений по истории Великой Отечественной войны. Китайский ученый профессор *Сюй Цзиньцю* сделала доклад о влиянии советской литературы

---

[1] 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности : Девятые Урал. воен.-ист. чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. Екатеринбург, 2015. Ч. 1. 392 с. ; Ч. 2. 424 с.

[2] *Запарий В. В., Сперанский А. В.* Уральские военно-исторические чтения как общественное и научное явление современности // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : материалы XI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 26–27 сент. 2013 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2013. Т. 1. С.70–85.

на общественное мнение в Китае, а ученый из Туркменистана *Д. С. Аннаоразов* выступил с докладом о работе туркменских рабочих на предприятиях Урала.

Главное внимание в докладах и сообщениях было уделено социально-экономическим проблемам тыла. Первая секция была посвящена вопросам закладки социально-экономического фундамента Великой Победы. Было сделано 37 докладов. В работе секции приняли участие 42 ученых, из них 11 докторов наук, профессоров, 25 кандидатов наук, доцентов, 4 работника архивов и по одному учителю и студенту.

Среди докладов можно выделить сообщения о вкладе Урала в дело Победы, особенно о роли промышленных предприятий. Ряд сообщений был посвящен проблемам принудительного труда, демографическим проблемам, вопросам эвакуации и материально-бытового положения трудящихся. Были отражены и проблемы сельского хозяйства.

На второй секции рассматривались вопросы, связанные с подготовкой боевых резервов и ратным подвигом фронтовиков. В ее работе приняло участие 35 человек, было сделано 29 докладов. Среди выступавших — 7 докторов наук, 9 кандидатов, 8 учителей, 5 студентов, 3 аспиранта, два работника архивов и один школьник.

Большая часть материалов касалась судьбы людей, внесших вклад в дело победы на фронте или в тылу, в ряде выступлений освещались вопросы использования оружия и т. д.

Ветераны Великой Отечественной войны — участники конференции

Заместитель председателя Правительства Свердловской области В. И. Романов знакомится с выставкой книг

Третья секция была посвящена духовному источнику Победы. Было сделано 30 докладов. Среди 37 выступавших — 7 докторов наук, профессоров, 13 кандидатов наук доцентов, 6 учителей, 5 аспирантов, 6 студентов. Основная часть сообщений касалась культуры, в самой широкой ее интерпретации. Довольно много докладов было о кинематографе. Странным кажется присутствие на этой секции выступлений о работе ученых в годы войны, хотя сами сообщения интересны. Духовности просвящено лишь одно выступление, первое. Совершенно не соответствовали тематике секции выступления, посвященные созданию специальных лагерных судов или выборам в Чкаловской области.

На четвертой секции рассматривалась роль истории Великой войны в процессе образования и патриотического воспитания. Было сделано 33 доклада, в их подготовке участвовали 42 человека, среди них — 1 доктор наук, профессор, 7 кандидатов

Российские и китайские ученые на конференции

наук, доцентов, 30 учителей, 4 студента. Преимущественное число выступлений касалось проблем воспитания и проявления патриотизма, особое внимание было обращено на качество учебников по истории.

Пятая секция была посвящена оценке современных интерпретаций истории Второй мировой войны. Здесь был сделан 21 доклад. Среди 22 участников — 9 докторов наук, профессоров, 9 кандидатов наук, доцентов, 4 учителя. Выступления отличались разноплановостью и нестандартным пониманием проблем и исторических подходов. Они касались методологических походов, проблем патриотизма в условиях глобализации. Ряд выступлений был посвящен деятелям, которых еще недавно называли фальсификаторами истории. Интересными были материалы о личностном восприятии войны и памяти о ней. Были затронуты вопросы геополитики, проблемы цены Победы, говорили об уроках войны в плане обеспечения национальной безопасности в наши дни.

Всего в работе конференции приняло участие несколько сот человек. Среди них — ветераны войны, 40 докторов наук, профессоров, 63 кандидата наук, доцента, учителя, студенты. Наряду с представителями России были ученые из Белоруссии, Венгрии, Германии, Казахстана, Китая, Польши, Туркмении, Франции, Украины.

Таким образом, состоялся не только праздник, посвященный Победе, но и серьезный разговор, обсуждение, обмен мнениями представителей общественности, ученых, ветеранов о войне во всех ее проявлениях и о необходимости помнить уроки прошлого. Так прошли Девятые Уральские военно-исторические чтения.

В. В. Запарий, доктор исторических наук, профессор

SUMMARY

SCHOLAR'S ROSTRUM

Zborovsky G. E. Pluralism of methodological approaches as a problem of scientific research.....6

The article proves the need to use such approaches as methodological and disciplinary ones referring to the theoretical and empirical studies. Particular attention is paid to the use of scientific approaches in recent years in social and humanitarian studies if they are applicable from the methodological point of view.

K e y w o r d s: pluralism; methodological approaches; quantitative and qualitative approaches; disciplinary approaches; interdisciplinary approaches; science approaches.

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

Bakanov R. P. Professionalism of journalists in the discourse of modern federal media 16

The author makes an attempt to understand how professional qualities of journalists are updated and discussed in the "agenda" of the modern federal press. We have revealed that the conversation about this occurs infrequently and only for informational reasons. We have also presented the role of media criticism as a direction designed to promote the establishment and maintenance of public dialogue about the standards of modern journalism, what should be considered is appropriate and what should not.

K e y w o r d s: journalist; media criticism; professional ethics; professional journalist; assessment; quality; discussion.

Bakshtanovsky V. I., Bogdanova M. V. Is the ethics of hopeless resoluteness — Actual value of modern journalism? 23

This article is devoted to the analysis of professional and moral situation in journalistic business and to the basis of one of actual ethics' contents of this profession referring to the today's critical state of the moral conditions of journalism. Authors put forward and prove the thesis that the power of the professional journalists' ethics is supported by the potential of "the hopeless resoluteness ethics» today. This potential consists of the professionalism capable to keep professional and ethical identity, in case of unwarranted success takes place.

K e y w o r d s: moral conditions; professional ethics of the journalist; professional and ethical identity; "ethics of hopeless resoluteness".

Boychuk A. N. The stages in the development of Kamensk-Uralsky TV (1990–2014).....28

The paper studies the stages of the development of Kamensk-Uralsky's TV in 1990–2014 via print press and interviews. Apart from historical perspective, the stages of the development of the subjects and genres of the local programs are considered in the following paper.

K e y w o r d s: Kamensk-Uralsky; local TV; news.

Bykov A. Yu. Development of the concepts related to the freedom of speech: journalism education experience in the United States of America 37

Development of the concepts related to the freedom of expression in journalism schools of the United States of America are analyzed in this paper. The problem is addressed regarding the historical context, more attention is paid to the current situation related to journalism education. The author studies some curricula and programs of disciplines in terms of the principles of freedom of speech.

K e y w o r d s: freedom of speech; freedom of press; journalism education; school of journalism; bachelor; Master's program; US media.

Sarasov E. A. Legislative maintenance of human rights referring to information and social computer networks 45

The author defines the basic concepts the following way: computer networks, legislative maintenance of the rights, the right to information. It is being stated that its essence is based on the right of an individual to the objective truth. The scientific assumption is made, according to which the state might use computer networks to restrain the individual freedom. The history of computer networks is analyzed, as well as the the purposes of use of these networks by the state. The Soviet and Russian laws providing human rights to information are examined. A number of conclusions are made by the author. According to the Constitution, the human rights to information should ensured and be provided by the state. Instead the tendency to use information technologies by the state in order to increase the level of public control is being observed.

K e y w o r d s: human rights to information; information freedom; the state; computer networks.

Sumskaja A. S. Monetization of the TV formats: the industrial approach 52

The article examines the problem of the formation of a new entrepreneurial culture among producers / media managers in the framework of modern economic situation. Based on the analysis of the global media-market and media-formats, the author identifies the opportunities, methods and areas of such kind of monetization as well as practice in commercialization of TV formats in Russian media industry.

K e y w o r d s: monetization of producing activity; producers' entrepreneurial culture in renewed media; culture of TV formats production based on industrial approach.

Tkachenko L. A. the specifics of orthodox journalism and new trends in diocesan media system development 59

The author defines the concepts of religious and orthodox journalism, and distinguishes the differences between "the orthodox journalism" and " the journalism about Orthodoxy." The main problems of modern orthodox media, such as the problem of professionalism, style and genre diversity are examined. The study reveals the new trends referring to the Russian Orthodox journalism following the example of Novosibirsk diocese.

K e y w o r d s: religious journalism; Orthodox mass media; media holding; diocese; Russian Orthodox church.

Frantasova A. M. Discursive practices of print advertising of the hotel services 64

This paper examines the main value-oriented discursive practices operating in the field of print advertising of hotel services. The author identifies the most common of them and describes the distinctive features of each practice.

K e y w o r d s: discourse; discursive practice; advertising of hotel services; print advertising.

PSYCHOLOGY

Permyakova M. E., Ershova I. A. Subjective perception of happiness by believers and atheists.....69

The article is dedicated to the comparative analysis of results of the psychological research focused on subjective perception of happiness by orthodox believers and atheists. The authors present the results of diagnostics of personal characteristics important for life satisfaction, such as the level of anxiety and the level of optimism. The data obtained by the scholars is compared to the findings of Russian and foreign studies.

K e y w o r d s: orthodox believers; atheists; subjective perception of happiness; anxiety; optimism.

Koroleva Y. A. Social and psychological competence in the structure of Person's Resilience 79

The article analyzes the problems of the postmodern society, requirements to the modern individual as a bearer of certain social qualities, personality as a stable and dynamic system and to the individual as the subject of activity. The author studies the person's resilience and discusses its correlation with social and psychological competence. The structure of person's resilience that includes three components is analyzed in this research.

K e y w o r d s: postmodern society; person's resilience; social psychological competence.

CULTURE STUDIES

Myasnikova L. A., Drozdova A. V. Theoretical and Methodological Approaches to Everydayness Research Pertaining to Modern Arts 86

Modern society can be characterized by the development of the new forms of sociality that have triggered "rediscovery" of everyday life in contemporary human sciences. Recognizing poly-variety of the world, its heterogeneity social theoretical knowledge revealed a complex structure of everyday life, its inability to be reduced to a certain abstract characteristic. It is the everyday world of an individual that promotes the manifestation of transformations proper to the society, thus, its experience and practices have become the subject of interdisciplinary analysis.

K e y w o r d s: everyday life; poly-variety; everyday practices; actor; involvement; interdisciplinary approach.

Starostova L. E. The pragmatic approach to the modeling of are identity: social and cultural aspects..... 95

The subject of the article is the concept of area identity, which is perceived as a key component of methodological tools in the theory of area branding. The author analyzes a range of approaches and offers her own model of the area identity, based on the pragmatic approach to the analysis of the area identity.

K e y w o r d s: identity; place identity; area branding; city; model; communication.

Golovneva E. V. Regional identity in the culture of postmodern..... 105

This article deals with the revealing of conceptual foundations of the term "regional identity" as well as specification of the different aspects in considering of this phenomenon. Author came to the conclusion that regional identity is supposed to be the formative attribute for region as social and cultural entity and as a phenomenon retains its own sustainability in the culture of postmodernism, in spite of contemporary endeavors to criticize this term and put it into the new theoretical contexts.

K e y w o r d s: regional identity; identification; region; regional culture; postmodern culture.

Kirillova N. B., Ulitina N. M. The origins of existentialism in the art of M. Yu. Lermontov: culturological approach 112

This article presents an interpretation of literary activity of M. Yu. Lermontov, from a new perspective of culturology. It is analyzed within the context of the pre-history of Russian existentialism as a philosophy of being. The authors argue that the images found in many Lermontov's literary and drama works (both romantic and realistic) are not only multifaceted conceptual and artistic creations; they also possess deeper moral and philosophical meaning. This allows to examine existential aspects in Lermontov's art.

K e y w o r d s: XIX century culture; interdisciplinary research; art; philosophy of art; realism; romanticism; existentialism; philosophy of life.

Stepanova T. M., Stepanov A. V. Iconics. Motivating factor for iconic activities: gathering, variety, novelty 125

The article studies the aspects of holistic consideration of the motivating factors of human activity in the visual part of psychology, ethnology and cultural studies. According to the authors, these aspects are important for understanding the goals and objectives of visual education, because they are tracing the cause and-effect relationships that contribute to visual and operation processes. The integrated approach to the study of visual motivation is related both to the analytical separation (psychology, ethology, cultural), and the synthesis within iconics as a methodology for visual and productive human activity.

K e y w o r d s: iconics; ethological and psychological interaction; VJ alerted visual modeling and visual object activity; gathering; variety; novelty.

Surkov A. V. The art of photography: ambivalency of digital fixing..... 135

The author studies the problem related to the modern perception of the visual in the context of contemporary art. The object of study is digital photography as means of capturing outstanding expressive features.

K e y w o r d s: visual component; photography; color; art; formalism; digital technologies.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Tomiltsev A. V., Maltsev A. V. Standardization of the education concepts based on structural logical schema development (knowledge map) 141

The article is devoted to the problem of of knowledge management in the sphere of education. The basic for administrative influence in the process of knowledge acquirement is based on the transformation of implicit knowledge into explicit and formalized knowledge. The formalization allows to speak about the reference model, according to which the achieved results could be compared and the monitoring of the students' progress is organized. The using of the test technologies allows to get the objective appraisal of the student's knowledge (or the knowledge of the entire class, grade).

K e y w o r d s: knowledge; quality; information; knowledge map; qualimetry; tests; skills; control map; level of knowledge.

Protsenko L. G. Research strategies of informal scientific communities: "invisible colleges" *vs* science schools 153

The article studies the formation and development of the two approaches of studying of informal scientific communities. The first approach focuses on the research of such informal structures as "invisible college". The second approach investigates scientific schools. It is concluded that the difference between scientific school and "invisible college" is in the epistemological field, not ontological. The difference between research strategies of studying of these phenomena occurs due to institutional differences between the Western and and the Soviet science. in this case, certain strategies are complementary, not mutually exclusive. Their combined application will examine the formation and development of informal scientific communities more fully and deeply, as well as their transformation and influence in the modern system of globalized science.

K e y w o r d s: scientific school; "invisible colleges"; sociology of science; informal scientific communities.

Zalesky M. L., Makarova D. V., Zalesskaya A. M. The role of student government in the formation of professional competences of the graduate university of entrepreneurial type 163

The results of the survey related to the demand for university graduates in the labor market, matching the level of preparedness of graduates to employers' needs are explored by the author. Based on the data obtained the authors justify the usefulness of educational work and student government mechanisms for more effective networking skills of future graduates. The authors analyzed the possibility of using the Montessori system components (including forming environment) in order to solve the problem mentioned above.

K e y w o r d s: professional knowledge; skills; competence; value orientation; axiological structure; society; socialization; activities; Student Council; cooperation.

Fakhrutdinova A. V. Modern approaches to the idea of civilian education: content aspect 170

The problem of the modern content of civilian education is perceived by the author as a triplex structure of the following components: civic values, civic knowledge and civic skills. This work describes the determinants that influence the civilian education. The author provides a modern definition of the civilian education and also marks out its goals and tasks based on the definition introduced earlier.

K e y w o r d s: civilian education; education; civic values; civic knowledge; civic skills.

POINT OF VIEW

Iskhakov R. L., Karamov N. S., Nurakhmetov R. R. Russian Muslims: talking about ethnic and confessional identification 175

The authors focus on the issue of ethnic and confessional authentication of Russians, bearers of Islamic values. They point out that modern Russian Muslims as a part of the Russians have gone through the historical ethnic and nationalistic phases of development in theirs history: pre-ethnic, nationalistic, and post-ethnic.

K e y w o r d s: Russian Muslims; ethnic picture of the world; Koran tolerance; Ummah; Millet; stan's state system.

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

Emelyanov B. V. Philosophy of special knowldege: facts and comments.....188

The censorial policy of the soviet state related to the philosophical literature is being examined, referring to the disallowance of the creation of the literature fund of limited storage (“spetzchran’).

K e y w o r d s: censorship; “glavlit’’; philosophy; forbidden literature; “spezchran’’.

SCIENTIFIC LIFE

International conference “historical experience and modern problems’’, dedicated to the 70th anniversary of victory in the great patriotic war (*V. V. Zapariy*).....196

ИЗВЕСТИЯ

УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры

2015

№ 3 (141)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 25.08.2015. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 17,2. Усл.-печ. л. 16,7. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 336.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при министерстве образования и науки Российской Федерации, журнала публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. Филологические науки (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки.** Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: http://urfu.ru/science/proceedings/

О порядке предоставления рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала http://izvestia1.urfu.ru) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. В целях обеспечения высокого научного уровня публикаций редакция оставляет за собой право на направление статьи на дополнительное рецензирование.

4. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

5. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике

и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.
2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 14.02.2007).
3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.
10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.
11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: http://www.fbk.ru (дата обращения: 12.01.2012).
12. *Шацилло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64.
13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, *23*] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

1. [ГАСО (Гос. арх. Свердл. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.]
2. [РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.].

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Exel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».
Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.
Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ (для *Ларисы Александровны Хухаревой*).
Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru